
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА»

Денисенко Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *главный редактор*

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *заместитель главного редактора*

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П. Машерова, Витебск, Республика Беларусь — *заместитель главного редактора*

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Беднарова-Гибова Клаудиа — доктор филологических наук (PhDr), лектор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета, Университет г. Прешов, Республика Словакия

Владимирова Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Петров Александр Владимирович — доктор филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Тарасов Евгений Фёдорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY
series THEORY OF LANGUAGE. SEMIOTICS. SEMANTICS

Prof. Vladimir N. Denissenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Editor-in chief*

Prof. Elena A. Krassina — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Vice-editor-in chief*

Prof. Valentina A. Maslova — Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Balarus — *Vice-editor-in chief*

Dr. Natalya V. Novospasskaya — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Managing Secretary*

Editorial Board Members

Prof. Uldanay M. Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Klaudia Bednárová-Gibová — Institute of British and American Studies at the Faculty of Arts, University of Prešov, Prešov, Republic of Slovakia

Prof. Tatyana Eu. Vladimirova — Centre of International Education, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov; Moscow

Prof. Makhanbet Dzhusupov — Honored Professor of the Uzbek State World languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Sergey A. Nizhnikov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Marina L. Novikova — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Alexander V. Petrov — Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Prof. Vladimir P. Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Evgeniy F. Tarasov — the Head of the Psycholinguistic Sector, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Zifa K. Temirgazina — Pavlodar State Pedagogical University Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 4

Серия издается с 2010 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

- Бочкарев А.Е.** К эпистемологическим основаниям теории значения 7
- Катаев А.О.** Языковой знак как категория философии, лингвистики и переводоведения 17

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

- Бубнова Н.В.** Системный подход к исследованию ассоциативно-культурного фона ономастических единиц: от регионального к общенациональному уровню 26
- Волкова Н.А.** Повседневная лексика «языка инноваций» как отражение модернизационного потенциала российских городов 36
- Ильина А.Ю., Куприянова М.Е.** Лингвокультурное своеобразие топонимаций провинции Британская Колумбия (Канада) 49
- Радович М.** Топонимы, катойконимы и топонимические прозвища Бразилии: морфологический и культурологический аспекты 56

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В НОРМЕ И УЗУСЕ

- Шулежкова С.Г., Макарова А.С.** Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы и России 65
- Чигашева М.А.** Лексико-семантическое микрополе «MERKEL» 74

Омашева Ж.М. Названия лекарственных трав в казахском языке: этимологический аспект	82
Фатеева И.М. Когнитивно-антропоцентрический подход к пониманию категории комического (на примере текстов, содержащих кинологическую лексику)	90
Васильева А.А. Компаративные единицы, характеризующие языковой портрет персонажа (на примере произведения А. Иванова «Географ глобус пропил»)	101
МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС	
Преображенский С.Ю., Коновалова Д.Г. Прецедентные текстуальные компоненты в дискурсивном пространстве социальных сетей	108
Беляков М.В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом sentiment-анализа (статья 2)	115
Букина Л.М. Лингвистический и паралингвистический аспекты интернет-дискурса (на примере французских пользователей)	125
Гриценко А.Н., Морослин П.В. Метафорические номинации агентов спортивного события в русских спортивных медиа	135
«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»	
Джусупов Н.М. Чингиз Айтматов: «Прощай, Гульсары» и/или «Жаныбарым Гулсарым» (два заголовка — два семантико-стилистических содержания)	141
Монфорте Дюпре Р.В., Чеснокова О.С. А.П. Чехов на испанском языке: сопоставление двух переводов рассказа «Пари»	151
СИМВОЛИЗМ И ОБРАЗНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ	
Ткач Д.Г. Образный язык гротесков и арабесков во французском декоративно-прикладном искусстве XVII—XVIII вв.	163
Бодорр Ф., Кунцевич Д.В. Синтез искусств в работах французских декадентов и символистов	173
Шервашидзе В.В. От постромантизма к символистской эстетике: «Цветы зла» Ш. Бодлера	181
Косова Ю.А. Концепция «другого» в трилогии Ж. Руо («Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе»)	186
СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА	
Тихонова Е.Н. Словоизменительная парадигма глагола в грамматическом словаре русского языка	195
Попова Е.Н., Томашевич С.Б. Морфный состав слога в разных классах слов и разных типах текстов	203
Иванова И.Г., Егошина Р.А. Фонетическая интерференция во французской речи студентов мари	211
Александрова Е.М. Специфика порождения языковой игры в разноструктурных языках	218
Аламайрех Е.Ю. Некоторые уточнения определения понятия «аббревиация»	224
НАШИ АВТОРЫ	232

© Российский университет дружбы народов, 2016

Информация о журнале:

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>

BULLETIN

ACADEMIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

**THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS**

2016, N 4

Series founded in 2010

Peoples' Friendship University of Russia

TABLE OF CONTENTS

ONTOLOGY OF THE THEORY OF MEANING

- Bochkarev A.E.** To the epistemological foundation of the theory of meaning 7
Kataev A.O. Language sign as a category of philosophy, linguistics and theory of translation ... 17

POCESSES PF NOMINATION AND INNOVATION IN LANGUAGE AND SPEECH

- Bubnova N.V.** Systematic approach to the research of the associative-cultural background of onyms: from regional to nationwide level 26
Volkova N.A. "Language of innovation" everyday vocabulary: representation of the modernization potential of Russian cities 36
Ilyina A.Yu., Kupriyanova M.E. Linguistic and cultural peculiarities of British Columbia (Canada) toponymy 49
Radović M. Toponyms, demonyms and toponymic nicknames in Brazil: morphological and cultural aspects 56

SEMANTIC POTENTIAL OF LANGUAGE: NORM AND USAGE

- Shulezkova S.G., Makarova A.S.** French winged units in the international block of slogans of modern Europe and Russia 65
Chigasheva M.A. Lexical-and-semantic microfield «MERKEL» 74

Omasheva Zh.M. Medicinal herb names in the Kazakh language from the origin viewpoint ...	82
Fateeva I.M. Cognitive and anthropocentric approach to treating the category of comic (on the texts containing canine terms)	90
Vasilyeva A.A. Comparative means to characterize linguistic portrait of a literary personage (after the novel “The Geographer Drank His Globe away” by A. Ivanov)	101
MEDIA DISCOURSE	
Preobrazhenskiy S.Yu., Konovalova D.G. Precedent textual components in social nets discursive space	108
Belyakov M.V. The analysis of news messages of the RF Ministry of Foreign Affairs website by the sentiment-analysis (Article 2)	115
Bukina L.M. linguistic and paralinguistic aspect of Internet discourse (on the example of French users)	125
Gritsenko A.N., Moroslin P.V. Metaphorical nominations of agents of sports event in Russian sporting media	135
«TRANSLATION FAILURES»	
Dzhusupov N.M. Chingiz Ajtmatov: “Farewell, Gulsari” and/or “Janibarim Gulsarim” (two titles — two semantico-stylistic contents)	141
Monforte Dupret R.V., Chesnokova O.S. Anton Chekhov in the Spanish language: a comparative study of two translations of the short story “THE BET”	151
SYMBOLISM AND IMAGERY OF FRENCH CULTURE	
Tkach D.G. Grotesques and arabesques figurative language in the French decorative art of XVII—XVIII centuries	163
Baudorre Ph., Kuntsevich D.V. Arts synthesis in texts of French decadents and symbolists .	173
Shervashidze V.V. From postromanticism to symbolist aesthetics: Ch. Baudelaire’s « <i>LES FLEURS DU MAL</i> »	181
Kosova Yu.A. The concept of the <i>OTHER</i> in J. Rouaud’s trilogy (“Les champs d’honneur”, “Des hommes illustres”, “Le monde a peu près”)	186
SYSTEMIC, STRUCTURAL AND APPLIED DESCRIPTIONS OF LANGUAGE	
Tikhonova E.N. Inflexion verbal paradigm in the Russian language grammar dictionary	195
Popova E.N., Tomashevich S.B. Morphemic structure of syllables in different word classes and different types of texts	203
Ivanova I.G., Egoshina R.A. Phonetic interference in Mari students’ French pronunciation	211
Aleksandrova E.M. The specifics of creating puns in languages of different structure	218
Alamaireh E.Yu. Some clarifications of definition of the concept of “abbreviation process”	224
OUR AUTHORS	232

ОНТОЛОГИЯ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

УДК 81'37:165.19

К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

А.Е. Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Россия, 603155
abotchkaev@hse.ru

В каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания — как представления, понятия или идеи, предрассудки, социальные конвенции или ментальные репрезентации, — все без исключения теории значения совпадают в главном: фоновые знания суть необходимые условия понимания. Эпистемологически ориентированной семантике надлежит в этой связи уяснить, как варьируются с исследовательской позицией востребованные в толковании знания, какие знания избираются преимущественно в толковании и можно ли построить на принципах «эпистемологического консерватизма» единую модель толкования.

Ключевые слова: теория значения, эпистемология, знания, социальные нормы, ментальные репрезентации

ВВЕДЕНИЕ

Эпистемология традиционно занимается изучением знания. В качестве «науки о знании» эпистемология совпадает отчасти с историей, социологией и философией науки [Мокшицкий 1991: 109—124; Ору 2000: 84—118; Щедровицкий 1997: 437—440]. Сходным здесь является, безусловно, понимание знания как исторически изменчивой социокультурной реальности, отличным — область применения, объект, задачи и методы исследования. Оставаясь в кругу философской мысли по содержанию и методам, философия науки, например, замыкается преимущественно на философских аспектах знания, континуальности и прерывистости познания, социология — на социальной институционализации знания, история науки — на исторической эволюции научного знания, тогда как эпистемологии достаются по определению наиболее общие вопросы: структура горизонта ретроспекции, условия производства, хранения, переработки и передачи знаний.

Вне зависимости от общей теории знания эпистемологической является, по сути, и традиционная для теории языка рефлексия в отношении объекта, принци-

пов и методов его изучения. В самом общем виде она сводится к извечным методологическим вопросам, насколько верно моделируется в теории объект и какие следует предъявлять к теории требования как условию, обеспечивающему эвристическую ее значимость, простоту, прогностическую и объяснительную силу, а в частном преломлении преобразуется в историю лингвистических учений — «историю и эпистемологию наук о языке» [Ору 2000]. Особый интерес здесь вызывает, очевидно, не каталогизация известных теорий и учений, не приклеивание этикеток, а осознание обусловивших их эпистемологических предпосылок, преемственности и разрывов знания в отношениях между языком-объектом и всевозможными его «рациональными реконструкциями», по Г. Рейхенбаху.

Наряду с рефлексией в отношении эволюции лингвистических идей эпистемологическим является, наконец, и традиционный вопрос, которым задается «изнутри» любая теория значения: как отражаются в языке знания о мире? какие знания учитывать в толковании? на каких знаниях должна строиться адекватная теория значения? Действительно, идет ли речь о герменевтике, интерпретирующей семантике, теории речевых актов, когнитивной семантике или исследованиях по искусственному интеллекту, ни одна теория значения не обходится без обращения к фоновым знаниям. В герменевтике их подают как предрассудки (*préjugés*), в теории речевых актов — как социальные конвенции, в исследованиях по искусственному интеллекту — как скрипты и семантические сети, в когнитивной семантике — как опытные гештальты, прототипы, лексические стереотипы и фреймы, в интерпретирующей семантике — как социальные нормы, прагматические пресуппозиции, фон невысказанных допущений. Причем в каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания, главное здесь даже не понять, где проходит граница между более или менее достоверным знанием, а установить, какими системами представлений руководствуются всякий раз говорящие и почему востребованными в толковании оказываются такие, а не какие-то другие представления.

Без такого самопознания семантике не обойтись, особенно если ее интересуют не сами по себе факты значения, но и модели их репрезентации в металингвистическом описании. Эпистемологически ориентированной теории значения надлежит в этой связи уяснить:

- как оперируют знаниями в семантической интерпретации;
- как взаимодействуют в составе значения разные виды знания;
- как обеспечивается в таком взаимодействии единство значения.

Решив эти задачи, можно установить, на каких знаниях основываются преимущественно те или иные теории значения, в чем заключаются существующие между ними различия и какой должна быть в идеальном раскладе эпистемологически ориентированная модель значения [Бочкарев 2007].

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫХ ТАКСОНОМИЙ

В позитивистском определении знание однозначно, как однозначно и незнание. Во имя позитивистской научности и объективности недостоверными мнениями, тем паче ложными суждениями и заблуждениями, здесь можно пренебречь

как не отвечающими истинному положению вещей. Поэтому неслучайно в таксономической обработке анализ значения сопрягается необходимым образом с абсолютно достоверным специально-научным знанием: от объективированного в общественной практике заключения в значениях, значение проверяют в обратном порядке на соответствие тому же знанию. Например, чтобы установить истинностное значение широко обсуждавшегося высказывания *Собака комиссара лает*, онтологически ориентированной условно-истинностной семантике требуется сначала уяснить, какому онтологическому классу принадлежит субъект суждения, какими свойствами наделяются в пределах заданной области знания все (или почти все) представители этого класса, и только затем судить, соответствует ли субъекту суждения присоединенный предикат. Так компоненты значения отождествляются по умолчанию с таксономическими свойствами обозначаемой словом вещи.

Таксономические признаки суть, безусловно, необходимые, но не единственно возможные компоненты значения. Каким бы привлекательным ни казался постулируемый в онтологической семантике принцип соответствия значения вещи, языковое значение нельзя ограничивать специально-научным знанием вещи. В противном случае толкование низойдет до регистрации исключительно только онтологических свойств — весьма существенных, согласимся, для разумения, чем является «на самом деле» обозначаемая словом вещь, но недостаточных для понимания того, какой она видится человеку в языке. В речевом обиходе, во всяком случае, помимо таксономических признаков ‘домашнее животное’, ‘семейство хищных млекопитающих’, русск. *собака* определяется еще и по некоторым афферентным, но оттого не менее значимым признакам, например: ‘сторож’ (*Осторожно, злая собака*); ‘друг’ (*Собака — друг человека*), ‘член семьи’ (*Папа тебя сейчас прогуляет*) и т.п.¹ Жертвовать такими компонентами значения в угоду пресловутому «чувству реальности», по Б. Расселу, значит существенным образом обеднять языковое значение.

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ

Наряду с научными таксономиями в оформлении языкового значения участвует, согласимся, и то, что находится, как говорил Платон, «за пределами знания» [Платон 1990—1994. Т. 2: 263] или, как поясняет Дж. Лакофф, за пределами объективного знания [Лакофф 2004: 168, 185, 201, 214, 215]. В определении Платона это мнение большинства [Платон 1990—1994. Т. 1: 102—104, 135—136; Т. 2: 228, 263; Т. 3: 142, 318], в определении Аристотеля — то, что кажется правиль-

---

¹ О социально нормированных афферентных признаках можно к тому же судить и по заведомо известным фразеологическим оборотам: *собачья жизнь* (в значении «тяжелая жизнь»), *собачий характер* (в значении «плохой характер»), *собачий холод* (в значении «очень холодно»), *собачья радость* (в значении «колбаса самого низкого качества»), *собака на сене* (в значении «не пользоваться чем-либо и другим не давать»), *собачиться* (в значении «браниться»), *как собак нерезаных* (в значении «в большом количестве»), *всех собак вешать* (в значении «необоснованно возводить обвинения») и т.д.

ным всем или большинству людей [Аристотель 1978: 349], в определении В.Н. Волошинова — «подразумеваемое» семьи, рода, нации, класса [Волошинов 1995: С. 65—69; ср. Гадамер 1988: 317—355, 586].

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

На таких представлениях выстраиваются в известной степени и социальные нормы, которыми оперирует интерпретирующая семантика [Растье 2001: 42—43; ср. Бочкарев 2012: 69—75]. В приложении к языку как «общественному установлению» и «факту культуры», по Э. Косериу, это общепринятые мнения типа *doxa*, так или иначе инкорпорированные в языковых произведениях в виде сопутствующих нормативных систематик. Например, чтобы понять тавтологичное высказывание вида *Война есть война*, нелишне знать, повторим за Ю.Д. Апресяном, чем «наблюдаемое положение вещей отклоняется от нормы добра, человечности, морали, порядка» [Апресян 1995: 167]. Не менее показательны в изложении Ф. Растье и широко используемые в качестве «инструмента идеологического воспитания» упражнения с пропусками из школьной практики. Учащимся предлагается, например, установить наиболее подходящий вариант сочетаемости существительных *заклоченный* и *начальник тюрьмы* с прилагательными *доброжелательный* и *раскаивающийся* в дескрипциях вида *раскаивающийся начальник* — *доброжелательный заключенный* или *доброжелательный начальник* — *раскаивающийся заключенный*, а затем привести соответствующие доводы в пользу «правильного» выбора: если *заклоченный* — значит виновный; если виновный — значит должен раскаяться. С помощью таких упражнений нельзя, конечно же, обучиться языку, зато можно усвоить, заключает Ф. Растье, некоторые общезначимые социальные нормы [Растье 200: 143].

Разумеется, примеры социальных норм можно обнаружить не только в области этики и идеологии. Ими изобилует любая коммуникативная ситуация, и не только потому, что моделируется в соответствии с каким-то определенным ситуативным типом, но еще и потому, что употребляемые в ситуации языковые выражения согласуются с общезначимыми социальными конвенциями. В качестве иллюстрации возьмем пример К. Бюлера. Когда немногословный посетитель венского кафе говорит официанту: *einen schwarzen* или *schwarz* ‘черный’, а затем добавляет *ohne* ‘без’, официант, конечно же, понимает, что речь идет о чашке кофе, а не о чем-то другом [Бюлер 1993: 141—144]. Восполнить опущенные элементы позволяет прагматический контекст, а точнее востребованные в контексте конвенциональные знания о том, что из заказываемых в кофейне напитков черным может быть только кофе, что кофе подают с сахаром или без сахара и т.п. Такие «знания в скобках» суть необходимые прагматические пресуппозиции, без которых не обходится никак понимание.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

С социальными нормами совпадают отчасти и так называемые лексические стереотипы. В определении Х. Патнэма это убеждения (beliefs), с которыми связываются в сознании говорящих основные «культурные ожидания» [Putnam 1990: 34, 40—41]. В стереотипном представлении *тигр*, например, имеет полосы; *золото* — драгоценный металл желтого цвета; *король* правит страной; *колдунья*

наводит порчу, а всякое отклонение от типичного случая только подтверждает общее правило: стереотипное представление задается по наиболее типичным свойствам обозначаемой словом вещи.

Установка на стереотипные представления становится очевидной при сравнении разноязычных слов с общим референтным значением. Действительно, даже согласившись, что любое выражение на одном языке можно перевести на другой язык, нельзя не задаться вместе с Х. Патнэмом вопросом, насколько эквивалентны, например, англ. *king*, франц. *roi* и русск. *король* [там же: 96—97, 99] и как обеспечивается в разных толкованиях общность значения. В системе существующих представлений именные выражения совпадают действительно по некоторым общезначимым прототипическим признакам типа ‘верховный правитель’, ‘по праву наследования’, ‘мужского пола’, но различаются по специфически национальным отличиям: в некоторых странах страной правит королева, королевская власть не передается по наследству, ограничивается конституцией, короли не правят больше страной и т.п. Поэтому, заключает Х. Патнэм, вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий наиболее подходящим оказывается скорее анализ в терминах «семейного сходства» — по аналогии с разбираемым Л. Витгенштейном понятием игры [Витгенштейн 1994: 111—112]. Как и в случае с разными видами игры — игрой с мячом, теннисом, шахматами или борьбой, — единство значений обеспечивается по принципу «семейного» сходства. Из всех потенциально возможных свойств отбираются такие свойства, по которым задается общее значение, так что набор стереотипных признаков сводится в итоге к идеализированной репрезентации «нормального случая»: *король* правит своими подданными; *колдунья* наводит порчу; *золото* — металл желтого цвета и т.п.

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ ИДЕАЛИЗИРОВАННЫХ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

В когнитивном отображении востребованные в понимании знания преобразуются в ментальные репрезентации: идеальные примеры, образцы, гештальты, прототипы и фреймы. Например, чтобы понять высказывание вида *Мама моет раму*, все входящие сюда именные выражения можно соотнести с известными прототипическими свойствами, которыми наделяются в обыденном сознании *мама* и *рама*, высказывание — с типовым сценарием, сообразно которому *рамы дома моет по обыкновению мама*. Такие модели представления знаний позволяют уяснить, что представляют собой востребованные в понимании знания и, главное, как оперируют этими знаниями в толковании. Ибо, как полагают в когнитивной семантике, только такие извлекаемые из памяти модели позволяют с очевидностью судить, какими признаками, свойствами и состояниями наделяются в сознании говорящих обозначаемые словами вещи и как вообще надлежит понимать образованные на их основе высказывания¹.

---

¹ Понимание, напротив, затрудняется, когда для истолкования анализируемой языковой последовательности затруднительно или нельзя вообще подобрать методом проб и ошибок ни одну подходящую по случаю когнитивную модель. Интерпретатору не остается в таком случае ничего другого, как подгонять проблемное высказывание под какую-то

Обобщить такие поистине разнообразные модели понимания призвана по определению теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа [10]¹.

Остановимся подробнее на разновидностях таких моделей представления знаний.

Образно-схематические модели отражают базовый уровень пространственного восприятия физических объектов, а также существующие между ними связи и отношения. В определении Дж. Лакоффа это «базовые структуры опыта», характеризующие «наш пространственный опыт», «наш опыт функционирования в пространстве», «наше восприятие и физическое движение тела», «отношения между объектами» [Лакофф 2004: 368, 379—380]. Например, пространственное употребление англ. *on* «на» в высказывании вида *the cat is on the mat* «кошка на коврике» основывается на кластере из кинестетических образных схем «над», «контакт» и «опора», позволяющих уяснить, какие отношения складываются в высказывании между именными выражениями *cat* «кошка» и *mat* «коврик».

Пропозициональные модели обеспечивают формат представления знаний, определяемых для какой-то предметной области по типу сетевых структур в вычислительных моделях мышления. Например, пропозициональная модель, характеризующая наше знание об огне, содержит пропозициональную информацию о том, что огонь опасен, что его используют для приготовления пищи; модель, характеризующая наше знание о деньгах — информацию о том, что деньги зарабатывают, тратят, теряют, дают или берут займы и т.п. Посредством пропозициональных структур осмысливаются, таким образом, элементы какой-то определенной предметной области, равно как и существующие между ними связи и отношения [там же: 157, 160].

более или менее пригодную модель, а за отсутствием такой модели — признать собственную свою несостоятельность. Например, чтобы истолковать широко обсуждаемую фразу Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», Р. Мартен предлагает переосмыслить предцизируемые идеи признаки: *яростно спящую* как давно забытую, *зеленую* как желание отправиться на лоно природы [цит. по: Растье 2001: 169]. Рейнхарт предлагает, со своей стороны, истолковать *зеленую идею* по аналогии с незрелым яблоком как «незрелую идею» [цит. по: Миллер 1990: 277—278]. При желании можно также вообразить и некий контрафактический универсум вроде Зазеркалья Льюиса Кэрролла, в котором вопреки известному логическому закону объектам можно приписать в одно и то же время и в одном и том же отношении взаимоисключающие свойства: (i) *ideas* ‘абстрактный’ — *green* ‘конкретный’; *ideas* ‘абстрактный’ — *sleep* ‘конкретный’; (ii) *colourless* ‘бесцветный’ — *green* ‘цветной’; *sleep* ‘спокойный’ — *furiously* ‘беспокойный’. В таком случае понимание задается по законам фиктивного универсума с иными требованиями к значению истинности.

¹ Отправными ориентирами Дж. Лакоффу служат, в частности, теория прототипов Э. Рош, фреймовая семантика Ч. Филлмора, теория метафоры и метонимии М. Джонсона и Дж. Лакоффа, когнитивная грамматика Р. Лангакера, теория ментальных пространств Ж. Фоконье. С когнитивной грамматикой отчасти согласуется образно-схематическая модель, с фреймовой семантикой — пропозициональная модель, с теорией метафоры — метафорическая модель, с теорией прототипов — метонимическая модель.

Метафорические модели строятся по правилам метафорической проекции путем отображения структурных элементов одной концептуальной области по позициональной или образно-схематической модели другой концептуальной области [Лакофф 2004: 158, 374, 393, 436]. Например, англ. *time* ‘время’ предстает в языке в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для money ‘деньги’: ср. *spent / waste time* ‘тратить / тратить зря время (деньги)’, а охватывающие человека эмоции — в терминах телесной ориентации в пространстве по кинестетической образной схеме ВЕРХ—НИЗ: ср. *I'm feeling up* букв. ‘чувствую себя наверху’; *I'm feeling down* букв. ‘чувствую себя внизу’ или ВНУТРИ—СНАРУЖИ: ср. *I fell into depression* ‘впал в депрессию’.

Метонимические модели суть такие идеализированные когнитивные модели, в которых категория представляется в пределах единой концептуальной области наиболее представительной своей частью — членом категории или субкатегорией [Лакофф 2004: 111—127, 269—270, 475—476.]. Например, в категории *X*, состоящей из элементов x_1, x_2, x_3, x_n , какой-то элемент, допустим x_1 , замещает «для целей вывода или оценок» остальные элементы, поскольку воспринимается говорящими в качестве наиболее типичного, образцового представителя категории.

В заместительном типе мышления, которым характеризуются по определению метонимические модели, когнитивной точкой отсчета могут быть, по Дж. Лакоффу, как типичные примеры, идеалы и образцы (в понимании Э. Рош), так и социальные стереотипы (в понимании Х. Патнэма). В терминах типичных примеров мужа, например, можно охарактеризовать по отношению к какому-то типичному представителю класса мужей, в терминах идеалов — вообразить как хранящего верность жене, в терминах социальных стереотипов — представить как располневшего скучного мужчину.

Представленные Дж. Лакоффом модели обеспечивают, безусловно, необходимый формат обработки анализируемых выражений. Но даже признав, что языковые выражения соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти когнитивных моделей и что эти модели варьируются от языка к языку, нельзя не признать, что изучать языковые выражения лингвистической семантике надлежит прежде всего как языковые выражения¹. Значение анализируемого выра-

---

¹ В противном случае семантический анализ низойдет до изучения ментальных репрезентаций, тогда как они участвуют в семиозисе в качестве разве только прагматических пресуппозиций и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается текущим контекстом. Недаром, уточняя понятие фрейма в русле семантики понимания, Ч. Филлмор обращается в первую очередь к лексико-семантическим средствам его воплощения, дабы изучать «единую схематизацию опыта» в терминах связей и отношений между словами. Например, в сугубо языковом определении установить значение англ. *Thursday* ‘четверг’ можно с определенностью только в рамках засвидетельствованного в языке календарного цикла из семи дней — в отношении к *Monday* ‘понедельник’, *Tuesday* ‘вторник’, *Wednesday* ‘среда’, *Friday* ‘пятница’, *Saturday* ‘суббота’ и *Sunday* ‘воскресенье’. Аналогичным образом англ. *father* ‘отец’ нельзя изучать отдельно от *mother* ‘мать’, *son* ‘сын’ и *daughter* ‘дочь’; англ. *buy* ‘покупать’ — отдельно от *sell* ‘продавать’, *pay* ‘платить’, *spend* ‘тратить’ и *cost*

жения устанавливаются в таком случае не на основе коррелирующих с ним ментальных репрезентаций, а по условиям употребления с другими выражениями. Так, в отношении разбираемого выше примера можно сказать, что русск. *огонь* определяется в языке не только в отношении к продуктам горения, но и в отношении к чувствам и свойствам человеческого характера, о чем мы в состоянии судить как по присоединенным предикатам, так и по засвидетельствованным фразеологическим оборотам: *из огня да в полымя* (в значении 'опасность'); *прошел огонь, воду и медные трубы* (в значении 'испытание'); *огонь желаний* (в значении 'страсть'). В контексте «разжечь» актуализации в первую очередь подлежат *пламя, горение*; в контексте «прошел» — *испытание*; в контексте «желаний» — 'чувство'. При этом утверждать, насколько эти признаки кодифицированы в языке, можно только по частотности их воспроизводства в корпусе засвидетельствованных употреблений.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания — как представления, понятия или идеи, социальные нормы, лексические стереотипы, прототипы, фреймы или идеализированные когнитивные модели, — все без исключения теории значения сходятся в главном: знание разнообразно и многозначно, как разнообразны и многозначны виды и способы его представления в металингвистическом описании. Поэтому вместо догматического принципа *или* — *или*, с которым мы сталкиваемся нередко в теориях значения, наиболее адекватным становится скорее принцип *и* — *и*, сообразно которому разные системы представлений не только не отменяют, но предполагают друг друга в необходимом различии.

Отвечая общей тенденции к интеграции, такой подход позволяет по меньшей мере обобщить накопленные знания, а в пределе — построить на принципах «эпистемологического консерватизма», по С. Ору, такую модель, в которой учитывались бы в единстве многообразия возможности разных подходов к значению.

Постулатами семантической теории интегративного характера могут, в частности, служить следующие положения.

В оформлении языкового значения участвуют разные системы представлений — от объективированных в общественной практике специально-научных знаний до обыденных, пусть и не всегда достоверных, мнений и убеждений: одни в силу объективной наличности, другие — как действительное состояние чьего-то сознания.

В условиях переменного знания исследуемое семантикой значение релятивируется необходимым образом относительно исследовательской позиции, опре-

---

'стоять'; англ. *day* 'день' — отдельно от *night* 'ночь', *noon* 'полдень', *midnight* 'полночь', *morning* 'утро', *afternoon* 'время после полудня', *evening* 'вечер' и т.п. Во всех случаях, заключает Ч. Филлмор, «мы можем знать значения отдельных слов только при предварительном сознании фактического основания отношения, которое они определяют» [Филлмор 1988: 55].

деляющей самым кардинальным образом формат толкования: сводить ли значение к понятиям, схемам повседневного опыта, социальным нормам, опытным гештальтам, ментальным репрезентациям, дистрибуции, значимым противопоставлениям, пропозициональным установкам, интенциональным состояниям или операциям по исчислению высказывания. При этом интерес для истории и эпистемологии наук о языке вызывают, безусловно, все без исключения теории значения хотя бы потому, что позволяют соизмерить возможности отдельных теорий, принципов и методов анализа и тем самым понять, как эволюционирует научное знание и насколько радикальны, наконец, происходящие в науке о значении «эпистемологические разрывы», в понимании Г. Башеляр.

В интегральной теории значения содержание знания может быть только многозначным: равным образом включать как объективное, так и субъективное, как достоверное, так и непроверенное знание. С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-знания, на производные в общественной практике переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

Каким бы ни было постулируемое значение, эвристически ценным в эпистемологической перспективе является, по сути, не соответствие значения вещи: *adaequatio rei et intellectus*, а понимание того, как задается это соответствие в составе значения.

Пусть языковые выражения и соотносятся с вещами через посредство когнитивных аналогов знания, из этого не следует, что языковое значение можно сводить к таким аналогам в силу исключительно когнитивного соответствия. Собственно языковым анализ значения может быть только при условии изучения языковых выражений на основе самих выражений.

Востребованными в толковании могут быть любые знания при условии, если эти знания интегрируются в семантическом анализе в качестве тех или иных компонентов значения — ингерентных и/или афферентных сем.

Установить, какие знания отвечают оптимальным условиям толкования, можно только путем аппроксимации к контексту.

© Бочкарев А.Е.

Дата поступления: 28.04.2016

Дата принятия в печать: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. (1995). Интегральное описание языка и системная лексикография [*Apresyan Yu.D. Integral Language Description and Lexicography System*] // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры.
2. *Аристотель* (1978). Топика [*Aristotle. Topics*] // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль. С. 347—531.
3. Бочкарев А.Е. (2007). Эпистемологические аспекты значения [*Bochkarev A.E. The Epistemological Aspects of Meaning*]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
4. Бочкарев А.Е. (2012). Социальные нормы в функции интерпретанта [*Bochkarev A.E. Social Conventions as an Interpretant*] // Сб. научных трудов: Проблемы перевода, лингвистики и литературы. Вып. 15. Т. 2. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. С. 69—75.

5. Бюлер К. (1993). Теория языка. Репрезентативная функция [Bühler K. *Theory of Language: The Representational Function of Language*]. М.: Прогресс.
6. Витгенштейн Л. (1994). Философские работы. Часть I [Wittgenstein L. *Philosophical Investigations. Part I*]. М.: Гнозис.
7. Волошинов В.Н. (1995). Философия и социология гуманитарных наук [Voloshinov V.N. *The Philosophy and Sociology of Humanities*]. СПб.: Изд-во Аста-пресс Ltd.
8. Гадамер Х.-Г. (1988). Истина и метод. Основы философской герменевтики [Gadamer H.-G. *Truth and Method*]. М.: Прогресс.
9. Гуссерль Э. (1999). Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. Общее введение в чистую феноменологию [Husserl E. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I: General Introduction to a Pure Phenomenology*]. М.: Дом интеллектуальной книги.
10. Лаккофф Дж. (2004). Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*]. М.: Языки славянской культуры.
11. Миллер Дж. (1990) Образы и модели, уподобления и метафоры [Miller G.A. *Images and Models, Similes and Metaphors*] // Теория метафоры. М.: Прогресс. С. 236—283.
12. Мокшицкий Э. (1991). Между эпистемологией и социологией знания [Mokrzycki E. *Between Epistemology and the Sociology of Knowledge*]. М.: Прогресс. С. 109—124.
13. Ору С. (2000). История. Эпистемология. Язык [Auroux S. *History. Epistemology. Language*]. М.: Прогресс.
14. Платон (1990—1994). Собрание сочинений в четырех томах [Plato. *Selected works: 4 volumes*]. М.: Мысль.
15. Растье Ф. (2001). Интерпретирующая семантика. [Rastier F. *Interpretive Semantics*]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
16. Филлмор Ч.Дж. (1988) Фреймы и семантика понимания [Fillmore Ch. J. *Frames and the Semantic of Understanding*] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. С. 52—92.
17. Щедровицкий Г.П. (1997). Философия. Наука. Методология [Shchedrovitzky G.P. *Philosophy. Science. Methodology*]. М.: Школа Культурной Политики.
18. Putnam H. (1990). *Représentation et réalité*. Paris: Gallimard.

TO THE EPISTEMOLOGICAL FOUNDATION OF THE THEORY OF MEANING

A.E. Bochkarev

National Research University “Higher School of Economics”
Bolshaya Pecherskaya st. 25/12, Nizhny Novgorod, Russia, 603155
abotchkarev@hse.ru

All theories of meaning, whether they are based on ideas, concepts, prejudices, social conventions or mental representations, agree on the key point: knowledge is necessary pre-condition for understanding. In this context, epistemologically-oriented semantics should define which knowledge is chosen primarily for the interpretation and assess whether one can build a unified interpretative model based on the principles of “epistemic conservatism” (S. Auroux).

Key words: theory of meaning, epistemology, knowledge, social conventions, mental representations

---

УДК 81:1

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ЛИНГВИСТИКИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

А.О. Катаев

Военный университет Министерства обороны РФ (ВУМО РФ)

ул. Б. Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

kataev_1991@mail.ru

В статье проводится анализ языкового знака как категории философии, лингвистики и переводоведения. Исследуются два антонимичных друг другу подхода к пониманию сущности науки о знаках: философский и лингвистический. Данные подходы служат основой для применения семиотических оснований к проблеме оценки качества перевода через категории адекватности и эквивалентности.

Ключевые слова: смысл, знак, семиотика, семиогенез, метафизика, феноменология, интерпретация

ВВЕДЕНИЕ

Первые упоминания о семиотике относятся к XVII в. Английский философ-материалист Джон Локк дал определение «науке о знаках», сформулировав основные задачи, которые сводились к тому, чтобы «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для понимания вещей и для передачи своего знания другим» [Лотман 2010: 8]. Однако идеи ученого не получили развития в научной среде. Всеобъемлющий характер семиотики, затрагивающей практически все области научного знания, определил ее статус как метанауки, рассматривающей информационные и социальные процессы в жизни человека, прежде всего коммуникацию и культурологические аспекты. Данные стороны бытия получили новую трактовку как знаковые механизмы, поддающиеся эксплицированию и рациональному объяснению. Гибкость границ семиотики, начиная с конца XIX в., объясняет все возрастающий интерес к ней логики и лингвистики. Причина заложена в стремлении семиотики установить связи и отношения знаков и знаковых систем с содержанием, смыслом и значением.

Лингвистика основывается в данном отношении на формальной стороне языка и функционировании знаков (языковых), а философия имеет дело с категориями сознания и ведет поиск названных категорий при помощи знаков, в том числе знаков языка [Волков 1966: 33]. Заложенная тенденция и интегративный характер науки определили направления дальнейшего развития семиотики.

Основоположителем семиотического подхода к лингвистике считается Ф. де Соссюр (в терминологии Ф. де Соссюра — семиологического). Семиотика обусловлена многовариантностью рассмотрения функций знака и проникновением в качестве знаковой системы практически в каждую из форм человеческой деятельности. Данный факт определяет формирование предметной области общей семиотики и ее частных направлений, затрагивающих междисциплинарный уровень — биосемиотики, этносемиотики, лингвосемиотики и абстрактной семиотики [Соссюр 1977: 23—24].

Несмотря на обилие разнообразных направлений развития семиотики, частных областей, где применяются ее законы, несомненно то, что любая система, в том числе и семиотическая, нуждается в интерпретации и научном описании. Роль средства описания играет язык как интерпретирующая система, будучи в то же время знаковой системой, которая при этом нуждается в интерпретации самой себя. В этом заключается метаязыковая функция языка [Бенвенист 1974: 78—79]. Однако при всей распространенности и многофункциональности языка как знаковой системы он все же остается «частным случаем семиотической функции» [Пиаже 1983: 133—136]. Поэтому «естественный человеческий язык, изучаемый с семиотической точки зрения (лингвосемиотика), занимает центральное место в науке семиотике», так как выступает первичным по отношению ко всем остальным знаковым системам [Степанов 1971: 47]. Это обстоятельство обуславливает взаимовлияние философского подхода к семиотике, являющегося базой общей семиотики, и лингвистического, ставшего эксплицированным уровнем частной семиотики, выполняющим метафункцию. Сформированы два основополагающих предмета исследования: семиотика знака и семиотика языка.

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К СЕМИОТИКЕ ЗНАКА

Семиотика знака выстраивает логику, которая объясняет механизм формирования и взаимодействия систем знаков, представленных как удаленные образования, не взаимодействующие с другими системами. Анализ явления знака с позиций философии — это изучение семиогенеза, то есть того, как функционирует знак. Семиотика знака отражает философский подход к науке о знаках Ч. Пирса и Э. Кассирера, придерживающихся абстрактно-метафизической и культурологической постановки вопроса. В обоих подходах в современной семиотике к философским основаниям построения кумулятивной модели семиогенеза отражается противостояние двух философско-семиотических школ: онтологической, основоположником которой был Ч. Пирс, и генетической, основанной на идеях Э. Кассирера.

Подход Ч. Пирса к изучению понятия «знак» на семиотических основаниях представляет собой онтологизацию знака, понимание его как метафизической реальности [Иванов 2002: 40]. Устанавливается сущностная взаимосвязь основных семиотических категорий *от знака к символу*, где знак представляется универсальным принципом восприятия и понимания мира человеком, он становится некоторой надчеловеческой и надприродной сущностью, продолжением объекта восприятия; а символ понимается как единица культуры, ее основополагающая категория, которую определяют как «всеобщую форму существования феноменов культуры». Знак и символ образуют единую семиотическую реальность, характеризующуюся переходом от естественных природных форм, коими для Ч. Пирса были знаки, к искусственным, представленным символами [Иванов 2002: 11—12].

Ч. Пирс придерживается «пансемиотического» взгляда на мир: «всякая мысль есть знак» [Пирс 2001: 182]). В этом проявляется абстрактно-метафизическая точка зрения, отражающая отождествление знака с бытием.

Знак становится включенным во все сферы жизнедеятельности человека и условием существования не только человека, но и всего общества в целом, так как через знак происходит восприятие и понимание мира человеком. Система знаков как органическая составляющая бытия превращается вместе с тем в сверхсущностное образование, которое становится отправной точкой для всего в окружающем мире. «Пирс склоняется к тому, чтобы любую форму движения в природе, в человеческом бытии интерпретировать как выражение того или иного типа знакового отношения. Пансемиотизм понимания знака, проявляющийся в смешении объективной и субъективной диалектики, приводит к его абсолютизации, к „знаковому априоризму“. Когнитивная функция может выражаться лишь через знак, поскольку мы не можем знать мир, мы можем знать лишь собственные знаки. По сути, всю философию Ч. Пирса пытается переписать на язык семиотики, что явно превышает объективные возможности этой науки» [Иванов 2002: 41]. В рамках данной школы выражается стремление к слиянию диалектики природы и диалектики знака. При этом искусственные формы, которые олицетворяет знак, выступают логичным продолжением природных естественных. Тогда символ предстает как частный случай знака, как знак-символ, по Ч. Пирсу, который, в свою очередь, имеет выражение в высшем проявлении эволюции знака в природе в отношении к своему объекту восприятия и обозначения. Символ принадлежит человеку и является следствием развития знака в природе.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживался немецкий философ и культуролог Э. Кассирер. В отличие от Ч. Пирса он выступает за четкое разграничение диалектики знака и диалектики природы. В этом состоит генетическая связь, которая устанавливает обратный процесс развития — не от знака к символу, а *от символа к знаку*. Концепцию Э. Кассирера нельзя считать семиотической, да и место знака в ней не является центральным [Иванов 2002: 42]. Диалектика знака в заданном направлении развития от символа к знаку основана на деонтологизации знака. Знак рассматривается как объект исключительно искусственный, как форма деятельности сознания, принадлежащая к области человеческой культуры, которая всего лишь обнаруживается объективной окружающей реальностью, производной сознания, а не данностью, стоящей над человеком. Связь знака с бытием сохраняется, но лишь в рамках его (знака) как средства познания бытия для индивида, но не в качестве «надбытийного» образования, регулирующего любую деятельность. Знак в данной постановке вопроса понимается как функция субъекта: «потому что то, что обозначает и выражает язык, не является ни исключительно субъективным, ни исключительно объективным; язык лишь по-своему опосредует взаимоотношение двух факторов» [Cassirer 1953: 93]. Анализ знака происходит на уровне субъект-объектной диалектики сознания. Такая трактовка основывается на символической функции сознания, а не на истинностной, как полагал И. Кант [Cassirer 1953: 80]. Символическая функция человеческого сознания в его отношении к действительности считается фундаментальной, так как сознание человека, рождая всевозможные символические формы, которые становятся выражением сознания в бытии в концепции Э. Кассирера, оформляют область знаковости как область культуры отдельного индивида и всего

социума. Это значит, что знак — продукт сознания человека: «В ходе употребления знака в нем открываются или накапливаются какие-то дополнительные или новые смысловые качества — смысловой опыт знака, на основании которого человек приходит к осознанию символической функции знака» [Иванов 2002: 50]. При этом знак выступает всего лишь частным случаем символа. Через знак происходит лишь интерпретация символических форм и всевозможных выражений символической функции сознания. Символ представляется как важнейшая категория культуры, имеющая символическую форму, поэтому символ можно определить как всеобщую форму существования феноменов культуры. Символ — это феноменологическая сторона культуры. В феноменологической данности символа отражается эволюция культуры [Иванов 2002: 12].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕМИОТИКЕ ЗНАКА

Выразительная функция сознания определяет постановку вопроса о выразительной функции знака, которая в общезыковой действительности бытия происходит через речь человека. При этом выразительная функция знака отсылает к вопросу о единстве формы и содержания в знаке и их влиянии на способы выражения через знак. Его рассмотрение происходит уже в рамках не философской парадигмы, а парадигмы семиотики языка, которая определяет семиотический подход к лингвистике и рассматривает язык как один из вариантов семиотических (семиологических) систем, где может и должен быть применен инструментарий, законы семиотики для открытия новых горизонтов [Соссюр 1977: 54]. Теория Ф. де Соссюра как основоположника данного направления в лингвистике строилась на ряде антиномий, поддающихся масштабированию и затрагивающих глобальные понятия речевой деятельности (язык и речь), и специализированные, касающиеся непосредственно языкового знака (означающее и означаемое), именно:

— различение понятий «язык» и «речь». Язык понимается как генерализованное явление, социальное по своей сути, но не формируемое конкретным индивиду. Речь — частный случай явления языка. Отражается в высказываниях индивидуального носителя языка [Там же: 56—58];

— языковой знак по своей природе связывает не вещь и ее название, а акустический образ и понятие, что подразумевает произвольность (немотивированность) знака и линейный характер означающего [Там же: 98—103].

Представителями этого подхода делается акцент на абстрактной сущности языка [Ельмслев 2006], [Бенвенист 1974]. В этом отношении язык выполняет определенную функцию по выражению мыслей, или когнитивную функцию.

Различают типы языкового знака: знак искусственный (метафизический), закреплённый в языковой норме и функционирующий в языке как системном образовании, и знак естественный (феноменологический), зафиксированный в речи — по сути, в том же языке, понимаемом как реальная практика функционирования языка. Метафизический знак представлен в языке, понимаемом как теоретическое образование, которое определяет формально-знаковое материальное начало. Языковой — метафизический — это абстрактный знак, рассматриваемый вне опыта,

т.е. совершенно искусственно. При переходе знака в плоскость эмпирики, то есть изъятия из искусственной языковой среды и помещении в речевую, знак становится опредмеченным, конкретным — феноменологическим. Это знак, попавший в реальные условия его функционирования в рамках бытия.

Членение знакового объекта в дихотомии «форма — значение», «означающее — означаемое» остается справедливым для обоих типов языкового знака. Однако метафизический знак представляет собой идеал замещающей функции, обозначающей полное содержательное тождество означаемого и означающего. В таком отношении между означающим и означаемым присутствует некая условность обозначения. Здесь закладывается идеализация понимания метафизического знака [Иванов 2002: 210—211]. При переходе от идеального образа знака, функционирующего в языке, к бытийному, закреплённому в речи, происходит движение от полной искусственности к полной естественности. В контекстных условиях именованного знак превращается в имя реальности [Там же: 211].

Отметим, что в языкознании нет четкого разграничения знака метафизического и феноменологического. Ч. Пирс ориентировался на знак феноменологический. Для него это был знак, который «я имею и вижу перед собой». В нем отражается вся сущность бытия. Ф. де Соссюр рассматривал знак в идеальном образе, прежде всего как искусственное явление. Эту идею раскрыл У. Эко. Для него «семиотика не может быть одновременно оперативной техникой и познанием абсолюта» [Эко 1998: 24]. Язык для У. Эко выступает в роли инструмента изложения мыслей, а не в качестве средства их формирования, поэтому означаемое может фиксироваться только как результат процесса интерпретации. Суть знака раскрывается через абсолютный семиозис, где сфера значений не бывает статичной, какой статичной не может быть коммуникация [Эко 1998: 24]. Понимание сути интерпретации крайне важно. Оно помогает пролить свет на явление языкового знака, различие его частных проявлений в виде знака метафизического и феноменологического и, как следствие, установить различия в антиномии «язык — речь».

Интерпретация представляет собой научную категорию, выступающую интегративной частью не только теории перевода, где она выполняет прикладную функцию, но и философии, стилистики и литературоведения. На уровне гносеологии отмечают связь интерпретации с пониманием. Научные споры об их соотношении идут достаточно давно. Одна точка зрения сводится к тому, чтобы уравнивать интерпретацию и понимание: «Всякая интерпретация — понимание...» [Гадамер 1988: 452]. Нам близка другая позиция, в соответствии с которой интерпретация рассматривается как один из элементов процесса понимания, где вторая составляющая — идентификация — простая предметно семантическая операция, направленная на распознавание объекта [Иванов 2014: 114]. Тогда в аспекте семиотики первоочередным становится характер объекта интерпретации, в чем и заключается ее отличие от идентификации. Объектом интерпретации не может быть мир, бытие человека. Через принадлежность интерпретации к области вторичной семиотики выражается ее символическая функция, в то время как функция обозначения относится к первичной семиотике, что проявляется через идентифи-

кацию. Вторичная семиотика отражает символическую сторону обозначаемых знаков.

В процессе понимания задействованы обе составляющие. Однако важно установить, каково их соотношение в лингвистике и переводоведении. Понимание в языкознании характеризуется большей степенью идентификации: ‘я вижу предмет, я его идентифицирую’. То есть в основе идентификации лежит обозначающий знак, что определяет ориентированность языкознания на знак искусственный (метафизический) относительно реальных условий функционирования его в речи и преимущественно рассматриваемый в рамках языка. В языкознании нет четкого разграничения знака метафизического и феноменологического. Ф. де Соссюр утверждал, что знак прежде всего искусственный объект. Искусственность — это важнейшее условие его феноменологизации. Чем мертвее, чем искусственнее изначально языковой знак, тем он более живой, тем больше он наполнен смыслом. В это заложена основа понимания в языкознании, сводящаяся к идентификации объектов окружающего мира [Иванов 2013: 65].

Процесс понимания в переводоведении имеет иное соотношение его составляющих. Здесь превалирует интерпретация – смысловая основа понимания в переводе. Это неперемное условие переводческой вариативности. При условии, что объектом интерпретации может быть только другой знак (текст), но не объект окружающего мира, в ней отражается принципиальное межзнаковое отношение и символическая функция. Символическая функция интерпретации создает условия для свободного развития смыслового наполнения знака. Когда знак исходного языка заменяется знаком языка перевода, возникает интерпретация. Это обязательное условие для развития интерпретации.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

В рамках теории перевода семиотический подход, проявив свою ориентированность на смысловой анализ текстов и переводов, пришел на смену коммуникативному подходу, что определило ориентированность на функционально-деятельностное рассмотрение языкового знака [Швейцер 1988: 36]. Об этом свидетельствуют и современные ученые, отмечающие смену научных парадигм в рамках объяснения реальности перевода. Так, в рамках семиотического подхода рассматривается смена субститутивно-деятельностной парадигмы с присущей ей абсолютизацией языкового знака и заданной направленностью от языка к смыслу на коммуникативно-деятельностную парадигму, обращенную к ситуационной стороне перевода. В рамках последней определяется смысл сообщений, а языковая сторона становится подчиненным смыслу фактором. Так смысл становится реальностью перевода, «...который в большей или меньшей степени раскрывается выразительно через языковую вариативность перевода. Смысл является основой интерпретации вариантов перевода» [Иванов 2014: 111]. Отметим, что под языковым знаком в теории перевода понимается «полный знак», соответствующий по своей форме высказыванию. Элементы низших структур выступают в роли строительных элементов для этого «полного» актуального знака [Швейцер 1988: 36].

При этом поиск семиотических оснований анализа объекта переводоведения направлен на то, чтобы через семиотическую парадигму развить основные принципы методологической и онтологической парадигм путем рассмотрения содержательной стороны языкового (полного, актуального) знака. Введение в семиотическую систему отношений помимо семантики, синтактики и прагматики категорий перцептики, сигнифики и сигматики [Швейцер 1988: 36] определило ориентированность теории перевода на поиск соответствий между исходным текстом и текстом перевода на уровне смысловых соответствий. Поэтому проблема определения семиотики перевода переходит в плоскость анализа смысла знаков — знаков исходного текста и знаков текста перевода. Это анализ смысла исходного текста и текста перевода: соответствует ли смысл текста перевода смыслу текста оригинала и если соответствует, то в какой мере.

Современный подход к проблеме установления реальности перевода, его сущностного наполнения характеризуется как сочетание элементов семасиологического подхода в части, касающейся логики научного развития от языка к смыслу, и ономасиологического, где ключевым в переводе считается смысл, а язык лишь подчинен общему смыслу сообщения. Наличие такого дуального подхода к сущности перевода определило взаимосвязь двух начал в переводе — интерпретационного (экстралингвистические условия) и трансформационного (языковые условия) [Иванов 2014: 112]. На уровне семиотики данный вопрос сводится к перекодированию исходного знака-высказывания в конечный знак-перевод. То есть проблема семиотики перевода — это поиск вариантов замены знака знаком. Именно в этом заключен ключевой вопрос интерпретации. Это обязательное условие наличия вариативности перевода, поскольку один вариант интерпретации знака-высказывания не отменяет другого варианта интерпретации этого же знака в знаке-перевод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главенствующую роль в процессе интерпретации занимает эквивалентность, достижение которой через условную замену одной языковой формы (языкового знака) на другую. В этом состоит соответствие требованиям перевода, в этом отражается стремление к достижению смыслового эквивалентностного равенства текстов, где вторичный текст — текст перевода — будет служить полной функциональной заменой исходного текста. Однако выдвигается требование к интерпретации, сводящееся к тому, чтобы в любых условиях смыслового развития она оставалась адекватна интерпретируемому. В этом заключается стремление к сохранению ее рациональности. Достижение эквивалентности — одна из важнейших задач интерпретации в переводе, которая в свою очередь раскрывает общее понимание семиотики перевода.

Таким образом, семиотика перевода фактически выступает семиотикой адекватности и эквивалентности перевода. Обе категории как средства оценки качества перевода, выполняющие аксиологическую функцию, отсылают к смысловой стороне перевода. При этом роль семантических и прагматических смысловых

ситуационных факторов возрастает. Адекватность «...подчеркивает цельность восприятия содержания и не обладает свойственной эквивалентности морфологичностью». Категория эквивалентности служит «...определению степени смысловой близости единиц и высказываний ПЯ единицам и высказываниям ИЯ» [Воскобойник 2004: 10].

© Катаев А.О.

Дата поступления: 17.04.2016

Дата принятия к публикации: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бенвенист Э. (1974). Общая лингвистика [Benveniste E. Problèmes de linguistique générale]. М.: Прогресс.
2. Волков А.Г. (1966). Язык как система знаков [Volkov A.G. Language as a system of signs]. М.: Изд-во МГУ.
3. Воскобойник Т.Д. (2004). Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода [Voskoboynik T.D. Linguo-philosophical underpinnings of general cognitive translation theory]: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М.
4. Гадамер Х.-Г. (1988). Истина и Метод: Основы философской герменевтики [Gadamer H.G. Philosophical hermeneutics: Truth and Method]. М.: Прогресс.
5. Ельмслев Л. (2006). Прологомены к теории языка [Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language]. М.
6. Иванов Н.В. (2001). Тезисный конспект лекций по теории перевода [Ivanov N.V. The highlights of lecture course on translation theory]. М.: изд. МГСУ.
7. Иванов Н.В. (2002). Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса [Ivanov N.V. Symbolic function of language in terms of semiogenesis and semiosis]: дисс. ... доктора филол. наук. Москва.
8. Иванов Н.В. (2013). Две парадигмы языковой знаковости: Ф. де Соссюр и/или Ч.С. Пирс? // Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы (к 155-летию со дня рождения Ф. де Соссюра) [Ivanov N.V. Two paradigms of language significance: Ferdinand de Saussure and/or Charles Sanders Peirce?] М.: МГОУ. С. 60—72.
9. Иванов Н.В. (2014). Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях [Ivanov N.V. Interpretation antinomies: Introduction to Analysis] М.: Изд. дом «Международные отношения». С. 110—135.
10. Комиссаров В.Н. (2002). Современное переводоведение [Komissarov V.N. Modern translation science] Учебное пособие. М.: Изд-во «ЭТС».
11. Лотман Ю.М. (2010). Люди и знаки // Семиосфера [Lotman Yu.M. People and signs]. СПб.: Искусство-СПб. С. 1—10.
12. Пиаже Ж. (1983). Психогенез знаний и его эпистемологическое значение [Piaget J. Psychology and Epistemology: Towards a Theory of Knowledge] // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. С. 90—101.
13. Пирс Ч.С. (2001). Принципы философии [Peirce Ch.S. Principles of Philosophy. VII] / пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. Т. II.
14. Соссюр Ф. де. (1977). Труды по языкознанию [Saussure F. de. Writings in General Linguistics]. М.: Прогресс.
15. Степанов Ю.С. (1971). Семиотика [Stepanov Yu.S. Semiotics] М.: Наука.

16. *Швейцер А.Д.* (1988). Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты [*Shveytser A.D.* Translation theory. Status, problems, aspects]. М.: Наука.
17. *Эко У.* (1998). Отсутствующая структура. Введение в семиологию [*Eco U.* La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica]. СПб.: ТООТК «Петрополис».
18. *Cassirer E.* (1953). The Philosophy of Symbolic Forms. V. I: Language. New Haven: Yale Univ. Press.

LANGUAGE SIGN AS A CATEGORY OF PHILOSOPHY, LINGUISTICS AND THEORY OF TRANSLATION

A.O. Kataev

Military University of the Russian Federation Defense Ministry
14, B. Sadovaya str, Moscow, Russia, 123001
kataev_1991@mail.ru

The article is devoted to the analysis of language sign as a category of philosophy, linguistics and theory of translation. Two opposite approaches to the semiotic essence are analysed. They are the philosophic approach and the linguistic one. These concepts are considered to be basic for operating semiotic principles on the problem of translation quality assessment by means of categories of adequacy and equivalence.

Key words: sense, sign, semiotics, semiogenesis, metaphysics, phenomenology, interpretation

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 81'373.2:303.621.3

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНОГО ФОНА ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ОТ РЕГИОНАЛЬНОГО К ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМУ УРОВНЮ

Н.В. Бубнова¹

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил
Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
ул. Котовского, 2, Смоленск, Россия, 214027
vavvo-na@mil.ru

В статье предложен подход к исследованию особенностей комплексной семантики ономастических единиц (в частности, антропонимов) посредством выявления и описания их ассоциативно-культурного фона в составе региональных и общенациональных фоновых знаний (на примере онима *Ю.А. Гагарин*). Актуальность обусловлена тем, что она выполнена в русле исследования имени как «культурного знака», что приобрело особую значимость в начале XXI в. на фоне процессов глобализации, оборотной стороной которых является усиление чувства этнической самобытности и национальной самоидентификации. Новизна работы определяется тем, что особенности выявления и описания ассоциативно-культурного фона ономастических единиц впервые подвергаются комплексному рассмотрению: основным методом исследования стал обширный ассоциативный эксперимент, проведенный вначале на региональном уровне с респондентами-смолянами, а затем на общенациональном уровне — с испытуемыми из Москвы и Санкт-Петербурга.

Имя Ю.А. Гагарина входит в состав фоновых знаний культурного наследия языковой личности начала XXI в., а полученные посредством эксперимента информативные реакции позволяют эксплицировать большой объем историко-культурной информации в содержании этого имени. Данная информация может найти отражение в различных антропоориентированных словарях, а также в ходе анализа ассоциативно-культурного фона региональных ономастических единиц, перешедших на общенациональный уровень, для других регионов с целью последующего объективного описания общенационального ономастикона.

Ключевые слова: ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), фоновые знания, языковая личность, антропоцентрическая лексикография

¹ Автор статьи — участник научной стажировки «Объяснительные возможности системного метода в филологической науке». Москва, РУДН, кафедра общего и русского языкознания, 4—9 апреля 2016 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об особенностях семантики ономастических единиц — ключевой вопрос теории имени собственного (далее — ИС). Как отмечает Е.Л. Березович, «семантика имени собственного долгое время играла в отечественной ономастике роль того „мальчика“, который рос и мужал вопреки сомнениям окружающих относительно самого факта его существования (А был ли мальчик-то?..)» [Березович 2001: 5].

Особое внимание данному вопросу было уделено в научных трудах середины XX в., где четко прослеживаются два направления в изучении содержательной стороны онимов. Представители первого направления (Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Реформатский, Н.И. Толстой и др.) отрицают наличие значения у ИС. Так, Е.М. Галкина-Федорук категорична в суждении: «Имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком» [Галкина-Федорук 1954: 53]. Сторонники противоположного направления (Ф.И. Буслаев, В.А. Никонов и др.) признают не только наличие значения у ИС, но и его связь с понятием: «Имена собственные (...) суть такие же общие понятия, как и имена нарицательные» [Буслаев 1959: 6—7]. В концепции антисемантичности ИС игнорируется то, что называемый ими предмет всегда (с разной степенью отчетливости) соотнесен с другими предметами данного вида; в теории максимальной значимости онимов собственно языковое значение зачастую подменяется энциклопедическим.

В конце XX в. исследователи (В.И. Болотов, Ю.А. Карпенко, О.Т. Молчанова, О.И. Фоянкова и др.) стремятся преодолеть ограниченность указанных подходов. Ученые признают за онимом право иметь значение, а для наименования многоплановой информации в содержании имени используют различные термины: ономастическая коннотация (Л.М. Буштян), ономастическая информация (Н.В. Васильева), денотативный и коннотативный макро- и микрокомпоненты значения (В.И. Супрун) и др.

В настоящей работе для описания семантики ИС (прежде всего национально-культурной семантики) используется термин **ассоциативно-культурный фон** (далее — АКФ), предложенный Н.А. Максимчук. АКФ — это вся сопутствующая информация, не входящая в непосредственное содержание онима, при этом «компонент *культурный* указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [Максимчук 2002: 166—167]. Существенной характеристикой данного термина, на наш взгляд, является то, что он отражает не только культурологический характер фоновых знаний, сопряженных с конкретным именем собственным, но и основной способ их выявления — ассоциативный эксперимент.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНОГО ФОНА ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Впервые метод обширного ассоциативного эксперимента для выявления АКФ ономастических единиц был применен нами на региональном уровне — при изу-

чении АКФ топонима *Смоленщина* и общезначимых смоленских онимов (см.: подробнее [Бубнова 2011]). Участниками первого этапа регионального эксперимента стали 1650 респондентов. Сбор материала осуществлялся как в индивидуальной, так и в групповой форме. Проведение этого этапа эксперимента и предъявление стимульного материала происходило в письменной форме. В анонимную анкету, заполняемую респондентами вначале, были включены следующие характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства: Смоленск или один из районов области. Собственно эксперимент состоял в том, что испытуемые в течение одной минуты записали имена собственные, с которыми у них ассоциируется топоним *Смоленщина*. В результате была составлена электронная База данных № 1, включающая 1212 реакций (13 471 употребление), которые достаточно полно и точно отражают культурные, исторические, географические и другие реалии, связанные с заглавным смоленским онимом.

На основе частотности реакций в структуре АКФ топонима *Смоленщина* нами выделены следующие компоненты: 1) единичные реакции (487 онимов); 2) периферийные области, сформированные значимыми для определенных языковых групп онимами (713 имен); 3) ядро из 12 общезначимых для смолян онимов, названных всеми группами респондентов (независимо от указанных в анкете параметров) и имеющих наиболее высокий индекс частотности (далее — ИЧ).

В состав ядра выявленного ассоциативного поля входят следующие имена (для каждого онима в скобках указан ИЧ): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124).

Самым распространенным разрядом в составе рассматриваемого ядра является разряд антропонимов, что еще раз доказывает центральное место данного разряда онимов в структуре ассоциативного поля. Следовательно, описание определенной совокупности антропонимов можно рассматривать прежде всего как способ систематизации общеобязательного ономастического знания в структуре региональной и национальной языковой личности.

Многие из названных ядерных смоленских антропонимов перешли с регионального на общенациональный и даже общечеловеческий уровень лингвокультурологической ценности, в связи с чем представляется интересным выявить состав их АКФ. В настоящей работе рассмотрим особенности АКФ самого частотного «ядерного» смоленского антропонима *Ю.А. Гагарин* в восприятии его респондентами-смолянами и испытуемыми из столичных регионов России.

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН АНТРОПОНИМА Ю.А. ГАГАРИН В СОСТАВЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ-СМОЛЯН

Выявлению АКФ ядерных смоленских онимов был посвящен второй этап регионального ассоциативного эксперимента, на котором состав участников был изменен: если на первом этапе были опрошены разновозрастные и разносоциальные группы, что обусловлено основной целью: выявить онимы, прецедентные для

всех смолян; то второй этап был проведен в студенческих группах. Такой выбор состава испытуемых связан с тем, что к возрасту 17—20 лет формирование языковой способности и ценностно-смысловых ориентаций личности в основном завершается; кроме того, «это дает возможность представить как бы на несколько десятилетий вперед ядро языкового сознания общества» [Караулов 2002: 753].

Участниками этого этапа эксперимента выступили 863 студента разнопрофильных вузов Смоленска. Проведение данного этапа эксперимента происходило в письменной форме, а предъявление стимулов — в устной форме. Такая форма работы обусловлена тем, что в качестве стимулов выступала группа онимов, и одинаковое время реакции на каждый (7 секунд) было ограничено именно скоростью их предъявления. Вначале респонденты заполняли бланк с той же анкетой, затем записывали любые ассоциации, связанные с «ядерными» смоленскими онимами. Полученные количественные показатели (База данных № 2) отражены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные характеристики АКФ «ядерных» смоленских онимов

№ п/п	Оним-стимул	Общее кол-во		Кол-во первых		Кол-во Р, выступающих в роли первых и непервых	Кол-во неназванных Р
		Р	У	Р	У		
1.	<i>Днепр</i>	308	1 750	96	858	44	4 (0,5%)
2.	<i>Успенский собор</i>	403	1 527	208	786	77	18 (2,1%)
3.	<i>Крепостная стена</i>	429	1 441	255	796	86	25 (2,9%)
4.	<i>Ю.А. Гагарин</i>	250	1 619	116	844	53	9 (1%)
5.	<i>М.И. Глинка</i>	216	1 298	124	812	41	31 (3,6%)
6.	<i>А.Т. Твардовский</i>	206	1 358	121	822	43	29 (3,4%)
7.	<i>М.В. Исаковский</i>	201	945	140	687	30	159 (18,4%)
8.	<i>Ф.С. Конь</i>	210	1 181	136	790	39	67 (7,8%)
9.	<i>М.К. Тенишева</i>	241	1 076	153	702	40	137 (15,9%)
10.	<i>Н.И. Рыленков</i>	173	888	125	693	32	155 (18%)
11.	<i>Василий Тёркин</i>	322	1 394	175	795	57	46 (5,3%)

Примечание: Р — реакция, У — употребление.

При анализе содержательной стороны «ядерных» смоленских онимов мы исходили из того, что структура АКФ ИС обусловлена прежде всего разрядом онима, поскольку различны предметные связи самих объектов, обозначаемых онимами разных разрядов. На основе таких связей у конкретного имени формируется способность вызывать устойчивые ассоциации, актуализирующие отдельные компоненты его содержания.

В структуре АКФ антропонима *Ю.А. Гагарин* в зависимости от когнитивного статуса можно выделить следующие группы реакций¹:

I. ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ (87/796):

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени (64/710) (реакции переданы курсивом, для каждой из них указан ИЧ):

1.1. Профессия, род занятий **41/365**: *космонавт 183*; *лётчик 3*; *великий космонавт 2*; *астронавт*; *космонавт-герой*; *лётчик-испытатель*; *полетевший в космос 1*.

¹ Графическое оформление ответов респондентами полностью сохранено; здесь и далее указано количество реакций / количество употреблений; группы и подгруппы расположены по убыванию количества употреблений составляющих их единиц.

1.1.1. *Первый космонавт 79; 1-й космонавт 24; первый 12; первый полет в космос 10; первый человек, полетевший в космос 7; 1-й, 1-й полет в космос 5; космонавт 1-й; космонавт первый; первый русский космонавт; первый человек в космосе 2; 1-й в космосе; 1-й космонавт мира; 1-й русский космонавт; 1-й чел. в космосе; 1-й человек в космосе; 1-й человек, полетевший в космос; космонавт № 1; космонавт первый в мире; не первый космонавт; первооткрыватель космоса; первый в мире космонавт; первый космонавт мира; первый космонавт, полетевший в космос; первый летчик; первый побывал в космосе; первый полет; первый человек, который полетел в космос; первый, кто полетел в космос; первым полетел в космос 1.*

1.1.2. *Русский герой, полетевший в космос; русский космонавт 1.*

1.1.3. *Космонавт со Смоленщины; смоленский космонавт со Смоленщины 1.*

1.2. *Космос 5/246; космос 240; звезда 3; бесконечность, Земля, спутник 1.*

1.3. *Полет в космос 17/98: «Поехали!» 30; полет в космос 11; ракета 9; скафандр 5; полет 4; «Восток», шлем 2; полет в космос человека; полет человека в космос; полетел старшим лейтенантом, спустился майором 1.*

1.3.1. *12 апреля 19; 12 апреля 1961 г. 4; 1961 г., 1961 год 3; 12.04.61; 1961 1.*

1.3.2. *Прорыв человечества 1.*

1.4. *Космонавтика 1.*

2. Реакции, описывающие место рождения Ю.А. Гагарина (11/37): *земляк 11; Гжатск; Смоленск; Смоленщина, смолянин 5; д. Клушино, имя Смоленщины; наш земляк; родился в Смоленске; родился на Смоленщине; смоленский парень 1.*

3. Реакции, называющие связанные с именем памятные места и организации (8/28):

3.1. *г. Гагарин 16; город; город Гагарин 3; Гжатск—Гагарин 1.*

3.2. *Гагаринцы 2; СДГО 1.*

3.3. *Памятник в Смоленске 1.*

3.4. *Моя улица 1.*

4. Реакции, характеризующие жизнь и образ носителя имени 4/21:

4.1. *Оренбург 13; Оренбургское летное училище 1.*

4.2. *Улыбка 6; улыбается 1.*

II. ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ (23/41): *Герой 9; гордость 6; великий человек 3; герой СССР; гордость СССР; доблесть 2; героизм; гордость России; достижение; знаменитость; знаменитый; известный человек; классный был парень; красивый; лучший; надежда; патриотизм; прикольный чувак; смелость; смоленская гордость; умный человек; человек-легенда; Я Вас любила 1.*

III. ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ (3/3): *1 апреля, 11 апреля; первый космонавт, полетевший в 1863 г. 1.*

IV. РЕАКЦИИ НА ОСНОВЕ РОДО-ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (2/3): *человек 2; мужчина 1.*

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН АНТРОПОНИМА Ю.А. ГАГАРИН В СОСТАВЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ СТОЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Для того чтобы выявить, как представлено имя Ю.А. Гагарина на общенациональном уровне, мы провели эксперимент со студентами разнопрофильных вузов Москвы (826) и Санкт-Петербурга (791), общее количество респондентов — 1617. Методика проведения эксперимента была такой же, как с испытуемыми-смолянами (имя Ю.А. Гагарина было предложено в качестве стимула в ряду других «ядерных» смоленских имен), изменились лишь некоторые параметры анонимной анкеты участника: пол, возраст, место учебы (Москва/Петербург), курс обучения, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, родной язык(и).

Остановимся подробнее на описании результатов, полученных со студентами московских вузов. Ассоциативный материал обрабатывается в электронной Базе данных № 3, где в составе АКФ антропонима Ю.А. Гагарин зафиксировано 214 реакций (1595 употреблений), никаких реакций заданный стимул не вызвал у 5 московских респондентов.

Подход к классификации реакций, с точки зрения их когнитивного статуса, остался прежним, оформление материала также сохранено:

I. ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ (157/1309):

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени (88/1148):

1.1. Космическая сфера (16/539): *космос 485; звезды 30; Земля 5; орбита, планета 3; Вселенная, невесомость 2; астрономия, бесконечность, инопланетяне, небо, НЛО, просто космос, спутник, черная дыра, эхо 1.*

1.2. Профессия, род занятий (25/318): *космонавт 165; летчик 9; пилот 2; астронавт, летчик-испытатель, человек-космонавт 1.*

1.2.1. *Первый 54; первый космонавт 23; первый человек в космосе 15; первый полет, первый полет в космос 12; первый в космосе 8; первый в мире 3; 1-й человек в космосе, космонавт первый; мы — первые!; номер один, первооткрытие и технологии, первопроходец, первые в космосе, первый космонавт СССР; первый мужчина, который полетел в космос; первый полет человека в космос, первый полетел в космос; первый человек, который полетел в космос 1.*

1.3. Полет в космос 44/284: *ракета 85; полет 44; Поехали! 38; полет в космос 14; скафандр 13; Байконур 3; шлем 2; «Восток», космический костюм, космодром, летательный аппарат, полетел в космос, речь перед полетом, стекло скафандра, страх, техника для полета, тюбик 1.*

1.3.1. *12 апреля, 1961 год 12; 12 апреля 1961 года 5; апрель 3; весна 2; 20 век, век покорения космоса 1.*

1.3.2. *Открытие 8; прорыв 6; освоение 3; движение вперед, неизведанные пути, освоитель космоса, открыл, пионер, покорение космоса 1.*

1.3.3. *История 3; будущее, вперед!; будущее и прошлое; вечность, историческое событие, память, прошлое, событие 1.*

1.3.4. *Белка и стрелка 3; собаки 2; белка 1.*

1.4. Космонавтика 3/7: *космонавтика 4; праздник 2; День космонавтики 1.*

2. Реакции, характеризующие жизнь и личность носителя имени (24/58):

2.1. Улыбка **32**; бодрость, брови, интеллигентный, здоровье, молодость, невысокий, улыбчивый, БЫЫ **1**.

2.2. Сила, смелость **2**; грамотный, отвага, простой, сильный, уверенность **1**.

2.3 Люберцы **2**; дочери Юрия, ДР недавно было (9 марта); житель Смоленска?; Оренбург, ПТУ, родился, Смоленск — родина **1**.

3. Реакции, выражающие патриотические чувства от первого полета (14/55):

3.1. СССР **34**; Россия **8**; патриотизм **2**; Родина; Россия первая в космосе; Россия, вперед!; русский космонавт, советские люди, Советский Союз, совок **1**.

3.2. Америка, мир (противостояние с Америкой), США, Холодная война **1**.

4. Реакции, описывающие смерть Ю.А. Гагарина (10/19): Луна **10**; загадочная гибель, полет на Луну, пропал без вести, разбился на самолете, самолет, секрет, тайна, трагическая смерть, упал **1**.

5. Реакции, отражающие память о первом космонавте (14/18):

5.1. Ленинский проспект **3**; ВДНХ, памятник **2**; Калуга, улица в Калуге, мой район, ул. Менделеева — ул. Гагарина в Жуковском **1**.

5.2. Граффити с его портретом, плакат, телевизор, фильм, фото, фото Юрия Гагарина, черно-белый кадр **1**.

6. Реакции по смежности (5/9):

6.1. Королев **4**; Циолковский **2**; Терешкова **1**.

6.2. Аполлон, «Союз» **1**.

7. Реакции культурологического типа 2/2: «Блондин!», Есенин **1.**

II. ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ (34/88): герой **27**; гордость **11**; великий **8**; герой СССР, легенда, успех **3**; красавица, личность знаменитая, лучший, надежда, слава **2**; авторитет, великий советский человек, великий человек, героизм, гордость России, достижение, единственный, известная личность, исторически важное лицо, красавчик, кумир, молодец, мощное имя, мужество, наш герой!, наши все, популярность, пример для подражания, прогресс, советский герой, торжество, уважение, хороший парень **1**.

III. РЕАКЦИИ НА ОСНОВЕ РОДО-ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (3/14): человек **8**; мужчина **5**; житель **1**.

IV. ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ (8/11): первый человек **4**; «Поехали отсюда», 1 апреля, 1 человек, первый полет на Луну, рыжий, шатл, Юрий Цезарь **1**.

**ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ АКФ АНТРОПОНИМА Ю.А. ГАГАРИН
В УЧЕБНОМ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ**

Одним из способов лексикографической интерпретации материала, полученного нами в результате обширного ассоциативного эксперимента, который был проведен вначале на региональном, а затем на общенациональном уровне, может стать учебный лингвокраеведческий словарь имен собственных. В этом словаре достойное место займет словарная статья с заглавным именем Ю.А. Гагарин, где

ПС — зона предметных сведений, **ЯС** — зона языковых сведений и **ДС** — зона дополнительных сведений:

ГАГАРИН Юрий Алексеевич (1934—1968)

ПС: Летчик-космонавт, Герой Советского Союза (1961). Родился в с. Клушино Гжатского р-на Смоленской области. 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества совершил полет в космос на космическом корабле «Восток». Участвовал в обучении и подготовке экипажей космонавтов. Трагически погиб во время учебного полета на самолете.

ЯС: *род.* Гагарин|а Юри|я Алексеевич|а, *м.* || *прил.* гагаринск|ий; *сущ.* гагаринц|ы. ♦ Полет Гагарина; «Есенин русского космоса»; Улыбка Гагарина; Гагаринская весна; Гагаринские чтения; Поехали! — фраза, сказанная Гагариным при запуске космического корабля «Восток». *Этим.* Боярская фамилия: от князя Михаила Голибесовского по его нецерковному имени Гагара (начало XV в.). Диалектное слово *gagara*, помимо первичного значения ‘морская птица’, имело различные переносные значения: ‘хохотун, зубоскал’, ‘неуклюжий, длинный’. Когда Ю.А. Гагарин полетел в космос, один из потомков бывших князей Гагариных за океаном объявил его родственником. В действительности же Ю.А. Гагарин — потомок княжеских крепостных; до падения крепостного права крепостным запрещалось иметь собственную фамилию; после 1861 года многим тысячам крестьян центральных губерний (Рязанской, Смоленской и др.), где разветвленный род Гагариных имел огромные вложения, записана фамилия их бывших владельцев (В.А. Никонов).

ДС: *См. также.* Гагарин (город), бюст Ю.А. Гагарина, Объединенный мемориальный музей Ю.А. Гагарина, Областная премия им. Ю.А. Гагарина, Памятник Ю.А. Гагарину, Проспект Гагарина, Смоленская детская гагаринская организация.

Тексты: «Сирень Гагарина» (Н. Кеженов), «Весна в Клушине» (А. Мишин) и др.¹

Ю.А. Гагарин. Дорога в Космос: Записки летчика-космонавта СССР (М., 1961); В. Гагарин. Мой брат Юрий (М., 1972), Л.А. Обухова. Любимец века (М., 1979), М.Е. Залобовская. Сын Земли и звезд (Киев, 1984), Венок Гагарину: сборник стихотворений / Составитель А.А. Щербаков (М., 1984).

В целом макро- и микроструктура разрабатываемого нами словаря подробно описана в статье (см.: Максимчук, Бубнова 2015), где изложены основные принципы отбора заголовочных единиц и организации структуры словарной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Ассоциативный эксперимент является целесообразным и эффективным методом выявления АКФ ономастических единиц не только на региональном, но и на общенациональном уровне (при условии, что оним перешел с регионального на более высокий уровень лингвокультурологической ценности), что обеспечивает системный подход к исследованию АКФ ИС.

2. С точки зрения информативной ценности полученные в результате эксперимента реакции могут быть отнесены к одному из двух типов: реакции, информативные для описания АКФ онимов-стимулов и языковой личности респондента.

¹ Ввиду ограниченного объема публикации и жанра научной статьи другие тексты опущены.

тов; реакции, характеризующие только коллективный речевой портрет испытуемых (оценочные и ошибочные реакции, а также реакции на основе родо-видовых отношений).

3. В структуре АКФ анализируемого в настоящей работе антропонима Ю.А. Гагарин абсолютное большинство реакций по их когнитивному статусу (потенциалу) являются информативными, что позволяет включить данное имя в состав фоновых знаний культурного наследия (термин Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова) языковой личности начала XXI в.

4. Информативные реакции позволяют эксплицировать большой объем историко-культурной информации, обогащающей состав АКФ исследуемого имени. Эта многоплановая информация, а также некоторые комментарии к изложенной выше классификации не представлены, что также обусловлено требованиями объема и жанра статьи. Приведем лишь некоторые примеры особо значимых с точки зрения когнитивной ценности реакций: 1) *улыбка*: сочетание *улыбка Гагарина* стало крылатым и нашло свое отражение в различных лексикографических источниках, например, в Большом лингвострановедческом словаре «Россия» (2007); 2) реакция *Блондин* обусловлена тем, что такое прозвище с легкой руки Ю.А. Гагарина получил другой советский космонавт А.А. Леонов (см. Арефьев: <http://teleprogramma.pro/cinema-stop/17112/>); 3) реакция *Есенин* мотивирована работой А.А. Проханова, где автор отмечает: «Есенин создал такой язык, с помощью которого он мог отрываться от брэнной земли. (...) Есенин взлетел так высоко, что вдруг ударился о железное небо. Его Серебряный русский век столкнулся с Железным русским веком, и от этого удара Есенин разбился и упал на землю» (см. Проханов: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/7257/>).

5. В перспективе подобная информация может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (ассоциативных, лингвокультурологических, краеведческих), а предложенный в работе подход к выявлению и описанию АКФ ономастических единиц, а также к составлению лингвокраеведческого словаря может быть использован для создания серии лингвокраеведческих словарей, предоставляющих объективный материал для последующего достоверного описания общенационального ономастического пространства.

© Бубнова Н.В.

Дата поступления: 27.05.2016

Дата приема к печати: 07.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арефьев Е.Е. (2016). Время первых: невысокий блондин в космических ботинках [Arefev E.E. The time of the first: Small blond man in space shoes] URL: <http://teleprogramma.pro/cinema-stop/17112> (19.03.2016).
2. Березович Е.Л. (2001). К построению комплексной модели топонимической семантики [Berezovich E.L. Towards composing complex model of toponymic semantics] // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. № 20. С. 5—13.
3. Бубнова Н.В. (2011). Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян [Bubnova N.V. Proper names in the structure of regional background knowledge of Smolensk people]: дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск.

4. Буслаев Ф.И. (1959). Историческая грамматика русского языка [Buslayev F.I. Historical Grammar of the Russian Language]. М.: Учпедгиз.
5. Галкина-Федорук Е.М. (1956). Слово и понятие [Galkina-Fedoruk E.M. Word and notion]. М.: Учпедгиз.
6. Караулов Ю.Н. (2002). Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Karaulov Yu.N. Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool of analyse language competence] // Русский ассоциативный словарь. 2 тт. М.: Астрель–АСТ. Т. 1. С. 750—782.
7. Максимчук Н.А. (2002). Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении [Maksimchuk N.A. Normative and scientific worldview of the Russian linguistic personality in complex linguistic review]. Ч. 1—2. Смоленск: Издательство СГПУ. Ч. 1.
8. Максимчук Н.А., Бубнова Н.В. (2015). О принципах организации учебного лингвокраеведческого словаря имен собственных [Maksimchuk N.A., Bubnova N.V. On the principles to compose manual linguo-regional dictionary of proper names] // Вопросы филологии. 2015. № 1. С. 79—88.
9. Проханов А.А. (2016). Есенин — это Гагарин русской поэзии [Prokhanov A.A. Esenin — as Gagarin of Russian poetry]. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/7257/> (19.03.2016).
10. Россия. Большой лингвострановедческий словарь (2007). [Russia. Big linguo-cultural dictionary] / Под ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

SYSTEMATIC APPROACH TO THE RESEARCH OF THE ASSOCIATIVE-CULTURAL BACKGROUND OF ONYMS: FROM REGIONAL TO NATIONWIDE LEVEL

N.V. Bubnova

Military Academy of the Army Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation
n.a. A.M. Vasilevsky, Marshal of the Soviet Union
2, Kotovsky str., Smolensk, Russia, 214027
vavpvo-na@mil.ru

The article is related to the research of systematic semantics features of onyms by outcrop and description of their associative-cultural background within regional and nationwide background knowledge (e.g., onym Y.A. *Gagarin*). The relevance of the work is conditioned by the research of a name as a “cultural sign”/ which is important due to globalization processes whose reverse side is enhancement of the ethnic identity and the national self-identification beginning of the XXI century.

The novelty of the article is determined by systematic research of the features of the outcrop and description of the associative-cultural background of onyms: the broad experiment, conducted at first at the regional level (the Smolensk citizens) and then at the nationwide level (citizens of Moscow and St. Petersburg), became the main method of the research.

As a result of the research was clarified that the name Y.A. Gagarin is organic to the background knowledge of the heritage of language personality of the beginning of the XXI century. And the informational reactions achieved by the experiment allows us explicate a huge amount of the historical and cultural information in the content of the researched name.

The information can be reflected in the various anthropological dictionaries. The scientific value of the present work is determined by the approach to the outcrop and analysis of the associative-cultural background of the regional onyms transferred to the nationwide level can be employed in studies of other regions.

Key words: associative-cultural background, associative experiment, proper name (onym), background knowledge, linguistic identity, anthropocentric lexicography

---

УДК 81:303.621:001.895(470)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЛЕКСИКА «ЯЗЫКА ИННОВАЦИЙ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ***

Н.А. Волкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
chestrek@gmail.com

В статье рассмотрена степень восприятия инноваций в повседневных практиках жителями региональных российских центров и оценивается скорость «затухания» интереса к инновациям из-за территориальной удаленности от центра распространения информации об инновациях. Для составления перечня слов-стимулов, которые ассоциировались с инновациями и изобретениями среди товаров и услуг, в рамках исследования были проанализированы ранее проводившиеся исследования инновационных социальных практик, а также проведен общероссийский социологический опрос о новых повседневных городских практиках. Опираясь на полученный перечень инновационных практик, был проведен анализ активности поисковых запросов по данным словам-стимулам в российских региональных центрах. В результате анализа были выявлены условия создания устойчивого интереса к инновациям, которые могут способствовать развитию человеческого потенциала в городах.

Ключевые слова: слова-стимулы, «язык инноваций», инновационные социальные практики, поисковые интернет-запросы, распространение инноваций, развитие человеческого потенциала

ВВЕДЕНИЕ

По вопросу о развитии человеческого потенциала можно часто встретить исследования, посвященные инновациям как одному из наиболее явных результатов развития человеческого потенциала в области предпринимательства и экономики. При этом развитие человеческого потенциала меньше подвержено резким спадам или скачкам, если оно опирается на ресурсы и возможности локальной социальной, информационной и культурной среды, а не находится под влиянием внешних политических или экономических факторов. В свою очередь, качество и возможности локальной среды напрямую зависят от того, в какой степени она создает условия для адаптации и развития инноваций.

Однако в контексте изучения социальной и культурной среды общества инновации приобретают самостоятельное значение только тогда, когда социальные изменения начинают превращаться из случайных явлений в устойчивые тренды социальной жизни. По мысли польского социолога П. Штомпки, социальные изменения, и в особенности изменения в повседневных социальных практиках людей, проявляются прежде всего в повседневной речи, а лишь затем закрепляются

---

* Исследование выполнено в рамках подготовки раздела «Виртуальная среда городов: Интернет и социальные сети» Исследования городов РФ «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда» под научным руководством проф., к. арх. А.А. Высоковского Высшей школой урбанистики НИУ-ВШЭ совместно с компанией «Новая земля» по заказу Программной дирекции Московского урбанистического форума [Высоковский 2014].

в языке [Штомпка 2009]. В результате в повседневных практиках для описания новых понятий, связанных с инновациями, возникают языковые формы, совокупность которых можно назвать «языком инноваций». Этот язык будет формироваться за счет создания новых лексических единиц (ЛЕ), расширения значений уже существующих слов, то есть процессов семантической деривации, и заимствования иностранных ЛЕ, которые еще не могут быть описаны как неологизмы, поскольку они пока не ассимилированы языком [Найденова 2011]. Социальные практики, в которых используется «язык инноваций», отражают способность горожан воспринимать инновации и способствовать их развитию. Интерес горожан к инновациям, выражающийся в активном использовании новых языковых форм, является одним из признаков наличия социальной среды для развития инноваций, а следовательно, среды, способствующей устойчивому развитию человеческого потенциала. В городах, где интерес к инновациям будет наибольшим, развитие человеческого потенциала можно будет оценивать как более устойчивое и независимое от изменений глобальной политической и экономической ситуации.

Краткий обзор исследований и литературы по социологии и лингвистике по теме социальных изменений и инновационных практик в нулевые годы в России позволяет отобрать предварительный список ЛЕ «языка инноваций». Далее список будет скорректирован на основе кратких письменных экспертных интервью и разбит на тематические группы. Полученные данные будут использованы в качестве основы для подготовки вопросов всероссийского социологического опроса, в результате которого будут выявлены ЛЕ, которые опрошенные соотносят с «языком инноваций». Для того чтобы определить российские города, жители которых проявляют наибольший интерес к социальным инновационным практикам, будет проанализирована частотность поисковых запросов интернет-пользователей из этих городов по выявленным ЛЕ. Анализ динамики интереса жителей Москвы, Санкт-Петербурга и российских и региональных центров к социальным инновациям позволит выделить города, в которых интерес к инновационным практикам характеризуется большей стабильностью. На примере выделенных городов будет показано, что постоянный интерес к инновациям и устойчивое развитие человеческого потенциала более характерно для городов, в которых более развиты локальные связи с близлежащими городами.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ЯЗЫКА ИННОВАЦИЙ»

Поскольку вопросы изучения «языка инноваций» связаны и с проблемами социологии и лингвистики, именно в рамках этих двух дисциплин будет определена теоретическая и концептуальная рамка данного исследования. Для анализа были выбраны исследования Р. Абрамова, Л. Паутовой, Е. Шумаковой, И. Климова, В. Поляковой, А. Зудиной, М. Ивановой, С. Климовой, А. Куфы, С. Петуховой, Е. Пугиной, выполненные в рамках проекта Фонда «Общественное мнение» «Люди-XXI» (2007—2010 гг.) [База данных проекта URL: http://bd.fom.ru/cat/soc_gr/people_xxi/; Абрамов 2008а; Абрамов 2008б].

В рамках проекта «Люди-XXI» утверждалось, что «люди-XXI включены в широкий спектр инновационных практик: от пользования современными сред-

ствами коммуникаций до возможностей активного финансового поведения» [Абрамов 2009; 2010; Оберемко 2008].

Хотя данное исследование не предполагает социальных ограничений, введенных в проекте ФОМа, обширный материал, представленный в его публикациях, стал основным лингвистическим корпусом исследования. Использование метода сплошной выборки и контекстуального анализа позволило отобрать предварительный список ЛЕ единиц, описывающих инновации. Теоретической базой для отбора лексических единиц «языка инноваций» послужили также работы социолога Б. Дубина [Дубин 2007; Дубин 2011] и лингвиста Г. Гусейнова [Гусейнов 2012].

Обзор литературы о языке и социальных практиках нулевых в России и семантический анализ его лексического корпуса дал предварительный словарь «языка инноваций», состоящий из 156 понятий по 11 сферам повседневной жизни: техника: гаджеты и программы (44 понятия); отдых и развлечения (19); связь и коммуникация (18); бизнес и онлайн-коммерция (20); здоровье (11): покупки (8); управление делами и временем (9); наука (9); образование и культура (7); преступления и нарушения сетевой этики (6); механизмы общественного регулирования (5). Полученный список был представлен 8 экспертам в области социологии, лингвистики, развития новых технологий и инноваций для уточнения и дополнения.

В результате экспертизы из 156 ЛЕ эксперты оставили 119 единиц (83% от первоначального списка). Они же предложили добавить 56 единиц и выделить в отдельный раздел пространственные практики, в результате чего список увеличился на 20% (табл. 1). Далее отобранные ЛЕ были перегруппированы в соответствии с тремя типами инноваций, выделенными в «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Модернизация и развитие человеческого потенциала» [Аузан 2011]. Это дало три группы ЛЕ, описывающие новые технологии, потребляемые товары и услуги (связанные прежде всего с демонстративным потреблением), по которым и был проведен массовый всероссийский социологический опрос.

Таблица 1

Предварительный словарь «языка инноваций» (156 понятий)

Бизнес и онлайн-коммерция (20)	Техника: гаджеты и программы (44)	Связь и коммуникация (18)	Отдых и развлечения (19)	Пространственные практики (26)	Здоровье (11)
стартап фриланс подработка поиск работы яндекс. деньги raupal web money биткоин bitcoin список рассылки краудсорсинг краудфандинг фандрайзинг дополненная реальность	мобильник мобилка телефон смарт(фон) планшет ноут(бук) wifi/вай-фай скайп skype аська 3G 4G Ipad Samsung Note	мейл роуминг блог аккаунт Livejournal Живой журнал ВКонтакте Одноклассники Facebook LiveInternet чат юзерпик ник(нейм) обмен мелодиями	заказ билетов через Интернет заказ турпоездок сетевые игры на андроиде и иосе для ай-фонов ММОРПГ соцсети блоги обмен фото (инстаграм и пр.) Instagram	foursquare/ фосквер GPS yandex метро / пробки WikiMapia Вики мапия Google Earth гугл карты карты яндекс навигатор в телефоне чекиниться рекомендации кафе	поиск больниц, оздоровительных центров, стоматология в сети слежение за здоровьем через смартфон — набеганный километраж, давление и т.п. health whois фитнес

Бизнес и онлайн-коммерция (20)	Техника: гаджеты и программы (44)	Связь и коммуникация (18)	Отдых и развлечения (19)	Пространственные практики (26)	Здоровье (11)
онлайн-банкинг пиар пиарить пиариться эйчар бренд	Apple Sony Vaio Облако Дропбокс Хостинг драйвер гаджет флешка дискета сиди стилус форм-фактор плеер нетбук ультрабук модем DDR оперативка Андроид iOS айпад айфон дисплей ридер читалка sms/смс смска хештег	мем интернет-кафе whatsApp вотсап	селфи создание ринг-тонов ролик видео atv лоукост аниме киберпанк постапокалипсис скачать фильм, музыку, книгу	кино расписание онлайн билеты онлайн гостиница забронировать онлайн booking airbnb снять/сдать квартиру онлайн электронный путеводитель яндекс такси get taxi momondo anyway (anywayanyday)	видеорецепты онлайн-рецепты
Покупки (8)	Управление делами и временем (9)	Образование и культура (7)	Наука (9)	Преступления и нарушения сетевой этики (6)	Механизмы общественного регулирования (5)
интернет-магазин онлайн-магазин онлайн-заказ доставка на дом курьер Amazon eBay мобильные платежи	time-management расписание распорядок дня органайзер молескин ежедневник календарь to-do list напоминания	платное научиться обучение МВА онлайн-уроки вики википедия	видеосеминары видеоконференции сетевые научные журналы (arxiv) онлайн-образование аудиокниги скачать бесплатно лекции слушать смотреть онлайн онлайн-библиотека (интернет-библиотека)	троллинг троль хакерство спам спамер боты	онлайн-голосование онлайн-опросы электронное правительство экзит-пол сетевые новости

МЕТОДИКА ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «ЯЗЫКА ИННОВАЦИЙ»

Целью опроса, проведенного в августе—сентябре 2014 г., было актуализировать, уточнить и дополнить полученный список словаря «языка инноваций», поскольку используемые для отбора корпуса исследования в области социальных

изменений были выполнены на материалах почти семилетней давности. Специалисты Фонда «Общественное мнение» значительно ограничили список для массового социологического опроса 26 ЛЕ. В опрос было включено три открытых вопроса и четвертый вопрос, составленный на основе списка из 26 ЛЕ:

— Скажите, пожалуйста, какие новые изобретения появились за последние 5—10 лет?

— Какие новые товары появились за последние 5—10 лет?

— Какие новые услуги появились за последние 5—10 лет?

— Скажите, какие из перечисленных вещей/слов/понятий вам известны?

Данные вопросы были включены в еженедельный опрос ФОМнибуса 1500 респондентов 18+ в режиме личного интервью (face-to-face) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 43 субъектов РФ [Включение вопросов в еженедельный опрос ФОМнибус URL: <http://corp.fom.ru/uslugi/kolichestvennyye-issledovaniya-v-rossii-i-regionah/vkljuchenie-voprosov-v-ezhenedelnyj-opros-fomnibus.html>]. Из ответов на открытые вопросы было получено три группы необработанных ЛЕ, описывающих инновации (около 1,5 тыс.). Отдельно были представлены результаты опроса по составленному экспертами списку 26 ЛЕ.

Далее необходимо было исключить из анализа ЛЕ, обозначающие наименее и наиболее распространенные инновационные практики. Это ограничение связано с целью исследования: выявить города, обладающие наиболее устойчивым развитием человеческого потенциала. Наиболее частотные ЛЕ «языка инноваций» уже одинаково распространены во всех городах, а наиболее редкие ЛЕ не будут репрезентативны для анализа распространенности «языка инноваций» среди жителей Москвы, Санкт-Петербурга и региональных центров. Для их исключения к списку из 1,5 тыс. ЛЕ было применено два типа фильтров. Во-первых, данный перечень ЛЕ был проанализирован с точки зрения частотности в корпусе русского языка Интернета RuTenTen 2011 г. [Захаров 2010; Kilgariff 2004; Многоязычный корпус Sketch Engine URL: <https://www.sketchengine.co.uk>]. В итоге были выделены слова, которые встречаются в корпусе более чем 1 раз на 100 000 слов, что позволило исключить случайные и частные социальные практики, анализ которых не дал бы значимых результатов. В результате получился список из 200 ЛЕ, который затем был проанализирован в соответствии с временной динамикой появления этих ЛЕ в поисковых запросах Google (рис.) [Ormen 2014]. Для каждой из 200 ЛЕ с помощью сервиса Google Trends [Google Тренды URL: <https://www.google.ru/trends>] был определен год ее появления в поисковых запросах, начиная с 2004 г. (техническое ограничение Google). Временная динамика появления этих ЛЕ в поисковых запросах позволила выделить два пика, 2007 и 2011 г., когда максимальное количество исследуемых ЛЕ впервые появилось в поисковых запросах. Таким образом, исключив наименее и наиболее распространенные ЛЕ «языка инноваций», дальнейший анализ был ограничен 32 ЛЕ, появившимися в поисковых запросах в 2011—2013 гг.

Рис. Временная динамика появления ЛЕ «языка инноваций» в поисковых запросах Google

В дальнейшем анализе краткий список ЛЕ, полученный на основе экспертного опроса, не учитывался, что позволило не анализировать ответы респондентов на четвертый вопрос опроса, построенный на основе мнения экспертов. Такая ситуация вызвана несовпадением выборки из 200 наиболее частотных ЛЕ «языка инноваций», выявленных в ходе опроса, со списком, составленным на основе экспертного опроса из 26 ЛЕ. Можно предположить, что расхождение в понимании инноваций экспертами и респондентам связано с тем, что эксперты выступают скорее в роли инноваторов, суждения которых об инновациях отражают их повседневные привычки и паттерны поведения, а не экспертную оценку общих трендов.

ПОПУЛЯРНОСТЬ «ЯЗЫКА ИННОВАЦИЙ» В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ

Для того, чтобы в дальнейшем исследовании анализировать частотность поисковых запросов по выделенным 32 ЛЕ с учетом их географической локализации, использовались данные сервиса Wordstat Яндекса. В сервисе Яндекса такая возможность предоставлена как для регионов, так и для городов, благодаря показателю «региональной популярности» или *affinity index* поискового запроса. Согласно определению, «региональная популярность» данного поискового запроса — это частотность данного поискового запроса среди всех поисковых запросов, пришедшихся на отдельный регион или город [Яндекс. Статистика ключевых слов URL: <http://wordstat.yandex.ru>].

Далее для каждой из 32 ЛЕ была выявлена активность поисковых запросов в различных городах [Самочадин 2012, Alexeev URL: <http://ponarseurasia.com/memo/beyond-polls-googlequeries-and-public-protest-volatility-russia>, Du 2012]. Для анализа географии активности поисковых запросов по городам необходимо было выделить общую характеристику, по которой сравнивать характер активности для каждой из ЛЕ. На основе существующих исследований диффузии инноваций по крупнейшим городам России можно утверждать, что большинство инноваций и информация о них приходит в другие города лишь после того, как они станут известны жителям Москвы [Пузанов 2012]. Поэтому уровень частотности поис-

ковых запросов по каждой ЛЕ для Москвы была выбрана в качестве базового уровня активности при сопоставлении с другими городами. Выбирая уровень интереса к данной ЛЕ у жителей Москвы в качестве базовой характеристики рассматриваемых ЛЕ, можно обоснованно предположить, что более высокая частотность ЛЕ «языка инноваций» в поисковых запросах жителей Москвы будет соответствовать более высокому интересу к инновации в столице, а низкая — снижению интереса и рутинизации нововведений, а не его зарождения, поскольку выборка ЛЕ описывает инновации, интерес к которым был зафиксирован в поисковых запросах в 2011—2013 гг.

32 ЛЕ были разделены на три категории в зависимости от частотности поисковых запросов с их использованием в Москве. Это было необходимо для обобщения результатов анализа для каждой ЛЕ при сопоставлении Москвы с другими городами. К первой категории относились те ЛЕ, к которым интерес в Москве наиболее высок (50%), ко второй и к третьей категории — ЛЕ, интерес к которым был средним или низким (30% и 20%) (табл. 2).

Таблица 2

Группы слов по частоте поисковых запросов с их использованием в Москве

Группа 1: Частотные слова	Группа 2: Менее частотные слова	Группа 3: Редкие слова
сетевой магазин google glass одно окно онлайн конференция единая цена световые панели влажные салфетки телемаркетинг умные часы 3d печать 3d принтер радио няня фастфуд платная медицина уход за пожилыми мобильное ТВ	инстаграм магнитотерапия счетчик на воду банковский терминал самообслуживание электронные игры искусственное оплодотворение электронная техника имплантант лапроскопия	3d формат онлайн платеж обслуживание на дому косметический салон майнкрафт

В дальнейшем исследовании данные категории ЛЕ будут соотноситься соответственно с первой волной инноваций, наиболее активной фазой их восприятия, второй — менее активной и третьей волной, когда начинается процесс их рутинизации. Для Москвы в первой категории присутствуют ЛЕ всех трех групп, связанных с тремя типами инноваций: «технологии», «услуги» и «товары». Ко второй и третьей категории принадлежат ЛЕ, к которым снижается интерес в Москве, а ЛЕ из группы «товары» отсутствуют. Такое распределение по группам позволяет предположить, что ЛЕ, обозначающие новые товары, пользуются большей популярностью в Москве.

Для того чтобы сравнить уровень интереса к инновациям в различных городах для каждой категории ЛЕ, сформированной по частотности поисковых запросов в Москве, были выявлены группы городов, в которых ЛЕ данной категории

были высоко-, средне- и низкочастотными в поисковых запросах в других городах. Такой анализ позволяет судить о характере распространения информации об инновациях в целом по стране. Города, в которых частотность поисковых запросов с использованием ЛЕ «языка инноваций» была ниже, чем в Москве, исключались из дальнейшего анализа, поскольку в данном исследовании были рассмотрены лишь основные тренды распространения инноваций (исключенные города могут стать объектом отдельного, более детального анализа). В итоге было выделено 6 групп городов.

В первую группу попали города, в которых интерес к первой категории ЛЕ, наиболее активных в поисковых запросах в Москве, также высок. В вторую группу попали города, в которых был высок интерес ко второй категории ЛЕ, которая в Москве была признана среднечастотной. К третьей группе относились города, в которых интерес ко второй, средней категории ЛЕ, также характеризовался средней частотностью поисковых запросов. Соответственно к четвертой, пятой и шестой группе относятся города, в которых интерес к третьей, низкочастотной категории ЛЕ для Москвы, характеризовался как высокий, средний и такой же низкий, как в столице. Предложенный метод группировки городов приводит к тому, что отдельные города могут присутствовать в разных волнах, поскольку учет временной динамики сохранения интереса к инновациям в отдельном городе не принимается в расчет в данном исследовании [Высоковский 2014: 81].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для выделенных групп городов может быть введена типология с опорой на типологию людей, участвующих в адаптации инноваций. Так, Э. Роджерс делит их по скорости восприятия ими информации об инновациях на «инноваторов», «последователей» и «большинство» [см.: Пузанов 2012]. Для городов шестой группы, которые можно охарактеризовать как «большинство», частотность поисковых запросов по ЛЕ «языка инноваций» будет самой низкой. К городам-«последователям» будут относиться города третьей и пятой групп со средней частотой рассматриваемых ЛЕ. К городам-«инноваторам» будут относиться города первой, второй и четвертой групп с наибольшей частотой поисковых запросов по рассматриваемым ЛЕ. Города первой группы будут относиться к городам-«инноваторам» первой волны, а второй и четвертой группы — к городом-«инноваторам» второй и третьей волны.

В результате анализа для городов-«инноваторов» было выявлено два эпицентра, европейский и азиатский. Европейским эпицентром является Москва, вокруг которой в радиусе 1—1,5 тыс. км в Центральной России и Западной Сибири находятся 70% городов-«инноваторов» первой волны (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Иваново, Тула, Самара, Волгоград, Владимир, Рязань, Ростов-на-Дону, Краснодар). Второй, азиатский эпицентр, охватывающий территории Дальнего Востока и Восточной Сибири (Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, Якутск), гораздо менее активен, динамика восприятия инноваций здесь слабее, но явно прослеживается ведущий характер распространения инноваций в этом направлении — с Дальнего Востока в Восточную Сибирь.

К первой волне инноваций относятся Томск и Иркутск, находящиеся на периферии влияния двух эпицентров. Во второй волне инноваций города-«инноваторы» более равномерно распределены между двумя эпицентрами, образуя четыре географических зоны. Первые две зоны второй волны пересекаются зоной наибольшей концентрации городов-«инноваторов» первой волны. В европейской части к первой зоне относятся 6 городов, расположенных на расстоянии 300—800 км от Москвы: Великий Новгород, Кострома, Йошкар-Ола, Саранск, Пенза, Саратов.

Во второй зоне в 1—1,5 тыс. км от Москвы расположены 7 городов-«инноваторов» второй волны: Екатеринбург, Пермь, Ставрополь, Майкоп, Черкесск, Нальчик, Архангельск. К третьему поясу на расстоянии около 2—3 тыс. км от Москвы относятся 2 города Западной Сибири — Салехард, Омск. В четвертый пояс попали 3 города Восточной Сибири и Дальнего Востока, расположенные в 5—6 тыс. км от Москвы: Чита, Якутск, Магадан.

В третьей волне города-«инноваторы» представлены равномерно: Калуга — на расстоянии 160 км от Москвы; 6 городов в центральной части России и на Урале в радиусе 2 тыс. км от Москвы; 2 города Западной Сибири на расстоянии 3 тыс. км и 4 города на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири на расстоянии 5—7 тыс. км от Москвы. Отметим, что если во второй волне происходит расширение географического ареала восприятия инноваций и их более равномерное распределение, то географический ареал третьей волне существенно совпадает с ареалом первой волны, особенно на периферии отдельных географических зон. Интерес к инновациям в зоне городов-«инноваторов» первой волны становится более равномерным и насыщенным. Он развивается не от центра к периферии, а наоборот, в конечном итоге периферийный интерес становится основой для поддержания интереса в городах первой волны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения развития человеческого потенциала описанная выше маятниковая активность интереса к ЛЕ «языка инноваций» позволяет посмотреть на процесс адаптации и использования инноваций не с точки зрения расширения географического ареала внедрения определенных технологий, услуг или товаров, а с позиции социальных поведенческих практик. В данном случае можно наблюдать своеобразный круг, который проходит активный интерес к инновациям: от городов-«инноваторов» первой волны к городам второй волны, часто от них географически удаленным, и затем снова возвращается в третьей волне на периферию центров первой волны.

Согласно существующим психологическим тестам [Duhigg 2012] основным препятствием для восприятия инноваций являются повседневные привычки, которые определяют до 50% действий человека в течение дня. По Э. Роджерсу, доля инноваторов составляет около 2,5%, и только такая доля населения способна резко изменить привычки под влиянием новой информации [см.: Пузанов 2012]. При расширении зоны интереса к инновациям в результате перехода пика интереса к инновациям от городов первой волны к городам второй волны большее количество пользователей воспринимают информацию об инновациях в ходе социальной коммуникации. В центры третьей волны информация приходит уже не извне, а от жите-

лей городов-«инноваторов» первой и второй волны. Адаптация инноваций в третьей волне оказывается встроенной в повседневные социальные практики.

Таким образом, для устойчивого восприятия и адаптации инноваций жителями страны важным является не только первичный интерес к инновациям, характерный для первой волны, но и поддержание этого интереса за счет локальных связей между городами-«инноваторами» разных волн.

Среди городов первой волны не все относятся к городам с высоким уровнем человеческого потенциала. Из 15 городов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) к городам-лидерам по уровню человеческого потенциала относятся только шесть городов (40%): Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Краснодар, Томск, Иркутск, Якутск. Эти шесть городов расположены в географической близости от городов-«инноваторов» третьей волны, что позволяет утверждать, что интерес к инновациям в городах-лидерах поддерживается локальными связями с городами третьей волны. Три города первой волны относятся к городам-аутсайдерам по уровню человеческого потенциала: Самара, Волгоград, Рязань. Однако интерес к инновациям в этих трех городах не может поддерживаться городами-«инноваторами» третьей волны из-за их географической удаленности. Как и города-аутсайдеры, Иркутск удален от городов-«инноваторов» третьей волны, однако его расположение на периферии двух эпицентров — европейского и азиатского, — обеспечивает ему устойчивый интерес к инновациям и лидерство по развитию человеческого потенциала. Менее 50% городов-аутсайдеров по развитию человеческого потенциала являются городами-«инноваторами» второй и третьей волны: Пермь, Омск, Ульяновск, Кострома, Вологда, Калуга, Сыктывкар. Это заставляет предположить, что сильное влияние близлежащих городов-лидеров по человеческому потенциалу не позволяет жителям данных городов сохранить устойчивый интерес инновациям.

Таким образом, изучение интереса к инновациям и активности использования в поисковых интернет-запросах ЛЕ «языка инноваций» позволяет сделать вывод о том, что для устойчивого развития человеческого потенциала города необходимо наличие его связей не только с источниками новой информации, но также нужна локальная «обратная связь» с близлежащими городами, воспринимающими и адаптирующими информацию об инновациях. Несмотря на ограничения данного исследования, связанные с ограничением лингвистического корпуса, количества поисковых запросов и выборки городов (менее 10% всех городов страны), методика данного исследования может быть уточнена и в дальнейшем использована для анализа развития человеческого потенциала, изучения социальной географии страны, ее виртуального пространства и «языка инноваций».

© Волкова Н.А.

Дата поступления: 18.04.2016

Дата принятия в печать: 07.06. 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аузан А.А., Бобылев С.Н. (ред.) (2011) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. [Auzan A.A., Bobylev S.N. (ed.) National Human Development Report for the Russian Federation in 2011]. М.: ПРООН в РФ.
2. Высоковский А.А. (ред.) Курячий И.М., Дыба Е.А., Котов Е.А., Иванов П.В., Мкртчян Н.В., Маслова С.Н., Волкова Н.А., Шварева Т.Е., Карачурина Л.Б., Самоволик О.Д., Городничев А.В., Миксюк А.А., Волкова Н.А. (2014). Борьба за горожанина: человеческий потен-

- циал и городская среда [Vysokovsky A.A. (ed.), Kuryachiy I.M., Dyba E.A., Kotov E.A., Ivanov P.V., Mkrtchyan N.V., Maslova S.N., Volkova N.A., Shvarev T.E., Karachurina L.B., Satmoolik O.D., Gorodnichev A.V., Miksyuk A.A., Volkova N.A. Study on Russian Cities “Fight for Citizens: Human Potential and the Urban Environment”] / Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», компания «Новая земля». <http://mosurbanforum.ru/online> (29.05.2016).
2. Дубин Б.В. (2007). Жить в России на рубеже столетий: социологические очерки и разработки [Dubin B.V. To Live in Russia at the turn of the century: Sociological articles and research materials]. М.: Прогресс-Традиция.
  3. Дубин Б.В. (2011). Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь [Dubin B.V. Russia of the 00's: Political Culture — Historical Memory — Everyday Life]. М.: РОССПЭН.
  4. Гусейнов Г.Ч. (2012) Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу [Guseynov G.Ch. The 2000s on the tip of the tongue: Brief guide to Russian discourse]. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.
  5. Захаров В.П., Хохлова М.В. (2010) Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке [Zaharov V.P., Hohlova M.V. The analysis of the efficiency of the statistical methods of the collocations discovery in Russian texts]. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». № 9.
  6. Найденова Н.С. (2011) Функционирование английских заимствований во французском экономическом дискурсе как отражение национального характера [Najdenova N.S. The English borrowed words in French economic discourse as the side of national character]. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2011. № 3. С. 25—34. http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_b4a43bf08a7114b5aa7f41d2d55331a4 (29.05.2016).
  7. Пузанов К.А. (2012) Современные модели распространения инноваций: критический анализ [Puzanov K.A. Contemporary methods of the diffusion of innovations: a critical review] // Социология власти. № 6—7.
  8. Самочадин А.В. и др. (2012). Метод выявления и ранжирования востребованности информации средне мотивированными пользователями Интернета [Samochadin A.V. et al. The method of the discovery and ranging of the information among the motivated Internet users] // Системное программирование. Изд-во СПбГУ. Т. 7. № 1.
  9. Штомпка П. (2009). В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии [Shtompka P. The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology] // Социологические исследования. № 8.
  10. Alexeev M. Beyond the Polls: Google Queries and Public Protest Volatility in Russia [Electronic Resource]: <http://ponarseurasia.com/memo/beyond-polls-googlequeries-and-public-protest-volatility-russia> (29.05.2016).
  11. Duhigg C. (2012). The power of habit: Why we do what we do in life and business. Random House. Т. 34. № 10.
  12. Du R.Y., Kamakura W.A. (2012) Quantitative trendspotting // Journal of Marketing Research. Т. 49. № 4.
  13. Kilgarriff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D. (2004). The Sketch Engine // Proceedings of the XIth Euralex International Congress. Lorient: Universite de Bretagne-Sud.
  14. Ørmen J. (2014) Historicizing Google Search // Society of the Query Reader. Institute of Network Cultures.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ

Библиография проекта ФОМ «Люди XXI»

15. База данных проекта [The database of the FOM's project «Lyudi XXI»] http://bd.fom.ru/cat/soc_gr/people_xxi/ (29.05.2016).
16. Абрамов Р.Н., Зудина А.А. (2009). Люди XXI как рефлексивные консьюмеры: социологический анализ потребительского потенциала [Abramov R.N., Zudina A.A. People of the

- XXI century as s reflective consumers: sociological study of the consumer behavior] // Практический маркетинг. № 9.
17. *Абрамов Р.Н., Зудина А.А.* (2010). Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление [*Abramov R.N., Zudina A.A.* Social innovators: leisure practices and cultural consuming] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (100).
  18. *Абрамов Р.Н. и др.* (2008а). Отчет по гранту «“Люди-XXI” как локомотивная группа социальных трансформаций» [*Abramov R.N. et al.* Grant report «“People of the XXI century” as a locomotive group of social innovations»]. М.: Фонд «Общественное мнение». URL: http://www.inop.ru/files/2_2_2007_067.doc (29.05.2016).
  19. *Абрамов Р.Н. и др.* (2008б). Отчет по гранту «Инновационный слой „Люди-XXI“: структура и потенциал социального развития» [*Abramov R.N. et al.* The innovation group “People of the XXI century”: structure and potential of the social development]. М.: Фонд «Общественное мнение». URL: <http://refdb.ru/look/1147675.html> (29.05.2016).
  20. *Оберемко О.А.* (2008). Кого мы называем «Люди-XXI»? [*Oberemko O.A.* Who do we call “People of the XXI century”?] // Социальная реальность. № 3.

Другие источники данных

21. Включение вопросов в еженедельный опрос ФОМнибус [Including the questions for the every week survey of FOM]. URL: <http://corp.fom.ru/uslugi/kolichestvennye-issledovaniya-v-rossii-i-regionah/vkljuchenie-voprosov-v-ezhenedelnyj-opros-fomnibus-.html> (29.05.2016).
22. Многоязычный корпус Sketch Engine [Multilingual text corpus manager Sketch Engine]: <https://www.sketchengine.co.uk> (29.05.2016).
23. Яндекс. Статистика ключевых слов [Yandex. Keyword statistics]: <http://wordstat.yandex.ru> (29.05.2016).
24. Google Тренды. Анализ поисковых запросов [Google Trends. Analytical tool of google search queries]: <https://www.google.ru/trends> (29.05.2016).

“LANGUAGE OF INNOVATION” EVERYDAY VOCABULARY: REPRESENTATION OF THE MODERNIZATION POTENTIAL OF RUSSIAN CITIES*

N.A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
chestrek@gmail.com

This paper discusses the level of acceptance of innovations by the citizens in everyday practices of regional urban centers. Additionally, this paper analyses the speed of decay of attention to the innovations because of the distance between the regional city centers and innovation centers considered as

---

* The research was completed as a part of the chapter “The virtual city: the Internet and social networks” of the Report for the Russian regional cities “Fight for Citizens: Human Potential and the Urban Environment” // Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics, “Novaya Zemlya”. Ed. A.A. Vysokovskogo, Moscow Urban Forum, 2014. Available at: http://mosurbanforum.com/archive/forum2014/analytical_reviews/study_on_russian_cities_fight_for_citizens_human_potential_and_the_urban_environment.

the source of the latest news. The list of stimulus-words which are associated with innovations and inventions of the new products and services is drawn up. The Russian social and linguistics research on innovating social practices are reviewed and the results of this review are used as materials for the nationwide opinion poll on new everyday urban practices. Then the frequency of the search queries for the stimulus words from the list is analyzed for all Russian regional urban centers. As a result, the conditions, which support the continuous interest to the innovations and their acceptance, are identified. The paper points out that this conditions may contribute to the development of human potential in the Russian regional center.

Key words: stimulus-words, language of innovation, innovating social practices, Internet search queries, innovations dispersal, human potential development

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТОПОНОМИНАЦИЙ ПРОВИНЦИИ БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ (КАНАДА)

А.Ю. Ильина, М.Е. Куприянова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kafedra_fl_rudn@mail.ru

Предметом исследования статьи являются лингвокультурные особенности топонимической лексики одной из канадских провинций — Британской Колумбии. Цель работы — провести лексико-семантическую типологию топониминаций и выявить источники происхождения и мотивации топонимической лексики провинции с использованием методов классификации и структурно-семантического анализа. Отличительной чертой провинции являются подвергшиеся англлизации автохтонные названия, эвфемизация некоторых английских топонимических единиц. В результате исследования было выявлено, что английские названия преобладают в провинции с большой долей индейских названий в исконном варианте. По мотивации лидируют топонимы, содержащие имена выдающихся личностей. Данные выводы способствуют формированию представлений об англоканадской топонимии в целом и ее лингвокультурном своеобразии. Результаты работы могут быть использованы при подготовке практических и теоретических курсов по лексикологии английского языка, лингвострановедению, межкультурной коммуникации и переводоведению.

Ключевые слова: топонимическая лексика Канады, лексико-семантическая классификация, англлизация, автохтонные названия

ВВЕДЕНИЕ

Британская Колумбия — самая западная провинция Канады. По площади, как и по населению, это третья провинция страны, уступающая лишь Квебеку и Онтарио. Помимо материковой части в Британскую Колумбию входят многочисленные прибрежные острова, крупнейшие из них — остров Ванкувер и острова королевы Шарлотты. Столица провинции — г. Виктория — расположена на юге острова Ванкувер [Черкасов 2008: 81]. Столица получила свое название в 1852 г. в честь королевы Виктории. Название провинции Британская Колумбия восходит к одноименной реке Колумбия, данное в честь корабля *Columbia*, на котором капитан Роберт Грей начал свое путешествие в Бостон в 1792 г. В 1858 г. королева Виктория, наблюдая название «Колумбия» на многих картах региона, а также учитывая, что в Южной Америке была страна Колумбия (*Colombia*), предложила новое название *Британская Колумбия*.

Британская Колумбия очень быстро урбанизировалась. Основанный на берегах огромной бухты в 80-х гг. XIX в., Ванкувер вскоре превратился в крупный порт и стал тихоокеанскими воротами доминиона. Строительство магистрали, получившей название Канадской Тихоокеанской дороги (*Canadian Pacific*), развернулось в 1871 г. и заняло около 15 лет [Данилов 2006: 88]. По завершении строительства по железной дороге пошли товарные составы, а затем в поездах в прерии двинулись в поисках счастья переселенцы из Атлантических провинций, Онтарио, соседних американских штатов и Британских островов [там же: 101—104].

В провинции преобладало белое население, соседствовавшее с представителями многочисленных племен аборигенов, что отразилось на формировании топонимикона Британской Колумбии. Топонимический корпус провинции Британская Колумбия имеет несколько особенностей.

АВТОХТОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ТОПОНОМИНАЦИЙ

Даже поверхностный взгляд на карту провинции Британская Колумбия позволяет сделать вывод о том, что значительное большинство географических названий имеют индейские корни. По словам историка, специалиста по топонимии Британской Колумбии, профессора Helen В. Akrigg, изучение происхождения автохтонных названий представляет непростую задачу по нескольким причинам [Akrigg 1986: 6].

Во-первых, на территории Британской Колумбии существует не менее 28 языков коренного индейского населения, не считая диалектов. Самостоятельным языком может считаться местное наречие шинук (*Chinook jargon*), которое использовали в качестве *lingua franca* на северо-западном побережье Тихого океана. *Lingua franca* представлял собой колоритную смесь английских и французских слов с заимствованиями из языков племен шинук и нутка в индейском фонетическом исполнении.

Во-вторых, фонетическая и орфографическая форма топонимов индейского происхождения была так сильно искажена европейцами, что носители автохтонных языков с трудом распознают знакомые звуки в этих названиях.

Таким образом, большинство топонимических лексем автохтонного происхождения подверглись англизации из-за отсутствия в английском языке подобных звуков [там же: 7]. Перечисленные факторы служат причиной трудностей в определении точного источника происхождения индейских названий.

Как правило, автохтонные названия имеют описательный характер, что типично для всех провинций, и содержат в своем составе характеристику природы, сюжеты народных легенд или прославление природных богатств мест проживания [Ильина 2014: 169]. Особенность ландшафта провинции заключается в сильно изрезанной береговой линии в виде узких заливов (*inlet*), перешейков (*neck*), каналов (*canal*), бухт (*bay, harbour*), проливов (*sound, strait*) и островов (*islands, iles*): *Nootka Harbour, Smith Sound, Alert Bay, Juan de Fuca Strait*.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Как мы можем видеть на карте, многие коммеморативные географические имена, содержащие в своем составе имя или фамилию королевской особы или выдающейся личности, регистрируются без притяжательного апострофа.

Например, *Queens Bay* (бухта Королевы), *Adams Lake* (озеро Адама). Объяснением этому служит закон Географического комитета Канады 1897 г., впервые введенный в США, о написании канадских географических названий без апост-

рофа. В дальнейшем, в 1961 г., когда ответственность за написание географических названий перешла к провинциям, форма без апострофа была утверждена на картах, в юридических документах и повседневном использовании, так что возвращение к притяжательной форме с апострофом было едва ли возможно. Поэтому на карте провинции преобладают топонимы без апострофа, за малым исключением. Например, *Deadman's Creek Indian Reserve* (Индийский заповедник «Бухта мертвеца»), *Hudson's Hope* (залив Хадсона). По наблюдениям проф. Н.В. Akrigg, одно из самых древних значений "hope" — «узкий морской залив», «долина», «гавань» [там же: 135].

Еще одна форма вмешательства госструктур в географическую номенклатуру провинции затрагивает переименование так называемых «неполиткорректных» географических имен.

Например, использование слова "nigger" в топонимических единицах считалось «расистским», поэтому ороним *Nigger Mountain* (гора Негра) превратилась в *Jerry Mountain* (гора Джеппи), гидроним *Nigger Bar Creek* (бухта «Бар негра») → *Goodeve Creek* (бухта «Приятный вечерок»).

Также переименованию подверглось «невинное» на первый взгляд наименование горы *Sheba's Breasts* (грудь Шебы) → *Sheba Mountain* (гора Шебы), обозначающее две выдающиеся горные вершины.

За многими географическими именами закрепились неофициальные названия, используемые местным населением, хотя они и были переименованы: остров *China Hat* (Шляпа китайца) → *Cone Island* (Шишкин остров); гидроним *Disappointment Inlet* (Залив разочарования) → *Lemmens Inlet* (залив Лемменса); перевал *The Gap* (Ущелье) → *Marcus Passage* (перевал Маркуса).

Но все же некоторые забавные названия, одобренные Комитетом по географическим названиям Канады, остались на карте провинции Британская Колумбия: гидронимы *Looncry Lake* (озеро «Вопль дурака»); *Blue Joe Creek* (бухта «Голубой Джо»); *Hooch Lake* (Пьяное озеро); оронимы *Badshot Mountain* (гора «Промаш»); *China Nose Mountain* (гора «Нос китайца»); *Weary Ridge* (горный хребет «Утомленный»).

Итак, для провинции Британская Колумбия характерно:

- 1) смешение языков коренного населения с языками колонистов, результатом которого стала англизация топонимической лексики, что вызывает трудности в определении автохтонного источника происхождения названий;
- 2) отсутствие апострофа в топонимических конструкциях, содержащих притяжательность;
- 3) эвфемизация некоторых топонимических единиц, для которой характерна замена грубых или непристойных составляющих на более вежливые.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТОПОНИМОВ

Обратимся к более детальному исследованию топонимикона Британской Колумбии, заключающемуся в лексико-семантической типологии. Нами было отобрано 168 топонимических единиц.

Согласно классификации топонимического материала по двум признакам — мотивации и происхождению, топонимическую лексику Британской Колумбии можно разделить на несколько групп.

По происхождению:

- 1) автохтонные — 21%;
- 2) испанские — 6%;
- 3) французские — 4%;
- 4) английские — 69%.

По мотивации:

- 1) названия, содержащие имена выдающихся личностей — 31%;
- 2) названия, описывающие ландшафт, животный и растительный мир — 22%;
- 3) английские и шотландские названия-переносы — 16%;
- 4) названия, содержащие имена первых поселенцев — 13%;
- 5) названия, содержащие имена коронованных особ — 11%;
- 6) названия в честь морских судов или кораблей — 7%.

На Тихоокеанском побережье провинции Британская Колумбия проживала коренная народность — *сэллиш* (*salish*), поэтому большинство зарегистрированных географических имен имеют корни из языков многочисленных племен этой народности.

Автохтонные топонимы преобладают в своем исконном варианте, без перевода, некоторые подвергнуты англизации для удобства передачи и восприятия европейцами. Например: ойконим *Nanaimo* на языке народности *сэллиш* означает ‘великий и могучий народ’; гидронимы *Okanagan* — предположительно на языке одного из племен *сэллиш* ‘верх’ или ‘вершина’, в отношении возвышенности на реке, с которой видно гору; и *Squamish* на языке племени сэллиш означает ‘сильный ветер’. Гидроним и ойконим *Comox* означает «место изобилия»: о ягодной поляне в долине реки. Гидроним *Yoho* на языке индейцев племени *кри* означает возглас удивления. Ороним *Cassiar Mountains* — это ‘маленькая река’, на которой рыбачили местные племена. Название также происходит из языка племени *сэллиш*. Ойконим *Saanich* — ‘возвышенность’, используется индейцами *сэллиш* для описания близлежащей горы.

На западном побережье Канады зафиксированы названия **испанского** происхождения, как правило, в честь испанских мореплавателей и первооткрывателей, достигших этого отдаленного региона: *Texada Island* — остров получил название в честь испанского контр-адмирала Felix de Tejada; остров *Quadra Island* назван в честь морского офицера, который исследовал побережье Британской Колумбии в 1755 и 1799 г. Гидроним *Juan de Fuca Strait* увековечил память морского капитана Juan de Fuca, настоящее имя которого Ioannis Phokas, грека по национальности, совершавшего плавание в качестве наместника короля Мексики.

Топонимическая лексика **французского** происхождения малочисленна на территории Британской Колумбии и имеет описательный характер: гидроним *Babine Lake* — на французском языке *babine* означает ‘большая отвисшая губа’, использовался для описания внешнего вида местных женщин; гидроним *Lac la Hache* — на французском языке *hache* означает ‘топор’. Озеро получило свое название после

того, как с повозки упала в озеро связка топоров, а лошадь провалилась под лед и утонула. Ойконим, гидроним *Pouce Coupe* — ‘отрезанный палец’. Предположительно имя вождя местного племени было *Pooscapee*, а французские путешественники исказили имя для более удобного произношения, подвергнув его «францизации». Ороним *Clemenceau Mount* — гора получила свое название в честь Georges Clemenceau, премьер-министра Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг.

Топонимическая лексика **английского** происхождения доминирует в провинции, ее подробное рассмотрение мы продолжим по мотивационному признаку.

Преобладающая **группа названий, содержащих имена выдающихся личностей**, увековечивает память великих первооткрывателей-мореплавателей, которые исследовали западное побережье Канады: ойконим *Vancouver* — город получил свое название в 1886 г. в честь капитана Джоржа Ванкувера, английского мореплавателя и исследователя. Гидроним *Frazer River* — самая большая река Британской Колумбии названа в честь Simon Frazer, который исследовал ее; ороним *Begbie Mount* — гора названа в честь главного судьи Британской Колумбии, установившего в колонии британские закон и право после 1858 г.; гидроним *Dawson Creek* — увековечивает имя геолога, изучавшего названный пролив.

Группа названий, описывающих ландшафт, животный и растительный мир, характеризует особенности флоры и фауны провинции: гидронимы *Salmo*, *Salmon River* — названия рек говорят об изобилии лосося в этом районе: *salmon* ‘лосось’; ойконим *Hazelton* — в окрестностях населенного пункта растет орешник (от англ. *hazelnut* ‘фундук’). Гидроним *Hay River* — от англ. *hay* ‘сено’. Название напоминает о заливных лугах вдоль берегов реки. Ороним *Whitehorn Mountain* — от англ. *white horn* ‘белый рог’, описывает острую, покрытую снегом вершину.

Некоторые топонимические единицы описывают мягкий климат и благоприятные погодные условия региона: *Summerland* — район долины Оканаган с теплым климатом; от англ. *summer* ‘лето’, *land* ‘земля’. Ороним *Fairweather Mount* — капитан Джеймс Кук дал такое название горе во время солнечной, ясной погоды; от англ. *fair weather* ‘ясная погода’.

Названия-переносы зафиксированы в сочетании с топоформантом «new»: *New Westminster*, *New Denver*. Преобладают **английские названия-переносы**: астионимы *Enderby*, *Richmond*, *Surrey*, *Cranbrook* передают ностальгию переселенцев по родным краям Англии.

Шотландские названия-переносы: ойконим *Craigellachie* — населенный пункт назван именем известного утеса в Шотландии. Топоформант — *craig* валлийского происхождения, обозначающий ‘утёс’, ‘скала’.

Названия, содержащие имена первых поселенцев, запечатлевают деятельность старателей и торговцев пушнины, которые устремились на запад Канады со строительством железной дороги: астионимы *Kaslo*, *Fernie*, *Kinnaird* передают только имя или фамилию поселенца. Также на географической карте провинции зафиксированы названия, содержащие имена первых поселенцев с топообразующим компонентом — *ville* и нетипичным топоформантом — *land*: ойконимы *Parksville*, *Rossland*.

Названия, содержащие имена коронованных особ, малочисленны, но объекты, их носящие, значительны: столица провинции, горный массив, острова. Этот факт можно объяснить тем, что провинция Британская Колумбия заселялась в более поздний период, когда власть Британской короны уже была установлена на юго-востоке Канады в Атлантических провинциях. Поэтому имперские захватнические проявления поселенцев на западе Канады были неактуальны, где доминируют, как можно видеть из нашего исследования, названия, содержащие имена выдающихся деятелей и автохтонные названия. Тем не менее, имена королевы Виктории, герцога Кентского, младшего брата Георга VI, короля Георга V увековечены в следующих названиях: *Victoria, Prince George, Mount Prince George, King George Mount*.

Названия, данные в честь морских судов и кораблей, — отличительная черта провинции Британская Колумбия. Освоение западного побережья происходило в основном морским путем, на судах Королевского Флота.

Известно, что корабль представляет страну мореплавателей, является гордостью и частичкой родины для моряков во время дальних походов. Поэтому в честь кораблей Флота ее Величества, достигших Тихоокеанского побережья Канады и исследовавших его, получили названия острова, бухта, пролив: *Alert Bay, Columbia River, Hecate Strait, Princess Royal Island*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На территории провинции Британская Колумбия доминируют названия английского происхождения, с большой долей автохтонных топонимических единиц, представленных в своем исконном варианте. Незначительная часть американоиндейских названий подвергнута англизации и францизации. Среди английских названий преобладает группа топонимической лексики, содержащих имена выдающихся личностей, внесших вклад в открытие и исследование западного побережья. Западная Канада осваивалась в XVIII—XIX вв. переселенцами из восточных провинций и американцами, которые уже могли считать Канаду родным домом.

© Ильина А.Ю., Куприянова М.Е.

Дата поступления: 15.05.2016.

Дата принятия к печати: 07.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Данилов С.Ю. (2006). История Канады [Danilov S.Y. The History of Canada]. М.: Весь мир.
2. Ильина А.Ю. (2014). Топонимия англоязычной Канады [Ilyina A.Y. Toponymy of English-speaking Canada]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
3. Черкасов А.И. (2008). Шесть регионов Канады: очерки региональной географии // США и Канада — экономика, политика, культура [Cherkasov A.I. Six regions of Canada: articles on regional geography // USA and Canada — economics, politics, culture]. № 1. Москва.
4. Akgigg G.P.V., Akrigg H.B. (1986). British Columbia Place Names. Sono Nis Press: Victoria, B.C., Canada.

LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF BRITISH COLUMBIA TOPONYMY (CANADA)

A.Yu. Ilyina, M.E. Kupriyanova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
kafedra_fl_rudn@mail.ru

The subject of the article is linguistic and cultural features of place names of one of the Canadian provinces — British Columbia. The aim of the work is to do lexico-semantic comparison of toponymic lexis and to identify its origin and motivation using the methods of classification and structural analysis. The distinguishing feature of the province is anglization of indigenous names and euphemization of some English toponyms. As a result of the research it was found out that English place names prevail in the province with a big share of indigenous names in their original form. According to motivation characteristics toponyms with the names of prominent people dominate. This conclusion contributes to the formation of the idea of English Canadian toponymy in general and its linguistic and cultural peculiarities. The results of the work can be used in making up practical and theoretical courses on English lexicology, language and culture under study, cross-culture communication and translation science.

Key words: toponymy of Canada, lexico-semantic classification, anglization, indigenous place names

ТОПОНИМЫ, КАТОЙКОНИМЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА БРАЗИЛИИ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

М. Радович

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117187
radovic.mar@gmail.com

В статье анализируются бразильские топонимы, катойконимы, или оттопонимические прилагательные, получившие значение существительного, а также топонимические прозвища. Топонимы систематизированы по формально-этимологическому признаку, в то время как катойконимы классифицируются по морфологическому составу и частотности. Также рассматривается образование бразильских катойконимов посредством суффиксации. Установлено, что в бразильском национальном варианте португальского языка большинство оттопонимических номинаций образовано с помощью суффикса *-ense*. Кроме катойконимов анализируется лингвокультурологический аспект топонимических прозвищ в бразильском юмористическом дискурсе.

Ключевые слова: топоним, катойконим, Бразилия, национальные варианты португальского языка, продуктивность суффиксов

ВВЕДЕНИЕ

Топонимы как лексический пласт предоставляют ценную информацию, необходимую для всестороннего понимания географических, исторических и этноспецифических компонентов культуры народа, проживающего на определенной территории. Бразилия — уникальная страна не только с точки зрения ее демографической и природной неоднородности, но еще и с лингвистической точки зрения, особенно если рассматривать языковой синтез, отраженный в бразильской топонимии.

О.С. Чесноковой [Chesnokova 2011] была предложена следующая классификация латиноамериканских топонимов по формально-этимологическому признаку:

1. Автохтонные топонимы, происходящие из языков коренных народов.
2. Топонимы испанского происхождения.
3. Топонимы-гибриды, соединяющие испанские и индейские элементы [Chesnokova 2011: 14].

БРАЗИЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ

Наше исследование бразильской топонимии показало, что данная классификация может быть применена и к бразильским топонимам, если рассматривать в качестве языка-суперстрата вместо испанского португальский язык. Тогда общая классификация бразильских топонимов выглядит следующим образом.

1. **Автохтонные бразильские топонимы** исчисляются сотнями примеров и происходят главным образом из языков группы тупи-гуарани. Морфема «*ubá*»,

к примеру, нередко выступает в качестве топоформанта и переводится как «байдарка, каноэ» (*Ubá, Ubatuba, Uberaba*), в то время как индейская лексическая единица «*itá*» обозначает «камень» — *Itabirito, Itabuna, Itaguaí, Itaguara, Itatiaiuçu, Itaverava*. Интересно, что название штата Маранья (Maranhão) было первым названием реки Амазонки и в переводе с языка тупи означает «реку, похожую на море» (тупи: *mba'ra + na*).

2. **Топонимы португальского происхождения** также образуют значительное количество. Они характеризуются разнообразием мотивирующих средств. «Описательные» топонимы в основном отражены в языке посредством словосочетания — *Boa Vista, Belo Horizonte, Porto Alegre, Rio de Janeiro, Fortaleza, Angra dos Reis, Fortuna de Minas, Três Rios, Recife, Campo Grande, Lagoa Salgada*. В данной группе топонимов следует выделить разряд антропотопонимов, посвященных видным политическим и военным деятелям страны: *Álvaro de Carvalho, Américo de Campos, Colombo, Conselheiro Lafaiete, Cristiano Ottoni, Diogo de Vasconcelos, Domingos Martins, Duque de Caxias, Presidente Alves, Presidente Prudente, João Pessoa*. Среди топонимов религиозной тематики прежде всего выделяются города, получившие свои названия в честь святых: *Santa Maria, Santo André, São Paulo, São Sebastião, São José do Rio Preto, São Simão, São Pedro*. В примерах названий таких городов, как *Salvador, Natal, Belém, Madre de Deus de Minas, Lagoa Santa* и *Santa Cruz do Sul*, наблюдаем отражение значимости христианских ценностей в момент их образования.

3. **Топонимы-гибриды** в Бразилии представляют собой сочетание португальских формантов с индейскими: *Itambé do Mato Dentro, Lagoa de Itaenga*. Относительно часто встречаются неоднородные топоформанты в топонимах религиозной тематики: *São João do Manhuaçu, São Miguel do Guaporé, Pirapora do Bom Jesus*.

Примечательны устойчивые перифразы названий городов:

Таблица 1

Некоторые устойчивые перифразы названий бразильских городов

Топоним	Штат	Перифраз названия	Перевод и перифраз
<i>Rio de Janeiro</i>	Рио-де-Жанейро (RJ)	<i>Cidade Maravilhosa</i>	Чудесный город
<i>Belém do Pará</i>	Пара (PA)	<i>Cidade das Mangueiras</i>	Город деревьев манго
<i>Natal</i>	Риу-Гранди-ду-Норти (RN)	<i>Cidade do Sol, Londres Nordestina</i>	Солнечный город, Лондон Северо-востока (Бразилии)
<i>Fortaleza</i>	Сеара (CE)	<i>Miami Brasileira, Terra da Luz</i>	Бразильский Майами, Город света
<i>Belo-Horizonte</i>	Минас-Жерайс (MG)	<i>Cidade-Jardim</i>	Садовый город
<i>João Pessoa</i>	Параиба (PB)	<i>Porta do Sol, Extremo Oriental</i>	Первый город, в котором рассветает, Самый восточный город

КЛАССИФИКАЦИЯ БРАЗИЛЬСКИХ КАТОЙКОНИМОВ

В ходе нашего исследования также было проанализировано 277 бразильских катойконимов, соответствующих 234 топонимам — 26 штатам и 207 городам.

Бразильские катойконимы нами систематизируются на основе классификации оттопонимических названий, предложенной авторами «Словаря катойконимов Колумбии» [Diccionario de gentilicios de Colombia 2010], следующим образом.

1. **Официальные катойконимы** представляют собой единственный или наиболее используемый вариант оттопонимической номинации для определенного топонима и обязательно содержат топоним в качестве корня. В Бразилии абсолютное большинство топонимов обладает всего лишь одним соответствующим катойконимом: *Ceará — cearense, Brasília — brasiliense, Campinas — campineiro, Mariana — marianense, Porto Alegre — porto-alegrense, Recife — recifense, Santos — santista*.

2. **Вторые или альтернативные катойконимы** — другие официальные варианты оттопонимических номинаций, применяемые к соответствующим топонимам. Обычно они используются реже, чем официальные: *Acre — acreano/acriano, Mato Grosso do Sul — sul-mato-grossense/mato-grossense-do-sul, Sergipe — sergipano/sergipense, Manaus — manauara/manauense, Minas Gerais — mineiro/mon-tanhés/geralista/minense, Salvador — salvadorenses/soteropolitano, Xavantés — xavante/xavantense/xavantino, Aracaju — aracajuano/aracajuense*.

3. **Катойконимы, образованные нетрадиционным, иным путем** (супплетивные формы) — также официальные, но не включающие в себя топоним в качестве корня. Характеризируются большим разнообразием в мотивированности и не всегда являются единственным вариантом для наименования жителей определенного города или штата: *Santa Catarina — barriga-verde, Estado do Rio de Janeiro — fluminense, Rio de Janeiro — carioca, Paraná — tingui, Rio Grande do Norte — potiguar, Rio Grande do Sul — gaúcho, Amazonas — baré, Espírito Santo — capixaba, Natal — papa-jerimum*.

4. **Разговорные (популярные, народные) или ксенофобные катойконимы** — неофициальные оттопонимические номинации, в российской романистике известные как «топонимические прозвища», например, *Brasil — brazuca, Portugal — portuga*.

Суффикс *-ense* в образовании бразильских катойконимов занимает лидирующую позицию по продуктивности, так же, как и аналогичный испанский суффикс в соседних Аргентине и Уругвае [Радович 2016: 355] Интересен тот факт, что процент катойконимов с употреблением суффикса «*-ense*» в Бразилии значительно выше, чем в испаноязычных южноамериканских странах, и составляет 74% из всей выборки, т.е. 205 катойконимов. На втором месте оказывается суффикс «*-ano*» с 37 примерами: *goiano, baiano, sergipano, alagoano, pernambucano, paraibano, rondoniano, acreano, acriano, aguaiano, altairano, amapolitano, anastaciano, aracajuano, corintiano, cuiabano, curitibano, curvelano, dionisiano, entreerriano, eusebiano, florianopolitano, guaiubano, jeceabano, juiz-de-forano, juiz-forano, iguaçuano, ouro-pretano, petropolitano, piracicabano, ribeiro-pretano, soteropolitano, anastaciano, riopretano, paulistano, serrano, tricordiano*.

Третье место по продуктивности занимает суффикс «*-ino*» с 9 примерами: *amarantino, anapolino, belo-horizontino, bragantino, catarino, prudentino, são-vicentino, vicentino, xavantino*. Менее используемыми оказались «*-ista*» (5: *américo-*

campista, geralista, paranista, paulista, santista), «-eiro» (4: *brasileiro, mineiro, campineiro, piauizeiro*), «-ão» (1: *baião*), «-és» (1: *montanhés*) и «-ante» (1: *bandeirante*). Нулевой суффикс содержится в альтернативном катойкониме *maranhão* от одноименного штата (более используется форма — *macanhense*).

Некоторые суффиксы, обнаруженные в бразильских катойконимах, характерны только для этой португалоязычной страны и не встречаются в примерах оттопонимических номинаций в испаноговорящем мире. Они происходят из индейских языков тупи—гуарани, как например «-ока» (*carioca*, суффикс переводится как «дом») или суффикс «-ar/-uar/-ara/-uara», имеющий несколько вариантов. Интерпретируется в языке тупи как окончание для существительного, обычно обозначающего агента действия (жителя бразильского штата Риу-Гранди-ди-Норте могут назвать *potiguar, petiguar, pitaguar, pitiguar, pitiguara, potiguara*, в то время как индейскими катойконимами для жителей штата Пара и амазонского города Манаус будут *paroara, parauara* и *manauara*).

Среди морфологических особенностей катойконимов Бразилии также следует упомянуть изменение конечного звука «m» или носового «ão» в морфему «n» при образовании соответствующего катойконима:

Belém do Pará — belenense, Campo Bom — campobonense, Passabém — passabenense, Sirinhaém — sirinhaense, São João do Manhuaçu — sanjoanense, São Sebastião — sebastinense, São Simão — simonense, Viamão — viamonense.

Существуют некоторые исключения: *Belém do Pará — belemense* (в качестве второго катойконима), *Caém — caemense, Contagem — contagense* (вместо ожидаемой формы «contagenense»).

В нескольких примерах топонимов, в которых формантом выступают числительные, обнаружены латинские морфемы, не существующие в топониме:

Duas Barras — bibarrense, Três Corações — tricordiano, Três Rios — tririense.

В случаях топонимов с ударением на последнем слоге (*véculos oxítonos*) конечный гласный в большинстве случаев сохраняется в катойкониме и прибавляется суффикс «-ense»:

Piauí — piauiense, Pará — paraense, Amapá — amapaense, Abaeté — abaeteense, Aguai — aguaiense, Avaré — avareense, Bajé — bajeense, Caeté — caeteense, Carandaí — carandaiense, Feijó — feijoense, Ibirité — ibiriteense, Igarapé — igarapeense, Itaguaí — itaguaiense, Itambé do Mato Dentro — itambeense, Macapá — macapaense, Maceió — maceioense, Mauá — mauaense, Mossoró — mossaoroense, Santo André — andreense, Tauá — tauaense, Taubaté — taubateense, Ubá — ubaense.

Имеются также некоторые исключения: *Ceará — cearense, Macaé — macaense, Unai — unaense* (вместо ожидаемых форма «cearaense», «macaeense», «unaiense»), *Cuiabá — cuiabano* (с употреблением другого суффикса «-ano»).

Происходит удваивание буквы «r» когда вторым топоформантом является слово *Rios*: *Três Rios — tririense, Entre Rios de Minas — entreerriano* (как и в случае испанского катойконима *entreerriano* от аргентинской провинции *Entre Ríos*).

Примечательны катойконимы от топонимов, содержащих греческую морфему «-polis», поскольку возникает типично латинское изменение в корне («-politano»): *Anápolis* — *anapolino/anapolitano*, *Florianópolis* — *florianopolitano*, *Petrópolis* — *petropolitano*, *Salvador* — *salvadoreense, soteropolitano*. Только в топониме *Altinópolis* обнаружено присутствие катойконима с суффиксом «-ense» — *altinopolense*. Для города Сальвадор в штате Баия также существует номинация *Soterópolis*, отсюда же появление катойконима *soteropolitano*.

Когда в бразильском топониме фигурирует топоформант «*Preto*» («черный»), всегда встречаем одинаковый суффикс в образовании соответствующего катойконима: *Ouro Preto* — *ouro-pretano*, *Ribeiro Preto* — *ribeiro-pretano*, *São José do Rio Preto* — *riopretano* (без диффиса).

Как и в испаноязычном мире, так и в Бразилии существует несколько топонимов со словом «порт» (*Puerto Carreño* в Колумбии, *Puerto Cabello* и *Puerto La Cruz* в Венесуэле, также для городов-портов Буэнос-Айрес и Вальпараисо в Аргентине и Чили используется катойконим *porteño*), только в качестве суффикса в катойкониме выступает «-ense», который прибавляется ко второму топоформанту:

Porto Alegre — *porto-alegrense*, *Porto Seguro* — *porto-segurense*, *Porto Velho* — *porto-velhense*.

Похожая картина наблюдается и в случае городов, расположенных вблизи озер (*lagoa*), которым соответствует всегда одинаковый катойконим — *lagoense*:

Таблица 2

Бразильские топонимы с топоформантом *lagoa* и единым для них катойконимом *lagoense*

Топоним	Штат
Lagoa	Параиба (PB)
Lagoa d'Anta	Риу-Гранди-ду-Норте (RN)
Lagoa de Dentro	Параиба (PB)
Lagoa de Pedras	Риу-Гранди-ду-Норте (RN)
Lagoa de Velhos	Риу-Гранди-ду-Норте (RN)
Lagoa de Itaenga	Пернамбуко (PE)
Lagoa do Ouro	Пернамбуко (PE)
Lagoa dos Gatos	Пернамбуко (PE)
Lagoa dos Patos	Минас-Жерайс (MG)
Lagoa Dourada	Минас-Жерайс (MG)
Lagoa Formosa	Минас-Жерайс (MG)
Lagoa Salgada	Риу-Гранди-ду-Норте (RN)
Lagoa Santa	Минас-Жерайс (MG)

Нами также обнаружено, что для обозначения жителей городов *Anastácio* (Мату-Гросу-ду-Сул) и *Santo Anastácio* (Сан-Паулу) используется одинаковый катойконим — *anastaciano*. Такая же ситуация и в случае номинации *aparecidense*, употребляемой как для топонимов *Aparecida* и *Aparecida d'Oeste* в штате Сан-Паулу. Тем не менее, формы катойконимов для городов *São Vicente* (Сан-Паулу) и *São Vicente Ferrer* (Маранья) не полностью совпадают, хотя у них и есть одинаковый суффикс: *são vicentino* — *vicentino*.

Если сопоставить катойконимы от топонимов с формантами *Santo/Santa* и *São*, становится очевидным, что данный топоформант не обязательно фигурирует во всех соответствующих оттопонимических номинациях:

Santo Anastácio — *anastaciano*, *Santo André* — *andreense*, *Santo Antônio da Alegria* — *alegriense*, *São Gonçalo do Amarante* — *gonçalense*, *São João de Meriti* — *meritiense*, *São José dos Campos* — *joseense*, *São José do Rio Preto* — *riopretano*, *São Leopoldo* — *leopoldense*, *São Miguel do Guaporé* — *miguelense*, *Estado do São Paulo* — *paulista*, *São Paulo* — *paulistano*, *São Sebastião* — *sebastianense*, *São Sebastião da Lagoa de Roça* — *lagoense*, *São Simão* — *simonense*, *São Vicente Ferrer* — *vicentino*.

Приведем примеры, в которых форманты *Santo/Santa* и *São* сохранились:

Santa Cruz do Sul — *santa-cruzense*, *Santa Maria* — *santa-mariense*, *São Luís* — *são-luisense*, *São Pedro* — *são-pedrense*, *São Vicente* — *são-vicentino*.

В катойкониме для обозначения жителя *São João do Manhuaçu* происходит полное слияние морфем-формантов: *sanjoanense*.

Интересной нам показалась тенденция в Бразилии «португализировать» катойконимы от топонимов испаноязычных стран, поскольку в их образовании сохраняются испанские оригинальные суффиксы, и номинация приобретает португальское написание. Так например, жители центральноамериканских стран Эль Сальвадор и Пуэрто-Рико будут *salvadorenho* и *porto-riquenho*, а жители колумбийской и чилийской столиц — *bogotano* и *santiaguino*.

Учитывая, что Бразилия — страна, характеризующаяся как природным разнообразием, так и этнической и социальной гетерогенностью, логично, что среди компонентов, образовавших ее национальную культуру, нужно рассматривать лингвокультурологические особенности отдельных регионов.

Территориальные или топонимические прозвища представляют собой именованья жителей определенного места или региона, выполняют детерминирующую функцию и предоставляют информацию о характерных особенностях группы людей, проживающей на какой-либо территории. Мотивированность топонимических прозвищ многообразная, и они всегда отягощены различными коннотациями, что зачастую способствует возникновению стереотипов.

Бразильский лингвист Гине ди Мелу Карвальу подчеркивает разницу в векторе направленности между стереотипом и идентичностью: в то время как идентичность принимается группой людей, которая его создает, стереотип является представлением об определенной группе, навязанное другими [Chesnokova 2011: 47].

Как отмечает Г.С. Сударь, «обращает на себя тот факт, что топонимические прозвища, употребляясь в определенном контексте, имеют отличную от топонима коннотацию. При переводе на русский язык также возникает проблема правильного подбора эквивалента» [Сударь 2008: 123].

Топонимические прозвища, используемые в бразильском юмористическом дискурсе, по своей форме часто совпадают с катойконимами, отличаясь от них лишь наличием эмоциональной окраски (*baiano*, *carioca*, *paulista*), или представлены в виде сокращенного варианта (*português* — *portuga*, *japonês* — *japa*, *brasileiro* — *brazuca*). Как правило, ими подчеркиваются отрицательные характери-

стики представителей национальностей или жителей городов и регионов, которых они обозначают.

К примеру, в Бразилии португальцы воспринимаются как народ невысокого интеллектуального потенциала, и нередко этот стереотип отражается в народных шутках через топонимическое прозвище «portuga». Таким образом, данное качество очень преувеличено и имеет яркий юмористический оттенок.

Такое же предвзятое мнение существует и в случае жителей Рио-де-Жанейро. Катоиконим *carioca* принадлежит группе официальных оттопонимических номинаций, не включающих в себя сам топоним в качестве топоформанта, так как наиболее вероятно, что происходит от лексических единиц из индейского языка тупи: **kara'íwa** или **kari'** ('белый человек') и **oka** ('дом').

Существует еще одна теория, согласно которой на территории сегодняшнего района Глория в Рио-де-Жанейро существовала деревушка под названием *Kariók* или *Karióg*, которая упоминалась в XVI в. в записках французского писателя Жана де Лери. Предполагается, что по этой версии данный топоним означает «дом индейца карижо». Следовательно, становится очевидным, что катоиконим *carioca* исконно не использовался для обозначения жителя территории нынешнего города Рио-де-Жанейро, а для номинации населенного пункта — то есть в качестве топонима.

Dois cariocas vão caçar na Floresta da Tijuca. Um deles, olha para o céu e vê um homem voando de asa delta. O outro saca a arma e dispara. O amigo diz:

— *Que pássaro era aquele?*

— *Não sei, cara... Mas o sacana já largou o homem que estava levando!*¹

[Франко, Ермолаева 2013: 74].

Футбол для бразильцев — не просто национальный вид спорта, а еще немало важная составляющая бразильской идентичности. Как и во многих других странах, существует ярко выраженное соперничество между болельщиками разных футбольных команд, и нередко формы номинаций для обозначения болельщиков образуются с помощью таких же суффиксов, как и в катоиконимах. Итак, в Рио-де-Жанейро фаната команды Васко-да-Гама называют *vascaíno*, Фламенго — *flamenguista*, Флуминенсе — *fluminense* (само название команды является катоиконимом для штата Рио-де-Жанейро), в то время как для болельщика Ботафогу используется номинация *botafoguense*. В штате Минас-Жерайс болельщиков крупных команд Атлетико-Минейро и Крузейро называют *atleticano* и *cruzeirista*, а в Риу-Гранди-ду-Сул любитель Гремиу именуется *gremista*, а Интернасьонал — *colorado*. В Сан-Паулу среди наиболее значимых клубов выделяются Сантос (*santista* — совпадает с катоиконимом от города Сантос), Коринтианс (*corinthiano*), Пальмейрас (*palmeirense*) и Сан-Паулу (*são paulino*).

¹ Два жителя города Рио-де-Жанейро идут охотиться в лес Тижука. Один из них смотрит в небо и видит мужчину, летающего на дельтаплане. Другой достает оружие и стреляет. Его друг говорит:

— Что за птица это была?

— Не знаю, парень... Но эта скотина уже бросила мужчину, которого несла! (здесь и далее см. перевод [Франко, Ермолаева 2013: 74]).

Интересно сравнить суффиксы, появляющиеся в катойконимах от топонимов штата Сан-Паулу (*paulista* **-ista**), самого города Сан-Паулу (*paulistano* — **-istano**, скорее всего произошедшее вторичным образованием, так как наблюдаем накладывание двух суффиксов — **-ista** и **-ano**), для обозначения жителя Монсеньор Паулу (*paulense* — **-ense**) и в номинации болельщика команды под таким же названием (*são paulino* — **-ino**). Наиболее известный испаноязычный аналог — *madrileño* (‘мадридец’) и *madridista* (‘болельщик команды Реал Мадрид’). Топоформант *São* (в переводе ‘святой’) в антропотопониме *São Paulo* не сохраняется в катойконимах.

В названиях фанатов той или иной футбольной команды тоже содержится эмоциональная окраска в связи со стереотипами их социальной принадлежности:

Um são paulino chega em sua BMW a um açougue e pergunta:

— *O senhor tem picanha, meu?*

— *Sim.*

Então pede 20 quilos e paga em dólares.

Depois chega um santista em sua ferrari e pergunta:

— *O senhor tem filé mignon?*

— *Sim.*

E pede 30 quilos, pagos em euros.

Por último, chega um corinthiano numa Brasília caindo aos pedaços, e pergunta:

— *O senhor tem braço?*

— *Sim.*

— *Então levanta que isso é um assalto, mano!!!*¹ [Франко, Ермолаева 2013: 93—94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, система бразильских топонимов, катойконимов и топонимических прозвищ Бразилии сложна и разнообразна. Ее многообразие еще недостаточно изучено и требует междисциплинарного подхода. Будем надеяться, что совместными

¹ Болельщик футбольной команды Сан-Паулу приезжает на своем БМВ в мясную лавку и спрашивает:

— *У Вас есть филе-стейк, сынок?*

— *Да.*

Тогда просит 20 кг и платит в долларах.

Потом приезжает болельщик команды Сантос на своем Феррари и спрашивает:

— *У Вас есть бифштекс?*

— *Да.*

Просит 30 кг, оплачивая в евро.

Последний приезжает болельщик команды Коринтианс на своей Бразилия (Volkswagen Brasília, популярная машина в 70—80-х гг.), разваливающейся на куски, и спрашивает:

— *У Вас есть рука?*

— *Да.*

— *Тогда поднимите, потому что это ограбление, брат!*

усилиями романистов будет разработана подробная систематизация данного лексического пласта с целью получения новых выводов с точки зрения как его морфологии, так и семантики, семиотики в целом и лингвопрагматики.

© Радович М.

Дата поступления: 25.05.2016

Дата приема к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Радович М. (2016). Los gentilicios en las variantes nacionales sudamericanas de la lengua española // Ибероамериканский мир: традиции и современные тенденции: приложение к журналу «Ибероамериканские тетради». Вып. 1: Материалы VII Международной научной конференции испанистов «Номо loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание» (на исп. яз.). М.: ИМИ МГИМО МИД России. С. 353—359.
2. Сударь Г.С. (2008). Топонимическое прозвище [*Sudar G.S. Toponymic nickname*] // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: Материалы IV Международной конференции, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс. С. 122—123.
3. Франко П., Ермолаева В. (2013). Португальский шутя. 250 бразильских анекдотов [*Franco P., Yermolayeva V. Portuguese joking. 250 Brazilian anecdotes*]. М.: Восточная книга.
4. Guiné de Mello Carvalho L. (2011). Estereotipo e identidade em piadas sobre o mineiro: uma perspectiva da análise do discurso. *Universidade Vale do Rio Verde de Três Corações*.
5. Chesnokova O. (2011). Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico. Forma y Función vol. 24, núm. 2 (julio-diciembre) del 2011. Bogotá, Colombia. P. 11—24.
6. *Diccionario de gentilicios de Colombia* (2008). Bogotá, Imprenta Nacional de Colombia.
7. www.portaldalinguaportuguesa.org/gentilicos.

TOPONYMS, DEMONYMS AND TOPONYMIC NICKNAMES IN BRAZIL: MORPHOLOGICAL AND CULTURAL ASPECTS

Marija Radović

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
radovic.mar@gmail.com

The present article analyses the complex system of toponyms, demonyms and toponymic nicknames in Brazilian Portuguese. The author presents the etymological description of toponyms and classifies demonyms according to their usage and morphological structure. Moreover, special attention is paid to the formation of demonyms via suffixation. The results have shown that the suffix *-ense* can be considered the most productive one in Brazil. The article also analyzes toponymic nicknames in Brazilian humour discourse from the linguistic and cultural points of view.

Key words: toponyms, demonyms, Portuguese, Brazilian Portuguese, toponymic nicknames, suffix productivity

---

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В НОРМЕ И УЗУСЕ

УДК 811.133.1'373

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ БЛОКЕ ЛОЗУНГОВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ*

С.Г. Шулежкова

Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова
пр. Ленина, 38, Магнитогорск, Россия, 455000
shulezkova@gmail.com

А.С. Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23/б, Москва, Россия, 115184
aleste_63@mail.ru
mailto:dflbf@pstgu.ru

В центре внимания авторов статьи — крылатые выражения (КВ) французского происхождения, которые вошли в интернациональный блок лозунгов современной Европы и России. КВ составляют 90% объектов крылатологии — дисциплины, сформировавшейся в 1990—2000-е гг. на базе лексико-графического описания слов и оборотов, отмеченных «печатью авторства», и развития фразеологии как науки о сверхсловных языковых единицах. Одна из важнейших проблем крылатологии — языковой статус КВ, выполняющих в речевом потоке предикативную функцию. Решению этой проблемы способствует анализ функционального потенциала КВ и их трансформационных модификаций в коммуникативном пространстве современной Европы и России. Благоприятным материалом для такого исследования оказались КВ-галлицизмы лозунгового характера, широко использующиеся в публицистике Старого света и в русском политическом дискурсе. Перешагнув границы Франции в транслитерированной или калькированной форме, эти КВ сохраняют черты французской культуры, «напоминают» о событиях, вызвавших их к жизни. Однако, варьируя своей структурой, играя разными гранями своей семантики, они свидетельствуют не только о своем национальном языковом статусе как КВ, но и о принадлежности к интернациональным КВ-лозунгам.

Ключевые слова: крылатое выражение, крылатология, лозунг, трансформация, интернациональный

---

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

ВВЕДЕНИЕ

Крылатология, одна из самых молодых лингвистических дисциплин, в настоящее время находится в состоянии, которое отражает почти полуторавековой путь ее «вызревания» в рамках лексикографии. Несмотря на появление в конце XX — начале XXI в. монографических исследований (см. [Шулежкова 1995; Дядечко 2002, Chlebda 2005]), предопределивших ее статус как самостоятельной науки о языковых единицах, чьи значения отягощены памятью о породивших их источниках, описание крылатых слов (КС) и КВ в большинстве случаев остается в плену их «долингвистической» квалификации. КВ рассматриваются либо как цитаты, либо как реминисценции, либо как художественные произведения малой формы, либо как обычные безымянные фразеологизмы. Отсюда, с одной стороны, можно наблюдать стремление включать в разряд КВ любые формы отсылки к тексту-источнику. С другой стороны, даже в словарях с более строгим отбором КВ, действительно вошедших в языковую систему, составители ограничиваются комментариями, которые сводятся к указаниям о происхождении описываемых единиц и лаконичным замечаниям, касающимся значений КВ или обстоятельств их употребления.

В данной работе мы исходим из понимания КВ как языковых единиц, которые характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источником; 2) раздельнооформленностью; 3) воспроизводимостью; 4) устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 5) стабильностью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе [Шулежкова 2002: 28—29].

Интернациональный фонд крылатых единиц (КЕ) современных языков Европы, а также государственного языка России, содержит немало КВ лозунгового характера. До недавнего времени этот пласт КВ не подвергался детальному лингвистическому анализу, что связано с историей становления крылатологии как особого раздела языкознания. Не случайно даже для самой дисциплины, изучающей языковые единицы, чья семантика отягощена «генетической памятью» о породившем их источнике, существует несколько наименований: *крылатология* (С.Г. Шулежкова), *эптология* (Л.П. Дядечко), *крылатика* (В.М. Мокиенко), *крылатистика* (А.В. Королькова), и др. То же касается и объектов крылатологии. Они обозначаются самыми разными терминами: *крылатое слово* (Г. Бюхман, Н.С. и М.Г. Ашукины, В.П. Берков и др.), *эпоним* (Л.П. Дядечко), *крылема* (В.М. Мокиенко), *интертекстема* (В.П. Сидоренко, В. Красных и др.).

Во Франции, как и в Англии, в отличие, например, от Польши и Германии, КВ как особые языковые единицы не изучаются, хотя они включаются во фразеологические справочники и словари. См., например, “*Dictionnaire des proverbes, sentences et maxims*” [Maloux 1960]; “*Citations de culture générale expliquées*” [Guédon, Sorez 2008]; “*Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises*” [Ashraf, Miannay 2010] и др. Лишь два справочника J.C. Bologne содержат единицы, близкие к КВ: “*Dictionnaire commenté des expressions d’origine littéraire. Les allusions littéraires*” [Bologne 1991] и “*Dictionnaire commenté des expressions d’origine biblique*”

[Bologne 1999]. Первый содержит *аллюзии* (термин Ж.К. Болонья) литературного происхождения, второй — библейские *аллюзии*.

Называя объекты крылатологии *крылатыми единицами* и деля их на однословные (*крылатые слова*, доля которых в общем фонде КЕ национальных языков равна примерно 10%) и сверхсловные (*крылатые выражения*), мы обращаем особое внимание на КВ, которые в коммуникативном пространстве ведут себя как самостоятельные предложения. Именно такие КВ долгое время не признавались составителями словарей языковыми единицами, что препятствовало их изучению и в рамках фразеологии, ставшей вкуче с лексикографией базой для возникновения крылатологии. Вот почему лишь в последнее время КВ лозунгового характера наряду с «безымянными» лозунгами стали объектом специального исследования (см. колл. монографии: [Шулежкова (гл. ред.) 2015; Вальтер (отв. ред.) 2016]).

Пути складывания интернационального фонда лозунговых КВ в языках Европы и России сложны, неоднозначны и проявляются в различных формах взаимодействия внутриязыковых тенденций и иноязычного влияния, которое основано на взаимовлиянии национальных культур. Ядром общеевропейского фонда КВ лозунгового характера стали античные обороты, но это ядро постепенно «обратало» КВ из языков народов, сыгравших существенную роль в истории Европы после распада Римской империи. Единицы французского происхождения занимают в интернациональном блоке КВ, способных выполнять лозунговые функции, не последнее место: они широко используются во всех ведущих языках Европы. В России КВ-галлицизмы обычно выступают в русском переводе: *Гвардия умирает, но не сдается; Каждый французский солдат носит в своем ранце жезл маршала; Народ, который не желает кормить свою армию, будет кормить чужую; Один за всех и все за одного; Мир хижинам, война дворцам!* и пр.

Частая употребительность КВ в самых прогрессивных и гибких информационных источниках, мгновенно улавливающих и отражающих все движения политической, социальной, культурной жизни, заставляет по-новому взглянуть на феномен «крылатое выражение» [Макарова 2016]. Анализ отечественной и зарубежной публицистики выявил тенденцию употребления КВ-лозунгов в сильной позиции текста, в том числе в заголовочной функции. При этом журналисты прибегают к различным видам комплексных приемов трансформации инварианта привлекательной языковой единицы. В качестве доказательства приведем примеры употребления трех лозунговых КВ-галлицизмов в европейских и отечественных СМИ — *Le roi est mort! Vive le roi!* (*Король умер! Да здравствует король!*); *Lliberté, égalité, fraternité!* (*Свобода, равенство, братство!*); *Je suis Charlie* (*Я — Шарли!*).

На базе средневековой формулы *Le roi est mort! Vive le roi!*, провозглашавшей в Средние века вступление на престол нового короля в связи со смертью предыдущего, журналисты создают множество трансформов. Они варьируют синтаксическую структуру КВ, заменяют привычные компоненты лексемами, далекими по семантике от их исходного значения; образуют неологизмы путем присоединения к исконным компонентам новых морфем или лексем; используют приемы компрессии, импликации, экспликации и т.д. Подобные трансформации нередко

приводит к изменению семантики инварианта. Чаще всего можно наблюдать комплексные приемы видоизменения хорошо известного КВ. Так, в 2011 г. в издании “Му Еурор” появилось сообщение под заголовком “*L’euro est mort: vive le neuro! Le neuro: un euro nordique et stable*” (‘Евро умер: да здравствует невро! Невро: нордический и стабильный евро’) [<http://www.myeurop.info>, 23.11.2011].

Здесь применен прием субституции (замена компонентов, называющих правителя, на наименование денежной единицы — в первом случае реальной, во втором — вымышленной); в структуру КВ введен неологизм (к слову *l’euro* добавляется начальная буква от прилагательного *nordique* (‘нордический’), и образуется новое слово *le neuro* с отрицательной коннотацией). Определение *нордический* ассоциируется с немецким нацизмом (ср. *нордический характер*). От исконного значения КВ осталась лишь сема замены чего-то прежнего чем-то новым, а вместо приветствия трансформ передает резко негативное отношение к случившемуся.

Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович называют прием образования новых слов, подобных *le neuro*, «телескопажем» (*le télescope*) [Лопатникова, Мовшович 2001], ссылаясь на французского лингвиста Л. Гильберта, который пишет, что благодаря телескопажу (‘взаимопроникновению’) соединяются два слова, выражающие смежные понятия [Guilbert 1975]. Неологизм *les eurofachos* (‘фашистские евро’), возникший на основе сложения далеких по значению слов, внедряется в трансформированное, но все же узнаваемое КВ, употребленное в другом французском издании: *L’euro est mort mais pas les eurofachos* (‘Евро умер, но не фашистские евро’). *Le système euro imposé à l’Europe il y a 20 ans pourrait exploser jeudi... à moins que l’Eurogroupe ne bascule définitivement dans l’eurofascisme* [<http://www.solidariteetprogres.org>, 19.07.2011]. Здесь автор прямо заявляет о своем негативном отношении к европейской валюте: Европа может скатиться в еврофашизм. В заголовке *L’euro est mort, vive l’eurofranc!* [Lemonde.fr, 29.09.2011], используя субституцию (меняя *le roi* на *l’euro*) и экспликацию путем прибавления существительного *franc* (‘франк’) к стержневому компоненту *l’euro*, журналист образует сложное слово *еврофранк*. В статье речь идет о том, что денежная единица *евро* имеет отличительные национальные черты в каждой стране, входящей в Евросоюз. КВ, сохраняя сему приветствия, приобретает новый смысловой оттенок: ‘Да здравствует еврофранк и ему подобные!’ Трансформированный лозунг приветствует одно из проявлений принципа Евросоюза «Единство в многообразии».

В публицистике России КВ *Le roi est mort! Vive le roi!* функционирует обычно на русском языке: *...он (Дмитриев) не только поносит экс-лидера (...), но и окольными путями лоббирует свое выдвижение на должность руководителя гражданской компании «Говори правду», пользуясь отсутствием последнего, который, якобы, отбыл в Польшу. А свято место пусто не бывает, тем более, если место такое теплое и сытное, а значит «Король умер, да здравствует король!»* [<http://www.predateli.com/index.php?>].

Разнообразным трансформациям подвергается только переводная форма КВ-галлицизма. Ср., например: *Кризис умер? Да здравствует кризис* [<http://www.gornovosti.ru>, 10.08.11]; *«Дорогой» рубль умер — да здравствует*

«дешевый» рубль [http://www.bankdirect.pro, 29.01.2014]. Высокая частотность употребления этого интернационального КВ в русской публицистике стала причиной для возникновения на его основе фразеологической серийности: модель «X умер (исчез, ушел). Да здравствует X!», сохраняя сему смены одного явления/предмета/правителя другим, допускает в качестве переменного компонента X лексему с любым значением: **Закон умер... Да здравствует закон?** (о законодательном признании частной собственности) [Известия, 14.06.2000]; **Шляпа умерла, да здравствует шляпа** [Т. Толстая о моде в эссе «Лилит», 1998]; **Алиев ушел, да здравствует Алиев!** (О новом хозяине Азербайджана, сыне бывшего Президента) [Время, 16.10.2003]; **«Першинг» умер. Да здравствует «Искандер»?** *Может ли Америка противостоять российской ядерной угрозе* (О перевооружении Российской армии) [Московский комсомолец, 21.08.2016] и пр. При этом все члены этой фразеологической серии сохраняют память о своем источнике и обладают какой-либо ярко выраженной коннотацией (одобрительной, осуждающей, иронической и пр.), которая зависит от интенции говорящего/пишущего и подсказывается контекстом или дискурсивной ситуацией.

В современном публицистическом дискурсе Европы и России активно используется главный лозунг Великой французской революции 1789 г. *Liberté, égalité, fraternité!* (Свобода, равенство, братство!). Наряду с инвариантом этого лозунга нередко встречаются и его трансформы»: **Macho Politico sur Canal+: liberté, fraternité, sexism** [Lefigaro. fr, 20.01.2016]; **Comment «liberté, égalité, fraternité» est devenu «libertarisme, égalitarisme, communautarisme»** [Lefigaro.fr, 20.11.2015].

В первом примере появление субститута *sexism* в ударной концевой позиции цепочки однородных членов лозунга, уже «потерявшего» компонент *égalité*, лишает КВ революционного пафоса, дискредитирует заложенные в нем идеологемы. В трансформе из второго примера компонент *fraternité* заменен лексемой, означающей 'общность', и каждый из 3-х компонентов нового состава КВ снабжен суффиксом *-isme*. Поскольку этот суффикс служит для образования не только абстрактных понятий, но и для номинации разных доктрин/учений [Лопатникова, Мовшович 2001: 96], значение трансформированного КВ изменяется: основополагающие принципы революции *свобода, равенство, братство* не прославляются: они представлены лишь как явления, изучаемые соответствующими доктринами.

Своеобразно использовала лозунг французской революции англоязычная газета «Метро», реагируя на страшный теракт, произошедший в Ницце 14 июля 2016 г., в день национального праздника Французской Республики: **Nice attack: World mourns Bastille Day terror victims with Liberte Egalite Fraternite** [Metro.co.uk, 15.07.2016]. Лозунг в заголовке лишен статуса предложения, а его компоненты выполняют роль однородных дополнений, на что указывает управляющий ими глагол вместе с предлог *with*. Заголовок констатирует: после теракта в Ницце мир оплакивает жертв вместе со свободой, равенством, братством, символом торжества которых стало когда-то взятие Бастилии.

Интересный пример с имплицитной формой данного КВ обнаружен нами в российской прессе: **Французская революция: свобода, искупленная кровью**

[РИА Новости, <http://www.ria.ru/radio>, 14.07.2014]. Публикация посвящена урокам Великой французской революции 1789 г. С одной стороны, автор прибегает к импликации КВ, а с другой, — к экспликации и грамматическим изменениям.

Сохранив из трех базовых компонентов инварианта лишь первый, журналист снабжает его обособленным определением *искупленная кровью*. Структурно преобразованное КВ, сохранившее из инвариантного состава лишь компонент-сигнализатор, актуализирует свою «генетическую память» благодаря контекстуальному соседству с оборотом *французская революция*. Трансформируя известный лозунг и возвращая читателя к породившим этот лозунг событиям, автору удается броско, неординарно выразить свою мысль: Франция заплатила кровью за принципы, которые провозгласила революция.

В условиях усиления террористической угрозы политиками, философами, государственными деятелями Европы и России лозунг Французской буржуазной революции переосмысливается; его принципы подвергаются детальному обсуждению. Современные авторы публицистических статей ищут границы допустимости свободы и равенства, сталкивают проблему братства с проблемой сохранения национальной идентичности и приходят к выводу о двусмысленности заложенных в ярком революционном лозунге принципов или о невозможности их реализации. Характерным образцом такого рода размышлений можно считать очерк К. Фюрста, опубликованный в интернет-издании “Freitag. Politik” 12.10.2015 г., начинающийся словами: ***Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit. Wir möchten das Gedankengut der europäischen Aufklärung in die Welt tragen. Doch die meisten dieser Ideen haben wir uns selbst noch nicht zu eigen gemacht*** [Fürst URL: <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst>]. В более резком тоне об интересующем нас лозунге рассуждает российский политолог Б.С. Петров:

Возможны ли Свобода, Равенство, Братство? Этот привлекательный, яркий и звонкий лозунг (...) был подхвачен не только интеллектуалами, но и народными массами потому, что имел вполне конкретное содержание — против феодальной власти и идеологии феодализма, против церковного мракобесия, за развитие просвещения и научно-технического прогресса (...). И каков же общий итог? К сожалению, он не радует. Не дав сколько-нибудь заметного улучшения общего состояния человечества, эти идеи вызвали море крови, слез и страданий, не прекращающихся и до сих пор <...> Лозунг стал не нужен власть имущим, получившим свое, а поэтому постепенно стал лишен какого-либо конкретного содержания, замазлен, затаскан либо вообще выброшен в отвал истории (...). А как может быть иначе, если в современном мире миллиарды людей разделены множеством барьеров — политических, этнических, религиозных, идеологических, юридических, социальных, экономических и др. Какая уж тут свобода, какое равенство? А уж о братстве лучше вообще помолчать! [Петров 2009 URL: <http://shkolazhizni.ru/world/articles/32217>].

Процесс вхождения новых французских КВ в русский язык и в языки Европы нельзя назвать активным. Но иногда событие, послужившее поводом для возникновения какого-либо национального оборота, вызывает огромный резонанс, и сообщения о нем вместе с КВ-неологизмом при современных системах связи сразу же становятся достоянием самого широкого круга коммуникантов, живущих

в разных странах и говорящих на разных языках. Таким событием во Франции стало убийство 12-ти сотрудников редакции сатирического журнала “*Charlie Hebdo*”, совершенное террористами. Ответной реакцией на теракт стал сочиненный художественным директором журнала Йоахимом Ронсаном слоган *Je suis Charlie* (*Я — Шарли*), который появился после кровавой расправы над журналистами на семи языках (в том числе на русском) в Twitter(e). Необычайно быстро он стал одним из самых популярных лозунгов защитников свободы слова во всем мире. В русском языке этот лозунг вполне прижился: он используется в калькированной форме (*Я — Шарли*). При этом компонент *Шарли* может подвергаться субституции, а вместо утверждения оборот способен выражать и отрицание (*Я — Шарли; Я — Беслан; Я — Луганск, но Я не Шарли!*). Судьба этого слогана-лозунга отнюдь не однозначна и требует особого исследования, которое еще предстоит выполнить.

Анализ функционирования галлицизмов лозунгового типа в публицистике современной Европы и России свидетельствует о том, что часть КВ французского происхождения приобрела интернациональный статус. В большинстве случаев журналисты трансформируют КВ-инвариант, руководствуясь лингвопрагматическими установками и учитывая то, что «трансформация является эффективным средством реализации публицистической экспрессии» [Макарова 2016: 196]. Но нельзя не заметить очевидного: британские СМИ сохраняют аутентичную форму КВ, что, возможно, сильнее привлекает внимание англоязычного читателя; российские публицисты предпочитают использовать кальки, а французские журналисты чаще прибегают к комплексным приемам преобразования КВ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь КВ — это его функционирование в коммуникативном пространстве, где судьба любой языковой единицы зависит от многих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Рассмотренные КВ-лозунги появились во французском языке в разные исторические эпохи. Фраза *Le roi est mort! Vive le roi!* впервые прозвучала в 1422 г. во время коронации короля Генриха VII, последовавшей после кончины его отца, Генриха VI. *Liberté, égalité, fraternité!* — лозунг Французской буржуазной революции 1789 г. КВ *Je suis Charlie* возникло в январе 2015 г. Все КВ, неся отпечаток исторической эпохи, которая их породила, сегодня востребованы мировым сообществом. И если жизнь первых двух КВ можно считать довольно продолжительной, то какой будет судьба оборота *Je suis Charlie*, покажет время.

КВ — это особые сверхсловные языковые единицы, отмеченные печатью авторства, способные лаконично и точно выражать привлекательные для народных масс идеи, образно, эстетически безупречно оценивать события, вдохновлять людей на благородные поступки во имя великих целей.

Тенденции развития лингвистики и прагматические запросы общества свидетельствуют о своевременности появления науки о КЕ, которая позволяет увидеть в них не только специфические национальные свойства, но и то общее в мен-

тальности народов, живущих в разных странах и говорящих на разных языках, что их объединяет. Об этом свидетельствует, в частности, интернациональный фонд, органичной частью которого являются КВ-лозунги французского происхождения, судьба которых проанализирована в данной работе.

Исследования последних лет в области крылатологии и фразеологии, данные авторитетных фразеологических и этимологических словарей, говорят о том, что КВ по своим номинативным и изобразительным возможностям, а также по своей трансформационной активности не уступают безымянным фразеологизмам. Изучение с лингвокультурологических и лингвокогнитивных позиций различных разрядов КВ, в том числе КВ лозунгового типа, поможет постичь глубинные возможности систем языков-доноров, чьи единицы перешагнули национальные границы, и языков-рецепторов, обогащающихся за счет творчески освоенных заимствований.

© Шулежкова С.Г., Макарова А.С.

Дата поступления: 25.04.2016

Дата принятия в печать: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вальтер Х. (отв. ред.) (2016). Германия—Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса Germany—Russia: [*H. Walter Verbal and visual means of modern publicism*]: колл. монография. Greifswald: Ernst-Moritz-Armdt- Universität.
2. Дядечко Л.П. (2002). Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. [*Djadechko L.P. The winged units as subject of the linguistic description: history and contemporaneity*]. Киев: Киевский национальный ун-т.
3. Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А. (2001). Лексикология современного французского языка [*Lopatnikova N.N., Movshovich N.A. Lexicology of modern French language*]. М.: Высшая школа.
4. Макарова А.С. (2016). Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике [*Makarova A.S. Peculiarities of the catch-word units functioning in modern French and Russian publicism*]: дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН.
5. Петров Б.С. (2009). Возможны ли Свобода, Равенство, Братство? [*Petrov E.S. Is liberty, equality and fraternity possible?*]: <http://shkolazhizni.ru/world/articles/32217> (22.08.2016).
6. Шулежкова С.Г. (1995; 2002). Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. [*Shulezhkova S.G. The Russian catch-word units, their sources and development*]. Челябинск: «Факел»; М.: «Азбуковник».
7. Шулежкова С.Г. (гл. ред.) (2015). Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности [*Shulezhkova S.G. The publicism's arsenal of the social movements in Russia and Germany. Verbal means of the conflict's negotiations and the attainment of the tolerance*]: колл. моногр. Магнитогорск: Дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz-Armdt-Universität.
8. Chlebda W. (2005). Szkice o skrzydlatych słowach: interpretacje lingwistyczne. Opole: Uniwersytet Opolski.
9. Fürst K. (2015). Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit: <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst> (22.08.2016).
10. <https://www.freitag.de/autoren/klausfuerst> (21.08.2016).

11. <http://www.bankdirect.pro> (14.08.2016).
12. <http://www.LeFigaro.fr> (21.01.2015).
13. <http://www.gornovosti.ru> (14.08.2016).
14. <http://www.lemonde.fr> (21.01.2015).
15. <http://www.myeurop.info> (06.05.2014).
16. <http://www.predateli.com/index.php?> (21.08.2015).
17. <http://www.solidariteetprogres.org> (23.02.2015).
18. Metro.co.uk (12.08.2016).

FRENCH WINGED UNITS IN THE INTERNATIONAL BLOCK OF SLOGANS OF MODERN EUROPE AND RUSSIA

S.G. Shulezkova

Nosov's Magnitogorsk State Technic University
38, *Lenin's av., Magnitogorsk, 455000, Russia*
shulezkova@gmail.com

A.S. Makarova

St. Tikhon's Orthodox University
23/Б, *Novokuznetskaya st., Moscow, 115184, Russia*
aleste_63@mail.ru

French winged units which are in the international block of the slogans of modern Europe and Russia are in the center of the attention of the authors article. 90 % of the krylatology — discipline formed in 1990—2000 based on lexicography description of the words and phrases noticed by “authority mark” and development of phraseology as a science of overword language units are winged units. The language status of the winged units accomplishing predicative function in the speech stream is one of the most important problems of the krylatology. The analysis of the functional potential of the winged units and their transformative modifications in the communicative space of modern Europe and Russia promotes the solution of this problem. Gallicisms of the slogan character which are very widely used in the Old World’s publicism and in the Russian political discourse are beneficial material for such research. After stepping over the French border in transliterated and trace form these winged units keep traits of the French culture, “remind” of the events caused them to life. However varying with their structure, playing with different borders of their semantics they witness not only about their national language status as winged units but also about belonging to the international winged units-slogans.

Key words: winged unit, krylatology, slogan, transformation, international

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ «MERKEL»

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
mchigasheva@mail.ru

Статья посвящена анализу деонимов с точки зрения теории лексико-семантического поля. Лексика представляет собой наиболее подвижную часть системы любого языка. Она быстрее всего реагирует на изменения окружающего мира и наглядно отражает универсальные и национальные особенности восприятия действительности носителями языка. Антропонимы составляют значительную часть лексической системы и относятся к сфере национально-маркированных единиц. Антропоним, обозначая конкретного человека, выполняет в языке не только номинативную функцию. Он может переходить в разряд имени нарицательного и получает возможность участвовать в сигнификации. Этот процесс мотивирован экстралингвистическими факторами, потребностью поиска новых наименований и связан с наполнением слова новым значением. Такое явление принято называть деонимизацией. На современном этапе развития немецкого языка оно получило широкое распространение в политическом дискурсе СМИ. Проведенный анализ показал, что деонимы, образованные от имен политических и государственных деятелей Германии, связаны с типизацией черт носителей данных имен и обладают явно выраженной негативной коннотацией. На примере 19 деонимов от имени Merkel предпринята попытка структурировать их в лексико-семантическое микрополе.

Ключевые слова: лексическая система языка, антропоним, деонимизация, ассоциативный потенциал, лексико-семантическое микрополе

ВВЕДЕНИЕ

Изучение семантических особенностей различных языков, содержательной стороны языковых единиц и процессов занимает важное место в современных лингвистических исследованиях. В языкознании уже давно укрепилось понимание языка как системы, а термин «лексико-семантическая система языка» был введен В.В. Виноградовым [Виноградов 1953]. Как любая другая система, она обладает своими специфическими чертами. К ним в первую очередь относится ее обусловленность категориями предметного мира и социальными факторами, что позволяет ей отражать изменения, происходящие в окружающей действительности. Слова, соотносясь не с предметами окружающего мира, а с их денотатами, существуют в языке не сами по себе, а как средство обозначения понятий, предметов, связей между ними. Именно поэтому они представляют собой не простое скопление лексических единиц, а некоторым образом структурированное единство. Таким образом, в языке, а точнее в иерархической структуре его словарного состава, отражается форма организации реального мира. Представляется интересным рассмотреть с точки зрения теории поля лексические единицы, связанные с конкретным именем собственным.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Имена собственные составляют значительную часть лексической системы любого языка. Они всегда привлекали к себе внимание различных исследователей — историков, литературоведов, этнографов и др. Однако в первую очередь они могут быть интересны филологам и лингвистам, потому что каждое имя — это слово, оно развивается по законам того или иного языка. Имена собственные аккумулируют в себе культурную информацию и отражают не только универсальные, но и национальные особенности восприятия окружающей действительности носителями языка, поэтому их относят к сфере национально-маркированных единиц. Так, например, еще древние греки, римляне и египтяне выделяли их особое положение и функции в языке. Считается, что именно с этого времени и существует традиционное деление имен существительных на имена собственные — онимы и имена нарицательные — апеллятивы. Главной дискуссионной проблемой является признание или отрицание у онима способности выражать понятие. Например, А.А. Реформатский считал, что имена собственные «...никаких понятий не выражают», они «...гипертрофированно номинативны» [Реформатский 2001: 66]. Такой же точки зрения придерживались В.В. Виноградов, О.С. Ахманова и др. А.А. Уфимцева называет имена собственные «...лексически неполноценными» словесными знаками, «...ущербными» словами» [Уфимцева 2010: 42]. Тем не менее, неоспоримым является факт возможности перехода апеллятивов в имена и наоборот, что, несомненно, доказывает отсутствие резких различий («демаркационной линии», по А.А. Реформатскому) в семантическом отношении между этими двумя группами словарного состава языка. Если признать, что имена собственные обладают лексическим значением, то возможно говорить также об их способности иметь дополнительное, коннотативное значение, отражающее национально-культурную специфику языка.

Нет единства среди ученых и в вопросе о делении имен собственных. Существуют различные классификации, но в любой из них на первом месте стоят антропонимы. Это является признанием того, что они занимают значительное место в составе номинативных средств любого языка и участвуют в формировании языковой картины мира. Мы предлагаем еще один подход к их научному рассмотрению, а именно учет роли и места антропонимов во взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических стратегий подачи информации.

ДЕОНИМИЗАЦИЯ

На лексическом уровне у имен собственных основной является номинативная, или назывная, функция. Совершенно очевидно, что антропоним обозначает индивидуального, конкретного человека. Однако при переходе в разряд имени нарицательного он получает возможность полностью или частично участвовать в сигнификации. Переход онима в апеллятив всегда мотивирован экстралингвистическими факторами, потребностью поиска новых наименований и более точного отражения действительности, связан с наполнением слова новым содержанием. Такое явление принято называть деонимизацией, что, безусловно, может рассматриваться

как процесс обогащения словарного состава языка. Наиболее активно это проявляется во времена идеологических, культурных и демократических преобразований. В немецком языке первое появление подобных лексических единиц связывается с развитием в средние века теологии и позже — с периодами Реформации, Просвещения, индустриальной революции и т.д. [Wengeler 2010]. Нередко новые слова настолько хорошо ассимилируются в языке, становятся неотъемлемой частью его лексической системы, что не каждый носитель языка соотносит их с именами конкретных людей, например: *бойкотировать, пастеризовать, хулиган, макинтош, берета, morsen, röntgen, lynchen*.

Следующий свой всплеск деонимизация переживает, пожалуй, на современном этапе развития языка, особенно немецкого. И здесь следует говорить не только о способах перехода имени собственного в разряд имени нарицательного, но еще и о коннотативном наполнении и стилистическом функционировании таких лексем. Прежде антропоним переходил на изобретение, открытие или изделие конкретного человека, сегодня это связано преимущественно с типизацией черт носителя имени собственного. Особой популярностью в этом процессе пользуются политические и государственные деятели. Ранее подобные слова оставались нейтральными, сегодня они чаще всего имеют явно выраженную негативную коннотацию. Огромную роль в процессе деонимизации играют средства массовой информации, потому что именно для дискурса СМИ характерно появление таких необычных слов и потому что именно они лучше всего соответствуют стилистическим потребностям языка прессы. Сюда относится, прежде всего, поиск новых выразительных языковых средств, позволяющих кратко и в то же время емко выразить мысль.

Процесс деонимизации приводит также к межчастеречной трансформации. Как отмечает А.В. Суперанская, «превращаясь в нарицательное, имя может перестать быть существительным и изменить свою парадигму на соответствующую другой части речи» [Суперанская 1973: 115]. Анализ текстов политического дискурса СМИ Германии показал, что от антропонимов кроме имен нарицательных могут быть образованы имена прилагательные, наречия и глаголы. Эти части речи всегда по содержанию понятийные, а их образование от имен собственных является свидетельством полной апеллятивации именных основ.

Рассмотрим данное явление на примере имени действующего канцлера Германии Ангелы Меркель. Эта женщина играет в настоящее время ведущую роль не только в немецкой, но и в европейской политике, она всегда находится в центре внимания, ее поступки и выступления попадают на первые полосы мировых изданий. Журналисты, комментируя ее высказывания, проявляют чудеса остроумия, создавая новые слова в немецком языке. Подчеркнем, что имя **Merkel**, ставшее сегодня нарицательным, госпожа канцлер, урожденная Кеснер, получила от своего первого супруга, Ульриха Меркеля. Это был студенческий брак и просуществовал он недолго, всего четыре года. Но именно это имя, которое А. Меркель сохранила и в своем втором браке с Иоахимом Зауером, принесло ей такую известность и послужило новой словообразовательной основой.

Стоит отметить, что все имена собственные изначально обладали определенным ассоциативным потенциалом [Чигашева 2015]. Фамилия **Merkel** довольно широко распространена на территории Германии и, возможно, относится к так называемым профессиональным наименованиям, обозначающая «защитника или хранителя границы» (от слов *mark* ‘пограничная полоса’ и *ward(e)* ‘защитник, хранитель’). Однако в процессе деонимизации это значение совершенно утратило свою актуальность.

Первым деонимом, упомянутом в СМИ и связанным с именем главы немецкого правительства, стал глагол *merkeln*. Историю его появления относят к событиям 2002 г., когда на выборах в бундестаг блок ХДС/ХСС и СДПГ набрали абсолютно равное количество голосов (по 38,5%). Главный кандидат на пост канцлера от консервативных партий Эдмунд Штойбер (ХСС) заявил: «Wir haben die Wahl gewonnen!» — ‘Мы выиграли выборы!’, однако он явно поторопился, так как социал-демократы сумели договориться с партией «зеленых» и, получив абсолютное большинство, создали правящую коалицию. Таким образом, консерваторы, показав на выборах очень высокий результат, оказались в оппозиции. Глава ХДС Ангела Меркель не рассчитывала на поражение и повела себя по-женски, дав волю эмоциям. В тот день она публично (и в этом состоял ее промах) поклялась, что никогда не будет ничего предпринимать, не будет принимать никаких решений или высказываться на какую-либо тему, связанную с политикой. Когда в 2005 г. госпожа Меркель стала канцлером Германии, журналисты тут же припомнили ей события трехлетней давности. С тех пор и употребляется в дискурсе СМИ глагол *merkeln* с явно негативной коннотацией ‘бездействовать, пустословить, не сказать ничего по существу, отмалчиваться’. С течением времени количество значений этого глагола только расширялось. Еще одно значение ‘устраивать нагоняй’ было связано со сложной финансовой ситуацией в ЕС, когда канцлер ФРГ призывала страны-партнеры к жесткой экономии и позволяла себе довольно резкие критические замечания в отношении их внутренней экономической политики. В 2015 г. этот глагол был выбран «словом года», признан популярным в молодежной среде, получив новое значение ‘косить под Меркель’. Словообразовательные возможности немецкого языка позволяют расширить список глаголов с основой «merkeln» с помощью префиксации: *wegmerkeln* (‘не замечать чего-то реально существующего’), *aufmerkeln* (‘воспользоваться правом на демонстрации’), *bemerkeln* (‘говорить о том, что и так понятно’), *ausmerkeln* (‘молниеносно исчезнуть’), *übermerkeln* (‘одурачить’), *vermerkeln* (‘принимать сомнительные решения’) и суффиксации: *merkelisieren*.

Всего нами было обнаружено 9 глаголов, наиболее частотными являются *merkeln* и *merkelisieren*, последний глагол обозначает ‘долгосрочный прагматический стиль руководства’:

- ♦ *Die Podcasts der Vorsitzenden könnten sich dann vornehmlich Wohlfühlthemen widmen, nach dem Motto: Bei Mutti bist du sicher. Bei allem anderen wird gemerkelt, bis es passt: für ihre Wiederwahl* (tagesspiegel.de, 13.03.2012).
- ♦ *In dieser Situation hat die Kanzlerin aufgehört zu merkeln. Sie wartet nicht mehr ab, zögert nicht mehr heraus, kalkuliert nicht mehr mit politischem Fingerhakeln und gesellschaftlichen Stimmungsentwicklungen* (rp-online.de, 30.09.2015).

- ◆ *Die Weltpolitik wird noch nicht merkelisiert* (faz.net, 09.06.2015).
- ◆ *Es ist der größte Wahnsinn, was momentan passiert, zum Glück gibt es noch Länder wie Polen, welche sich nicht merkelisieren lassen* (focus.de, 19.01.2016).

Употребляются также два отглагольных существительных — *das Merkeln*, *die Merkelisierung*. Отсутствие какой-либо реакции главы правительства на реформу здравоохранения называли *dauerhaftes Merkeln*, на реформу рынка труда — *gewissenloses Merkeln*; то, что в самом начале мирового экономического кризиса А. Меркель предоставляла решение многих вопросов Пееру Штайнбрюку, занимавшему в то время пост министра финансов, — *taktisches Merkeln* [stupidedia.org]. Существительное *die Merkelisierung* может обозначать ‘зависимость от Меркель, полное подчинение ей, одурманивание’:

- ◆ *Die Merkelisierung Deutschlands* (rp-online. de, 30.10.2014).
- ◆ *Die Merkelisierung der Bundesliga schreitet voran: Das Vorbild der zaudernden Kanzlerin greift über auf die Fußballfelder* (berliner-zeitung.de, 23.08.2011).

К этой группе относятся также существительные, образованные от самого имени собственного — *der Merkelianer* (‘сторонник политики Меркель’), *der Nicht-Merkelianer* (‘противник политики Меркель’):

- ◆ *Insofern ist Steinmeier im Moment eher Merkelianer und nicht so nah beim SPD-Chef* (spiegel.de, 06.10.2015).
- ◆ *Im Präsidiumssaal des Konrad-Adenauer-Hauses. Merkel, Stoiber, Kauder (Generalsekretär, Merkelianer), Röttgen (Erster Parlamentarischer Geschäftsführer, zweiter Merkelianer), Pofalla (Fraktionsvize, dritter Merkelianer), ... Merz (Nicht-Merkelianer)* (süddeutsche.de, 11.05.2010).

Список деонимов от имени *Merkel* дополняют причастия *merkelisiert*, *ausgemerkelt* и прилагательные *merkelsch* или *Merkelsch*, *merkeltreu*, *merkelfreundlich* или *Merkel-freundlich*, *merkelfeindlich*. Кстати, прилагательное *merkeltreu* включено в online-версию словаря Duden [Wörterbuch URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/_treu]. Однако стоит отметить, что в текстах СМИ нам не встретилось ни одного примера с этим прилагательным, сравните:

- ◆ *Wenn schon unsere eigenen Medien vollkommen Merkelisiert sind, so reden wenigsten die ausländischen Medien Klartext!* (focus.de, 15.04.2016).
- ◆ *“Seid ihr alle merkelisiert?“, empört sich ein italienischer Freund* (spiegel.de, 05.08, 2012).
- ◆ *Das Ökonomische bestimmt die Politik, und das Politische entscheidet über das Ökonomische. Kompliziert? Dialektisch. Merkelsch* (tagesspiegel.de, 19.08.2015).
- ◆ *Wir sind in diese Situation hineingekommen und da hat uns die merkelsche Flüchtlingspolitik hineingebracht* (deutschlandfunk.de, 03.03.2016).
- ◆ *Denken Sie jetzt mal die Merkelsche Flüchtlingspolitik bis zu ihrem bitteren Ende* (spiegel.de, 30.10.2015).
- ◆ *Bisher galt die in den USA auflagenstarke linksliberale »New York Times« als recht Merkel-freundlich, doch das Blatt wendet sich* (freiewelt.net, 11.01.2016).
- ◆ *Die NRW-CDU zeigt sich merkelfreundlich* (tagesschau.de, 08.10.2015).
- ◆ *Wären da nicht die Umfragen der anderen Institute, die genau das Gegenteil feststellen. Und der Fakt, dass die Stimmung im Ausland fast schon merkelfeindlich geworden ist* (focus.de, 01.04.2016).

О явно выраженной негативной коннотации прилагательного *Merkelsch/merkelsch* свидетельствует и словосочетание *das Merkelsche Wahrheitsministerium*, например, в выступлениях одного из лидеров движения Пегиды (Pegida) Татьяны Фестерлинг. В этом случае просматривается неприкрытый намек на деятельность министерства народного просвещения и пропаганды под руководством Йозефа Геббельса:

Auch hielt sie (Tatjana Festerling) es für angebracht, über “Wahrheitsverdreher von der Lügenpresse“ und einem “Merkelschen Wahrheitsministerium“ zu sprechen (dw.com, 20.04.2016).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ

Всего в дискурсивном (в текстах СМИ) и около дискурсивном (в комментариях читателей, твиттере, блогах) пространстве было обнаружено 19 лексических единиц, образованных от имени Merkel. Считаем возможным рассматривать их совокупность как вторичное лексико-семантическое микрополе, поскольку данная группировка отвечает основным характеристикам полевой организации. Сюда относятся смысловая аттракция, упорядоченность, взаимоопределяемость единиц, непрерывность, размытость границ, относительная автономность, обозримость, а также связь с ассоциативными полями [Чигашева 2003: 38—43]. Все единицы данного микрополя объединяются вокруг лексемы, которая выражает его общее значение, обладает психологической важностью для носителей немецкого языка и свойством группировать вокруг себя лексический материал. В нашем случае именем поля является антропоним Merkel. Он обозначает конкретного человека, медийную личность, известную каждому представителю немецкого языкового пространства не только визуально, но и своими действиями, что делает возможным соотношение его значения со значениями конститuentов всего микрополя.

Полевой принцип организации лексики предполагает возможность выделения в совокупности языковых средств ядерных и периферийных компонентов. Единица, несущая общее значение поля, и ее ближайшее окружение обладают наибольшей частотностью употребления, просты по своему морфологическому составу и образуют ядро поля. Периферийные компоненты представляют собой вторичные наименования, они стилистически ограничены в употреблении, характеризуются узкой сочетаемостью, более сложным морфологическим составом, экспрессивностью.

Таким образом, в ядро микрополя можно включить антропоним *Merkel*, а также глаголы *merkeln* и *merkelsieren*. На границе ядра и периферии будут располагаться остальные глаголы, образованные префиксальным способом, и, скорее всего, отглагольное существительное *das Merkeln*. Периферия микрополя представлена существительными, прилагательными и причастиями. При распределении компонентов мы ориентировались на частотность и стилистику употребления, а также простоту морфологического состава. Экспрессивность в данном случае вряд ли нужно учитывать, т.к. она присуща всем конститuentам данного микрополя, все указанные единицы обладают явно выраженной негативной коннотацией.

Единство лексических единиц в пределах одного поля основано на специфических корреляциях, к которым относятся синонимические, антонимические, гипонимические и другие отношения. В анализируемом микрополе можно абсолютно точно выделить антонимию *der Merkelianer/der Nicht-Merkelianer*; *merkelfreundlich/merkelfeindlich*, синонимию *merkeltreu/merkelfreundlich* и родовидовые отношения *merkeln/das Merkeln*, в том числе когда имя *Merkel* выступает гиперонимом по отношению к остальным членам микрополя. Кроме того, все члены данного микрополя находятся в синонимичных отношениях с конституентами смежных полей, поскольку в немецком языке существуют единицы, обозначающие то же самое, но без экспрессивной оценки. Например, *merkeln = nichts tun, keine Entscheidungen treffen, keine Äußerungen von sich geben*; *der Merkelianer = der Anhänger*; *der Nicht-Merkelianer = der Gegner, der Rivale, der Herausforderer* и т.д. Кстати, возможность пересечения различных полей, их связь с внеязыковой реальностью считаются важными характеристиками лексико-семантической системы любого естественного языка. Особенность нашего случая заключается в том, что межполевые связи обеспечивают все конституенты микрополя, а не только периферийные компоненты. Тем не менее, этот факт только подтверждает открытость и подвижность границ данной лексической группировки, а также системный характер лексики в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, что рассмотренные явления деонимизации представляют интерес для сопоставительных исследований и особенно для практики перевода. Невозможно передать без потерь, например, на русском языке то, что так лаконично и выразительно сформулировано в немецком. И вряд ли можно обойтись при переводе деонимов каким-то одним приемом. Скорее всего, необходимо прибегнуть к их совокупности. Более того, для подбора эквивалента на другом языке недостаточно только языковой компетенции, необходимы широкие экстралингвистические знания, а также творческий подход к решению конкретной переводческой проблемы.

© Чигашева М.А.

Дата поступления: 24.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В.В. (1953). О некоторых вопросах русской исторической лексикологии [Vinogradov V.V. On some issues of Russian historical lexicology] // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. 3. С. 185—210.
2. Реформатский А.А. (2001). Введение в языковедение [Reformatskiy A.A. Introduction to language studies]. М.: Аспект Пресс.
3. Суперанская А.В. (1973). Общая теория имени собственного [Superanskaya A.V. General theory of proper names]. М.: Наука.
4. Уфимцева А.А. (2010). Лексическая номинация (первичная нейтральная) [Ufimtseva A.A. Lexical nomination] Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

5. Чигашева М.А. (2003). Семантическое поле воинских званий в русском и немецком языках [Chigasheva M.A. Semantic field of military ranks in Russian and German]: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.20. Москва.
6. Чигашева М.А. (2015). Ассоциативный потенциал антропонимов в немецком и русском языке [Chigasheva M.A. Associated potential of anthroponyms in German and Russian] // Вестник Брянского государственного университета. № 2. С. 319—322.
7. Wengeler M. (2010). Schäubleweise, Schröderisierung und riestern. URL: <http://www.komparatistik-online.de / Bd. 1, 2010, S. 79—98>.
8. Wörterbuch der deutschen Sprache. Duden. de. Dudenverlag. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/_treu.

LEXICAL-AND-SEMANTIC MICROFIELD «MERKEL»

M.A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Prospect Vernagskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
mchigasheva@mail.ru

This article analyzes deonims from the perspective of lexical-semantic field. Vocabulary is the most moving part of the system of any language. It responds most quickly to changes in the surrounding world and clearly reflects not only universal, but also national characteristics of perception of reality by native speakers. Proper names, especially anthroponyms, make up a significant part of the lexical system and belong to the sphere of the national-marked units. An anthroponym, designating a particular person, has not only the nominative function of a language. It can go beyond the borders of a common noun and thus receive an opportunity to participate in the signification. This process is motivated by extralinguistic factors, by the need to find new names and words associated with the filling of a new concept. This phenomenon is called deonimization. At the present stage of development of the German language, it is widespread in the political discourse of the media. The analysis showed that deonims formed from the names of politicians and statesmen of Germany have a pronounced negative connotation. Through the example of 19 deonims formed with the name Merkel, the author attempts to structure them in lexical-semantic microfield.

Key words: lexical system of language, anthroponym, deonimization, associative potential, lexical-semantic microfield

НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ж.М. Омашева

Карагандинский государственный медицинский университет
ул. Ерубаяева 32, Караганда, Казахстан, 100008
omzhan@mail.ru

Статья посвящена изучению названий лекарственных травянистых растений в казахском языке с точки зрения их происхождения. Материал для исследования извлечен путем сплошной выборки из этимологических, толковых, двуязычных и трехязычных словарей. Применяются этимологический и сопоставительный методы. В процессе этимологического анализа автор выявляет происхождение казахских фитонимов, проводит параллели с древнетюркскими, арабскими, персидскими, монгольскими наименованиями лекарственных трав, рассматривая альтернативные точки зрения на их происхождение. Этимологические характеристики казахских названий лекарственных травянистых растений свидетельствуют о культурных и исторических связях народов с древнейших времен.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, этимологический аспект, фитоним, тюркские заимствования, наименования общетюркского происхождения, парсизм, монгольские заимствования, арабские заимствования

ВВЕДЕНИЕ

Изучение словарного состава языка в различных аспектах — одна из важнейших задач языкознания. Обращение к исследованию названий лекарственных травянистых растений продиктовано повышенным интересом современной лингвистики к таким аспектам языковых единиц, в которых находят выражение особенности мировосприятия и мировидения этноса, позволяющие глубже проникнуть в историю языка.

В казахстанской лингвистике исследуются различные аспекты фитонимической лексики. Так, ономазиологический и мотивационный аспекты стали предметом исследования Г.И. Уюкбаевой [Народные наименования растений 1983]; проблеме системных отношений названий растений в казахском языке посвящена работа Б. Калиева [Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке 1996]; этнолингвистический аспект в устойчивых сочетаниях изучен Ш. Сеитовой [Өсімдікке байланысты тұрақты тіркестерінің этнолингвистикалық сипаты», 1999], явление мотивированности языкового знака рассмотрено У.Б. Адилбаевой [Қазақ тіліндегі өсімдік атауларының уәжділігі 2001]; ономазиологический и когнитивный аспект изучен Г.А. Омарбековой [Неміс және қазақ тілдеріндегі фитонимдерді құрылымдық, ономазиологиялық зерттеу 2004].

Наша работа посвящена исследованию этимологического аспекта казахских названий лекарственных травянистых растений. Источником материала исследо-

вания послужили словари: этимологические (Э.В. Севортян, 1974); толковые (Л.З. Рустемов, 1989; Н. Ондасынов, 1974), двуязычные (М.Н. Османов, 1983); трехязычные (К.Д. Рахимов, Б.А. Исакова, 2003), Древнетюркский словарь (1960—1963); 1969; монографические исследования Ш. Сарыбаева (2000), Б. Калиева (1986) и др.

ФИТОНИМЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Фитонимы издавна функционируют в лексико-семантической системе казахского языка, выполняя номинативную, прагматическую и оценочную функцию. Названия лекарственных травянистых растений (далее — НЛТР) казахского языка входят в тематическую группу **Растения** и составляют определенный пласт лексики общелитературного казахского языка, отмеченный в древних и средневековых памятниках тюркской письменности.

Так, Б. Калиев выделяет древние названия общетюркского происхождения и собственно казахские наименования, которые образовались после становления национального языка казахов. В словаре Махмуда Кашгари мы обнаружили свыше 30 древнетюркских наименований лекарственных трав, близкие по значению и фонетическому звучанию к казахскому языку: *uip* (*egir*) — ‘аир’, *андыз* (*anduz*) — ‘девясил’, *жусан* (*jarcan*) — ‘полынь’, *құлмақ* (*qulmaq*) — ‘хмель’, *сарымсақ* (*sarumsaq*) — ‘лук горночесночный’, *жұпар* (*jurar*) — ‘душица’, *қарамық* (*qaramuq*) — ‘гречиха’ *қабақ* (*qabaq*) — ‘тыква’, *бұрыш* (*buris*) — ‘перец’, *қышы* (*qisi*) — ‘горчица’, *шүйгін* (*shivgin*) — ‘валерьяна’, *жалбыз* (*jarpuz*) — ‘мята’ и др. [Кашгари 1960—196: 35, 40, 56, 58, 145, 320, 430, 502, 520, 546, 590].

Схожие тюрко-казахские названия были отмечены учеными в памятнике древнекипчакского языка «Кодекс Куманикус», составленном на латинской основе в 1303 г. миссионерами. В нем отражен разговорный язык западной ветви кипчаков: *арпа* (*arpa*) — ячмень, *бурч* (*buris*) — ‘перец’, *қабақ* (*qabaq*) — ‘тыква’, *сарымсақ* (*sarumsaq*) — ‘лук горночесночный’ и т.д.

НЛТР общетюркского происхождения, близкие по семантике и различающиеся по фонетическим признакам, можно обнаружить и в лексике тюркских языков в настоящее время:

Таблица 1

Сравнительный анализ НЛТР в тюркских языках

Казахский язык	Каракалпакский язык	Ногайский язык	Киргизский язык	Уйгурский язык	Азербайджанский язык	Туркменский язык
алабота	алабота	алабота	алабота	лайла		селма
бидай	бидай	бийдай	буудай	буғдай	буғда	буғдай
жусан	жусан	йувсан	эрмен	аман	йовшан	йовшан
сарымсақ			сарымсақ	сарымсақ	саримсаг	сарымсақ

СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

Среди древних наименований лекарственных трав по структуре выделяются в основном односоставные: *жалбыз* ‘мята’; *ошаган* ‘татарник колючий’; *айыр* ‘аир болотный’; *жантақ* ‘колючка’ и др. НЛТР позднего происхождения образованы

морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим способами. Например, *қырықбуын*: — кырық ‘сорок’ + буын ‘узел’ — ‘хвощ’; *дала қырықбуыны* ‘хвощ полевой’; *дала қырықбуынның шөбі* ‘трава хвоща полевого’, *алқа* ‘паслен’ и под.

Наличие в казахском языке НЛТР, функционировавших параллельно в тюркском, арабском и персидском языках, отмечается многими учеными. Так, в словаре А.К. Курышжанова мы отметили 3 слова: *йувишан/жусан* ‘полын’; *арпа* ‘ячмень’; *бугдай/бидай* ‘пшеница’ [Құрышжанов 1970: 52].

В толковом словаре арабско-иранских заимствований зафиксированы следующие НЛТР: *әфһйун/атиын* ‘мак снотворный’; *бәһәр/бұрыш* ‘перец’ [Рустемов 1989: 54].

В персидско-казахском толковом словаре Н. Ондасынов упоминает следующие названия: *бидә/беде* ‘клевер’; *зирә/зире* ‘тмин’; *зәгир/зыгыр* ‘лен’; *күкнар/көкнар* ‘мак’; *күчәлә/күшала* ‘эминимум’; *бәңги диуана/меңдуана* ‘белена’; *пияз/пияз* ‘лук’; *тамир дәру/тамырдәрі* ‘чемерица’; *морч/бұрыш* ‘перец’; *сәбз/сәбзи* ‘морковь’; *тирнақгол/тырнақгүл* ‘ноготки’; *түймәгол/түймегүл* ‘просвирник’; *сумәләк/сүмелек* ‘живокость’; *конджед/кунжіті* ‘кунжут’; *хадраспан/адыраспан* ‘гармала’; *хиар/қияр* ‘огурец’ [Ондасынов 1974: 70, 73, 77, 84, 161, 168, 224, 226].

В персидско-русском словаре М.Н. Османова — 2 названия: *риванд/рауғаш* ‘ревень’, *занджабил/жанжабил* ‘имбирь’ [Османов 1983: 24, 320]. По мнению Б. Калиева, названные НЛТР существовали параллельно в арабском и персидском языках: *адыраспан/хадраспан* ‘гармала’; *беде/бидә* ‘клевер’; *бұрыш/морч* ‘перец’; *зыгыр/зәгир* ‘лен’; *көкнар/кунар* ‘мак’; *күшала/күчәлә* ‘эминимум’; *меңдуана/бәңги диуана* ‘белена’; *пияз/пияз* ‘лук’ и др. [Калиев 1986: 93].

ФИТОНИМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Исследуя фитонимы с историко-типологической позиции в азербайджанском языке, Э.С. Кулиев пишет: «Процесс взаимообмена лексикой был обусловлен интенсивными этнолингвистическими взаимосвязями в период массового передвижения тюркских племен и племенных объединений в гущу ирано- и арабоязычной среды начиная с V—VI вв. Эти этнолингвистические взаимосвязи еще более усилились в средневековье, когда тюркские народы постепенно начали принимать ислам, а через него и арабскую письменность» [Кулиев 1988: 22]. В работе «Фитонимы в азербайджанском языке» он проводит параллели между азербайджанским и другими тюркскими языками. При этом за основу берутся тюркские аффиксы **а*η>аη** как архетип. Этот процесс наблюдается и в казахских НЛТР. Например, вариант архетипа **аη** перешел в формант **ай**: *биүдај* — *бидай*. Указанная форма имеется в персидском языке: *һотай* — *һұмай*, *құмай* (‘сорго’).

Огромный пласт фитонимической лексики арабо-персидского происхождения встречается в работах Абу Райхана Беруни «Сайдани» и Абу Али Ибн Сины «Канон врачебной науки». В «Каноне» Авиценна систематизировал все знания о растениях, которые использовались в греческой медицине. Например, арабское слово

эфһийун (апиын) в значении 'мак снотворный' используется в современной казахской медицине наряду со словом *көкнәр*. В «Каноне врачебной науки» встречаются НЛТР арабского происхождения, вошедшие затем в состав лексики казахского языка с небольшими фонетическими изменениями. Например, *запыран* < *зафгаран* 'шафран'; *жанжабіл/жемжебіл* < *занджабил* 'имбирь'; *пияз* < *бияз* 'лук', *қара меңдуана* < *бандж* 'белена'; *қара қыша* < *хардал* 'горчица черная'; *ақит жүзім* < *фашира* 'переступень белый'; *үлкен жолжелкен* < *лисан ал-хамал* 'подорожник большой'; *дәрілік нарқайсар* < *рил-л-хамале* 'вербена лекарственная' и др.

В составе НЛТР выделяются также парсизмы, которые давно вошли в состав лексики казахского языка и не воспринимаются как заимствованные: *көкнәр* < *кукнар* 'мак'; *бұрыш* < *морч* 'перец'; *зыгыр* < *загир* 'лен'; *пияз* < *пияз* 'лук'; *сәбіз* < *сәбз/сәбзи* 'морковь'; *беде* < *бидә* 'клевер'; *джухари* 'кукуруза'; *тырнақұл* < *тирнақол* 'ноготки'; *зире* < *зирә* 'тмин'; *тамырдәрі* < *тамирдару* 'чемерица' и т.д.

Прекрасным литературным памятником XV в., в котором имеются сведения, касающиеся языка, культуры, истории, философии, психологии, астрономии, этнографии и этики, является медицинский сборник «Шипагерлік баян». Автор книги Отебойдак Тлеукабылов был глубоко образованным человеком, знакомым с литературой на арабском и персидском языках и, в частности, с произведениями Абунасыра Аль-Фараби. Книга содержит энциклопедические знания о медицине, с указанием болезней и методов их лечения. Он упоминает около 859 видов лечебных растений и способов их применения: «...Собирали цветки эминиума, гвоздики, затем отваривали и сцеживали, готовя отвары и настойки. Настойку пили внутрь, а отвар использовали в качестве наружного средства» [Тілеукабылұлы 1996: 230].

Относительно небольшое количество НЛТР было заимствовано из монгольского языка. Однако вопрос о тюркско-монгольских языковых отношениях является спорным, в частности, проблема, касающаяся казахско-монгольских отношений. Ученые (Н.А. Баскаков, Б.Я. Владимирцов, Ч. Валиханов, Ц.Д. Номинханов, Г.Д. Санжеев, Ш. Сарыбаев) высказывали гипотезу о родстве тюркских и монгольских языков. Сходство и близость монгольских, тюркских и маньчжуро-тунгусских языков в области лексики и грамматического строя Б.Я. Владимирцев считал результатом их общего происхождения из единого праязыка: «На родственную связь между языками монгольскими, тюркскими и тунгусскими указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, в частности морфологии этих языков» [Владимирцев 1929: 46]. Это значит, что монгольский и тюркский языки представляют собой две различные формы развития одного общего языка, который восходит к алтайскому. Г.Д. Санжеев полагал, что идея алтайского праязыка является не более чем гипотезой: «Родство так называемых алтайских языков является очень вероятной гипотезой, которая в настоящее время всеми нами принята, но оно все же имеет значимость только гипотезы, которая до сих пор научно еще не доказана» [Сарыбаев 2000: 144]. В пользу данной гипотезы высказывались и историки. Так, Мурат Уали в статье «Праязыки Великой Степи» выдвигает предположение о том, что праалтайский язык формировался в восточной Азии 11—10 тыс. лет назад среди местных монголоидов: «Географи-

ческая локализация прародины также еще окончательно не ясна. Возможно, это Маньчжурия, а возможно — таежная часть восточной Сибири. При распаде праалтайского языка в V тысячелетии до н.э. возникают «материковая» (тюркомонгольский и тунгусоманьчжурский) и «береговая» (японо-корейские) ветви. Затем из «материковой» ветви в IV—III тысячелетии до н.э. стали выделяться пратюркомонгольские племена. Следуя за табунами диких лошадей и верблюдов, они мигрировали из таежной Сибири в образующиеся сухие монгольские степи. Здесь от тюрко-монгольского отделяется тюркский язык» [Мурат 2012: 27].

В книге «Вопросы казахского языкознания» Ш. Сарыбаев приводит примеры названий растений, имеющие сходства в монгольском и казахском языках: *буудуй/бидай* ‘пшеница’; *өлөн/өлең* ‘название малопитательной травы’; *сарымсаг/сарымсақ* ‘чеснок’; *хияг /қияқ* ‘пырей’; *хуурай/құрай* ‘тростник’; *буурцаг/бұршақ* ‘горох’» [Сарыбаев 2000: 151].

Д.Б. Мирзаханова в работе «Фитонимическая лексика азербайджанского языка» также проводит параллели с монгольским языком: «Азербайджанская основа *bugday* «пшеница» имеет в тюркских и монгольских языках широкие параллели, кум. *будаи*, уйг. *пук-тай*, каз. *бидайи* т.д. В монгольских языках эта же основа дает множество производных и составных терминов, ср. калм. *будаа* «зерновой хлеб», *шарабудаа* «просо», *цагаанбудаа* «рис», калм. *будаа/н/* «крупа, каша», *гурвалжи нбудаа* «гречневая крупа», *цагаанбудаа* «рис», кар. *будаа* «просо», *будаа* «манная крупа», шар. *будаа* «пшено», *будаатай* «крупяной, рисовый», *будаатай хуурга* «пилав», *будаатай шел* «рисовый суп, крупяной суп», бур. *будаа* «крупа», *сагаанбудаа* «рис», *упаанбудаа* «просо», *шара будаа* «пшено», пмонг. *бугудай* «пшеница». Семантически тюркская основа *бугдай*, видимо, также восходит к корневому *бут* со значением «колос» — «острие, острый конец, колосок». Этот корень представлен в составе межтюркской основы *буг=да* «нож», ср. башк. *боиза* — *богда*, ног. *мийда* — *богда* «нож». В плане фонетики такой переход (-г--и-) является для тюркских языков вполне закономерным. В ряде тюркских языков корневой согласный утрачивается, ср. кум. *будаи* из праформы *бугдай*» [Мирзаханова 2007: 14]. Азербайджанская основа *бурчаг* «горох» является общетюркской основой, имеющей древние параллели и в монгольских языках: каз. *буршақ*, кирг. *буурчак*, уйг. *пучок*, г.-алт. *мырчак*, туркм. *бурчак*, коман. *бурцак* «горох», тур. *бурчак*, чув. *пурчай* «горошина», монг. *буурцаг*, пмонг. *бугурцаг*, бур. *буурсаг* и т.д. [Мирзаханова 2007: 15].

Б. Калиев, сопоставляя лексический материал словарей казахского и монгольского языков, обнаружил 32 фонетически и семантически сходных названий растений. Мы обратили внимание на названия лекарственных растений: «*арпа* — *арвай* ‘ячмень’; *бидай* — *буудай* ‘пшеница’; *бұршақ* — *буурцаг* ‘перец’; *қалақай* — халгай ‘крапива’; *қарамық* — *хармаг* ‘гречиха’; *сарымсақ* — *саримсаг* ‘чеснок’; *тобылғы* — *тавилга* ‘таволга’ [Калиев 1986: 59].

По мнению В. Котвич, такие слова, как *арпа* (‘ячмень’), *тобылғы* (‘таволга’), *бидай* (‘пшеница’), очевидно, были заимствованы монгольскими языками из тюркских» [Котвич 1962: 95]. Данное предположение основывается на том, что фонети-

ческий состав этих слов в большей степени соответствует закономерностям тюркских языков. Некоторые из них зафиксированы в «Диване» Махмуда Кашкарского (XI в.): *virshaq*, *samursaq*, *qaramuq*, т.е. имеют общетюркское происхождение. Что касается слов *қалақай* (крапива), *шыралжын* (полынь эстрагон), то, возможно, по звуковому обозначению и грамматическому оформлению их следует отнести к монголизмам. Указанные примеры свидетельствуют о наличии тюрко-монгольских элементов в НЛТР. Однако чисто фонетические сопоставления тюркских и монгольских основ в отрыве от морфолого-семантических сопоставлений могут привести к ошибочному мнению. Мы согласны с мнением Э. Севортыана: «Фонеморфологическое и семантическое совпадение какой-либо тюркской и монгольской основ далеко не всегда является свидетельством заимствования основы из монгольских в тюркские или же наоборот, хотя взаимные заимствования между названными языками с древнейших времен не подлежат сомнению» [Севортыан 1974: 45].

Тем не менее, большая часть заимствованных НЛТР казахского языка — это слова, перешедшие из русского и западноевропейских языков и вошедшие в казахский язык до Октябрьской революции и в послеоктябрьский период. Например, *шалтей/шалти/шалти* ('шалфей'), *шәуіл/шәулі* ('щавель'), *сібеклә* ('свекла'); *валерьяна*, *женьшень*, *маис*, *термопсис*, *астрагал*, *анис* и др. Другая группа заимствований — экзотизмы, характеризующаяся выраженным колоритом: *нард*, *колоцинт*, *кава-кава* и другие.

НЛТР с латино-греческой основой из русского языка перешли в казахскую ботаническую номенклатуру и стали функционировать в качестве самостоятельных лексических единиц. В словаре К.Д. Рахимова, Б.А. Исаковой такие названия сохраняют свой фонетический и семантический облик либо к ним добавляется казахский эквивалент: *авран — авран*, *адонис — адонис*, *анис — анис*, *амми — амми*, *арника — арника*, *каланхое — каланхое*, *рута — рута*; *термопсис — термопсис*», *эхинацея — эхинацея*» [Рахимов 2003: 8—10, 29, 60, 66, 5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что в состав НЛТР казахского языка вошли слова тюркского, персидского, арабского и монгольского происхождения. Среди заимствованных НЛТР выделяются группы названий, перешедшие из русского и западноевропейских языков. В научном дискурсе функционируют фитонимы-термины с латино-греческой основой.

© Омашева Ж.М.

Дата поступления: 12.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владимирцев Б.А. (1929). Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия [Vladimirtsev B.A. Comparative Grammar of the Mongolian written language and Khalkha dialect]. Ленинград.

2. Қашқари М. (1960—1963). Девону лұғот ит түрк [Kashkari M. Devony lygot it turk]. Ташкент.
3. Калиев Б. (1986). Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке [Kaliev B. Lexical and semantic and morphological structure of plants' names in the Kazakh language]. Алматы.
4. Котвич В. (1962). Исследование по алтайским языкам [Kotvich V. Study on the Altai language]. Москва.
5. Құрышжанов Ә. (1970). Исследование по лексике «Тюрко-арабского языка» [Kuryshzhanov A. Study on vocabulary of "The Turkic and Arabic languages"]. Алматы: Наука.
6. Кулиев Э.С. (1988). Фитонимы в азербайджанском языке [Kuliev E.S. Phytonyms in the Azerbaijani language: it turk]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку.
7. Мирзаханова Д.Б. (2007). Фитонимическая лексика азербайджанского языка (в сравнении с другими тюркскими языками) [Mirzakhanova D.B. Phytonomic vocabulary of the Azerbaijan language (in comparison with other Turkic languages)]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала.
8. Мурат У. (2012). Праязыки великой степи [Murat U. The parent language of the great steppe] // Сб. статей «Свобода слова». Алматы.
9. Ондасынов Н. (1974). Парсыша-казақша түсіндірме сөздік [Ondasynov N. Persian-Kazakh explanatory dictionary]. Алматы.
10. Османов М.Н. (1983). Персидско-русский словарь [Osmanov M.N. Persian-Russian dictionary]. Москва.
11. Рахимов К.Д., Искакова Б.А. (2003). Русско-казахско-латинский словарь растений, используемых в медицине и биологии [Rakhimov K.D., Iskakova B.A. Russian-Kazakh-Latin dictionary of plants used in medicine and biology]. Алматы.
12. Рустемов Л.З. (1989). Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствований [Rustemov L.Z. Kazakh-Russian explanatory dictionary of Arab-Iranian borrowings]. Алматы.
13. Сарыбаев Ш. (2000). Қазақ тіл білімі мәселелері. Вопросы казахского языкознания [Sarybaev Sh. Kazakh til bilimi Maseleleri. The Kazakh linguistics problems]. Алматы: Арыс.
14. Севортян Э.В. (1974). Этимологический словарь тюркских языков [Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages]. М.: Наука.
15. Тілеуқабылұлы Ө. (1996). Шипагерлік баян. Араб қарпінен көшіргендер [Tleukabyluly O. Shipagerlik bayan. Arab karpinen koshirgender]. Алматы: Жалын.

MEDICINAL HERB NAMES IN THE KAZAKH LANGUAGE FROM THE ORIGIN VIEWPOINT

Zh.M. Omasheva

Karaganda State Medical University
32, Erubayeva st., Karaganda, Kazakhstan, 1000008
omzhan@mail.ru

The article is devoted to the study of medicinal herbal plant names in the Kazakh language. The aim of the article is to research medicinal herbal plant names in Kazakh from the origin viewpoint. At the beginning of the article there is a brief description of the works of the Kazakhstan scientists who inves-

tingated various aspects of phytonymic vocabulary and there are the researchers' opinions regarding the Mongolian, Arab and Persian borrowings. The research material was only taken by selection way from the etymological, explanatory, bilingual and trilingual dictionaries. The etymological and comparative methods were used in the work. During the etymological analysis the author has revealed the origin of the Kazakh phytonyms and drawn parallels with the ancient Turkic, Arabian, Persian and Mongolian names of medicinal herbs considering the alternative points of view on their origin. The etymological characteristics of the Kazakh names of medicinal herbal plants show the cultural and historical ties of peoples since ancient times.

Key words: medicinal herbal plant names, etymological aspect, phytonym, Turkic borrowings, names of common Turkic origin, parsism, Mongolian borrowings, Arabian borrowings

КОГНИТИВНО-АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО (на примере текстов, содержащих кинологическую лексику)

И.М. Фатеева

Московская высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт)
ул. Марксистская, 34-7, Москва, Россия, 109147
in_dog@mail.ru

В настоящей статье сквозь призму когнитивно-антропоцентрической парадигмы рассматривается вопрос понимания категории комического. Материал, используемый в статье, анализирует специфические характеристики кинологической лексики. Автор показывает, что анекдоты, содержащие кинологическую лексику, являются ретрансляцией архаических мифов, стереотипы и создает новую интерпретацию проблемы; даны примеры, иллюстрирующие игровой характер культуры. Большое количество анекдотов, содержащих кинологическую лексику, демонстрирует близость мира живой природы к миру людей, содержащих отголоски зооморфизма. В статье доказывается, что комическое, являясь гибридным феноменом, разрушает привычные стереотипы.

Ключевые слова: когнитивно-антропоцентрическая парадигма, кинологическая лексика, категория комического, зооморфизм, антропоморфизация животных, игровой характер культуры, мифологизация

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня все больше ученых, занимающихся этико-гуманистическими исследованиями, рассматривают отношение человека с животными в контексте зооантропологического единства, который базируется, с одной стороны, на антропоморфизации животных, а с другой — зооморфизацией человека. Эта дуальность объясняется прочной мифологизацией образа животного в наивной картине мира и «анимализм всегда остается тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т.п.» [Маслова 2004: 196]. Можно найти сотни примеров того, что в сознании человека за животными и сегодня тянется шлейф, состоящий из комплекса возможных оценочно-эмоциональных, сакральных, эстетических и смысловых ассоциаций. Обозначая какие-либо реалии, животные предстают в качестве прецедентных феноменов «значимых (...) в познавательном и эмоциональном отношениях; обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Сегодня отголоски мифов мы находим во всех жанрах. Окутанные легендами, животные становятся «звездами» рекламы и «героями» съемочных площадок. Все эти факты доказывают включение в язык образов, закреплённых в культуре, а также подчеркивают существенную роль мифологизации жизни человека. При этом важно отметить, что в основе любой мифологизации лежат не только реальные факты, но и особенности толкования этих фактов, поэтому «сопоставление „вскрытого“ механизма порождения слова с реальными значениями (...) дает возможность проследить особенности мышления, мироощущения человека» [Гофман 2001: 214].

Данная статья представляет собой попытку продемонстрировать возможности функционирования кинологической лексики в комическом жанре. Материалом для нашего исследования послужили анекдоты, найденные на различных сайтах в Интернете (<http://www.anekdoty.onru.ru>, <http://www.anekdot.ru> и др.), тексты из сборника «Антологии мирового анекдота», записи анекдотов, услышанных в последние годы автором.

КОГНИТИВНО-АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД И КАТЕГОРИЯ КОМИЧЕСКОГО

Исследователи считают, что комическое представляет собой сложное явление, маркированное: несоответствием или противопоставлением осмеиваемого принятым эстетическим идеалам; логико-смысловой зависимостью; коммуникативно-прагматическими характеристиками; культурологическим фоном. Соглашаясь с вышеперечисленным, мы полагаем, что комическое можно эксплицировать в качестве одного из вариантов игры, которая, выходя за рамки языковой деятельности человека, способна прояснить многие аспекты функционирования языка. Заметим, что Йохан Хейзинга, защищая тезис об игровом характере культуры, называет человека *Homo ludens* — «Человек играющий». «Каждое мыслящее существо в состоянии тотчас же возымет перед глазами эту реальность: игру, участие в игре — как нечто самостоятельное, самодовлеющее, даже если в его языке нет слова, обобщенно обозначающего это понятие. Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти любую абстракцию: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру — нельзя» [Хайзенга: <http://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/.pdf>].

Можно предположить, что, заводя собаку, Человек играющий хотел бы видеть рядом с собой не домашнее животное, выполняющее утилитарную функцию, а компаньона, приятеля и друга; охранника или телохранителя; собеседника; игрушку; источник доходов; нечто, поддерживающее имидж или вписывающееся в домашний интерьер. Все эти роли человек приписывает собаке, которая поневоле проигрывает их для человека и вместе с человеком. Стоит отметить, что антропоцентризм, изменивший современный научный ландшафт, детерминирует субъектно-этическое отношение к высокоинтеллектуальным животным, проявляющееся в сфере коммуникационных способностей. Благодаря своей узнаваемости «братья меньшие» являются прекрасным «материалом» для создания игровой ситуации в комическом жанре. Тот факт, что за ними в сознании человека закреплен определенный образ, позволяет легко вызвать эффект неожиданности. Мир играющего человека и втянутых в эти игры «друзей человека» находит отражение в разнообразных видах дискурса. Сегодня нас интересует комический жанр — анекдоты. Жанр, популярный среди носителей языка всех возрастов и самых разных социальных слоев, причудливо связавший в себе элементы фольклора, грани литературы и аспекты СМИ, объединивший письменную и устную формы существования языка.

Эксплуатируют эффект игры анекдоты, содержащие советы и рекомендации по выращиванию, содержанию, дрессировке собак, т.к. дискурс предполагает обратную связь: если рекомендация дана, ее принимают к сведению реализуют, например:

Чтобы вырастить хорошо воспитанную собаку, нужно научить ее следующим правилам: 1. Собака не имеет права входить в дом. Примечание: Ну, ладно, она может войти в дом, но не дальше прихожей. 2. Собака может войти в любую комнату, но она не должна забираться на кресла. Примечание: Собака может забираться только на старые, грязные кресла. 3. ОК, пускай забираться на любое кресло, но она ни в коем случае не должна спать на одной кровати с хозяином. Примечание: Хорошо, хорошо, она может спать на кровати, но только с разрешения хозяина. 4. Собака имеет право спать на кровати когда захочет, но только не под одеялом. Примечание: Собака может спать под одеялом только с разрешения хозяина. 5. Собака может всегда спать под одеялом. 6. Хозяин должен попросить у собаки разрешения спать с ней под одним одеялом.

Подобные анекдоты, с одной стороны, создают новую интерпретацию, разрушающую привычные представления, а с другой стороны — создают символические связи между образами, делая их почти неуловимыми, намеренно обесмысливая или, наоборот, перенося их в буквальный план прочтения:

Начинающим собаководам на заметку: если ваш любимец слегка пожевал ваши новые туфли, то в качестве воспитательной меры заставьте его съесть их до конца. Туфли-то все равно выбрасывать, а вот педагогический эффект трудно описать в нескольких словах...

Анекдоты, построенные на игре, предполагающей включение слушателей/читателей, могут быть построенными на прямом диалоге. В этом случае анекдот предлагает слушателю/читателю принять участие в этом диалоге, поддержать кого-то из предполагаемых участников, разделить предполагаемо чью-то точку зрения, дополнить список «у тебя... а у меня...». Важно отметить, что диалог ведется между «равными» игроками одной команды, например:

Между твоей и моей собакой иногда очень большая разница: Твоя собака ленивая — моя спокойная. Твоя собака толстая — моя крепкого сложения. Твоя собака худая — моя поджарая. Твоя собака нервная — моя игривая. Твоя собака плохо воспитанная — моя независимая. Твоя собака избалованная — моя член семьи. Твоя собака плохо двигалась в ринге — моя двигалась по плохому покрытию. Твоя собака выиграла, так как вы знакомы с судьей — моя т.к. была лучшей. Твоя собака проиграла, так как судья был компетентен — моя так как судья ничего не понимает в породе. Твоя собака лизучая — моя целовательная. Твоя собака линяет — моя переодевается. Твоя собака лает на соседей — моя общительная. Твоя собака непоседлива — моя слишком эмоциональна. Твоя собака грызет все подряд — у моей режутся зубки. Твоя собака тупая — моя еще маленькая и т.д.

Несколько лет назад в Интернете появился и сразу приобрел популярность другой вариант языковой игры — логико-смысловой, реализующийся в сериях анекдотов, содержащих кинологическую лексику. Подобные анекдоты, с одной

стороны, эксплуатируют национально-маркированные гендерные стереотипы, а с другой, строятся на нарушении этих стереотипов и представляют собой языковую игру. Несомненным представляется то, что при скрупулезном взглядывании в тексты анекдотов из серии «Почему собаки лучше, чем жены...», «Почему собаки лучше, чем мужья...», очевидна их «системная каталогизация», дающая нам возможность отыскать в них все значимые для современного лингвокультурного сообщества архетипы. Подобный архетипически-мифологический посыл реализуется как совокупность «фоновых знаний» реципиента. Игровая природа анекдота подтверждается его онтологической связью с категорией комического и определяет специфику игрового типа дискурса. Автор комического текста умалчивает, скрывает подробности, приглашая партнера вступить с ним в «игровую коммуникацию». При рассмотрении когнитивных механизмов порождения комического смысла в подобных текстах ученые не раз обращали внимание на то, что основным игровым элементом когнитивной модели комического является создание противоречия и нахождение логического объяснения в лишенном логики ассоциировании.

Характерными, классическими чертами «игровой коммуникации» являются злободневность и ироничное отношение к окружающему миру. Это выражается, например, в многочисленных вариантах ответов на один, как бы мысленно поставленный вопрос, сближая текст анекдота с игровыми загадками, основу комизма которых составляет развязка, находящаяся на границе вопроса и ответа. В этом случае неожиданный остроумный ответ смещает акценты понимания даже самого безобидного вопроса, формируя двусмысленность «только для взрослых», ср.:

Почему собаки лучше, чем жены: *Чем позже ты приходишь, тем больше собака тебе рада. Собаке нравится, когда ты разбрасываешь на полу много вещей. Родители собаки никогда не приезжают погостить. Собаки соглашаются с тем фактом, что иногда для того, чтоб она тебя поняла, необходимо поднять голос. Собаку никогда не надо ждать — она готова на выход 24 часа в сутки. Собакам нравится ходить на охоту. Во время поездки в машине собака никогда не ворчит, что надо бы включить кондиционер или печку. Если собака уходит, она не забирает половину твоего имущества, и т.д.*

Почему собака лучше, чем муж: *Настроение собаки не зависит от дорожных пробок и индекса Доу Джонса. Собака не требует ежедневно чистую рубашку и свежесвыглаженные брюки. Собаки не проводят весь выходной день в тренажерном зале, за компом или под машиной. Собаки не проводят вечерних и ночных заседаний и не летают в командировки еженедельно. Собака не тратит деньги на кабаки и вонючие сигары. Только редкая собака храпит как сапожник. Собака с удовольствием поест консервы или сухой корм и никогда не потребует борща на ужин. Собака никогда не напивается в стельку. Когда собака болеет, она не требует каждые пять секунд «скорую» и консилиум профессоров и т.д.*

К этому сюжетному блоку «анекдотов-наблюдений» примыкают анекдоты, начинающиеся со слов «Чем политики похожи на собак?», «Чем политики отличаются от собак?». В этих анекдотах комическое реализуется с помощью «насмешливого смеха» [Пропп 1999]. «Насмешливый» смех, в отличие от «здорового»,

практикуется, по В. Проппу, с целью социальной критики. Необходимо отметить тот факт, что в политических анекдотах присутствуют клишированные детали или стереотипные ситуации, по которым представители одного лингвокультурного сообщества идентифицируют прямо не называемый персонаж. Например:

Чем политики похожи на собак: 1) *Политик, как и собака, хорошо знает своего хозяина;* 2) *Политики, как и собаки, любят собираться в стаи и выдвигать вожаков;* 3) *Всегда кидаются на чужих;* 4) *Политик, как и собака, склонен яростно защищать свою косточку;* 5) *Политики, как и собаки, не стесняются, оправляя свои естественные надобности;* 6) *Политик, как и собака, любит лаять по поводу и без;* 7) *Чем меньше политик, тем больше визга;* 8) *Породистые политики увешивают грудь медалями.*

Чем политики отличаются от собак: 1) *Политики, в отличие от собак, не пригодны ни к какой работе;* 2) *Собаке можно доверить охрану материальных ценностей, политику — никогда и т.д.*

Среди популярных анекдотических сюжетных блоков можно выделить целые циклы анекдотов на тему: «Выведена новая порода собак...» или «Какой породы собака у ...». Комический потенциал этих анекдотов базируется на эффекте психоментальных механизмов восприятия речи и особенностях обработанных, стандартизованных концептов в сознании человека. Нарушая привычное звучание слов, ломая формально-языковые стереотипы, подобные анекдоты представляют собой игру с формами речи, которая строится на разнообразных лингвистических явлениях: логико-смысловых, лексических и т.д.

Анализ позволяет учесть когнитивные механизмы, задействованные в словотворчестве при создании и восприятии окказионализмов, например:

Терьер дворника Герасима — буль-буль-терьер; Пес бывшего канцлера ФРГ — колли; Терьер во-о-он той дамы — той-терьер; Ее же пудель — той-пудель; Пес любителя спать — спаниель; Для охоты на зайцев в бору — бор-зая; Порода, выведенная партайгеноссе Борманом, — доборман; Собака при складе авторезины — резин-шнауцер. Собака водопроводчика — резен-штуцер. Собака карточного игрока — мастиф. Собачка поклонника французского театра — сарбернар. Раскормленный пес весом ровно 16 кг — пуд-дель. Собака, лающая на подвыпившего хозяина — ав-ав-чарка. Собачка при пекарне — пекинес.

Создатели анекдотов такого рода используют прием, который состоит в «разрушении знаковой системы упорядоченного знаками мира» [Лихачев 1997: 13]. Можно с уверенностью отметить: когда анекдотическая «собака», вызывая смех слушателей, совершенно по-человечески говорит, думает, действует, складывается жизненный образ, который подчеркивается и реалистическим сюжетом, и предположительно человеческой реакцией на происходящее, и вполне человеческой окружающей обстановкой, а люди всегда «смеются над механичностью человека, над его привычкой» [Бергсон 2000: 118], например:

Подходит мужик к воротам своего соседа и стучится. Стучит, стучит, но никто не отвечает. Стучит сильнее. К воротам тихо подходит собака и говорит:
— Мужик, не стучи, никого дома нет.
Мужик падает в обморок. После пришел в себя, смотрит на собаку и говорит:
— Ты чего, собака, гавкать не умеешь?

*Собака, потупившись, отвечает:
— Умею, но не хотела тебя пугать.*

А.Д. Шмелев, исследуя анекдоты, содержащие зоонимы, предложил выделять их в 2 группы: анекдоты о «**мире животных**» и анекдоты о «**животных в мире человека**» [Шмелёв, Шмелёва 2002]. В рамках статьи, придерживаясь классификации, предложенной А.Д. Шмелевым, мы рассмотрим анекдоты, содержащие кинологическую лексику.

Первая группа: **анекдоты о мире животных**. Сфокусировавшись на предложенном комическом **мире животных**, мы приходим к выводу, что этот «мир» устроен подобно человеческому и собаки, его населяющие, реалистично демонстрируют человеческие характеры, доводя их до гротеска. Для человека, создателя комического, существенна идея сходства, аналогии и подобия. Мы соглашаемся с исследователями, утверждающими, что «познание себя в мире начинается с собственной идентификации, с ощущения границ собственного „Я“ в его противопоставленности миру» [Гудков 2007: 74]. Анекдоты этой группы направлены на разрушение стереотипов восприятия окружающего мира, например:

*Встречаются после 23 февраля две собаки. Одна вся перебинтована, еле дышит.
— Что с тобой?
— Хозяин избил.
— За что?
— Покусала я его.
— Да за что?!
— Представляешь, нажрался гад и все мои медали цапнул...*

Сюжет этой группы анекдотов эксплуатирует собаку в роли аллегорического представителя человека, при этом «собственно собаку» удивляют или возмущают, а возможно, смущают людские поступки:

*Собака на дачном участке копает землю. Копает лопатой. Соседский барбос смотрит на нее обалдевшим взором. Собака поворачивается и печально говорит:
— А все началось с того, что я, дура, научилась приносить тапочки.*

В перевернутом мире можно встретить сюжет, повествующий о собаках, по традиции конкурирующих с кошками, причем происходит это по совершенно человеческим критериям:

Кто храбрее и самоотверженнее, кошка или собака? Конечно собака! Почему? А ты когда-нибудь слышал, чтобы на фронте кошка, обвязанная гранатами, кидалась под танк?!

Возмущенные несправедливостью мира собаки требуют: *Экспериментируйте на кошках!* (Собака Павлова).

В этом мире собаки делятся, совершенно, с точки зрения логики, «человеческими» наблюдениями:

Щенок лайки спрашивает у мамы: А кто умнее — мы или кошки? Конечно, кошки, сынок! А ты когда-нибудь видел 10 кошек, которые тянут по тундре нарты с чукчей и поклажей?!

Здесь встречаются собаки, подобно человеку, балагуриющие, рассказывающие «бывальщины»:

Встречаются две собаки: Вчера с хозяином была на охоте... иду, вдруг на меня выскакивает огромный кабан. Ну? Я кааак прыгну... кааак заору... Какая ты смелая! Да-нет, я на руки хозяину прыгнула и, как заору — БЕЖИ-И-И-М!!!!

Подобно подросткам наши «герои» самоутверждаются:

Проводив до двери своего хозяина, собака обращается к попугаю и коту: Та-ак! Этот козел смотался, и теперь я за хозяина! Понятно?

Гендерный фактор также учтен сюжетом анекдота: собаки в роли мужчин интересуются красивыми девушками, например:

Два дворовых пса внимательно следят за пушистой болонкой. «Красавица, — вздыхает один. — Не то слово, видел бы ты ее мокрой — не фигура, а загляденье!»

Собаки могут беседовать друг с другом, при этом реализуется типичная «человеческая» анекдотическая схема: *умный/хитрый, дурак/простак*, но при этом оба несут на себе общие черты, вписываемые в рамки национальной языковой картины мира:

Бульдог, гуляя по двору, видит сидящего на балконе пуделя и говорит ему: «Выходи, вместе погуляем. — Не могу: меня заперли. — А ты выпрыгни с балкона. — Ага, чтобы у меня была морда, как у тебя?»

Сюжеты первой группы анекдотов дают нам возможность продемонстрировать антропоморфное представление о животных, сформировавшее маркированное национальной спецификой «комическое». В этих анекдотах мы узнаем мир, в котором живем, смеемся над этим миром, но осознаем, что это наш мир и таким он видится с другого ракурса — «с собачьего коврика». Наблюдения за людьми из собачьей корзинки дают анекдоту, использовавшему кинологическую лексику, возможность рассматривать под микроскопом окружающую реальность, посмеяться над самыми обыденными и типичными вещами.

Можно предположить, что именно создание сюжетов, в которых мир людей, переворачиваясь, становится миром собак, — последняя попытка современного человека вернуться в «правильный и справедливый» мир природы.

Мы уже писали о символизме собаки, о ее роли в качестве мифического предка человека. Исследователи считают, что: «животное может жить внутри человека — так у многих народов наша душа представляется зверьком, который во время сна может покидать тело, где-то странствовать — и мы видим волшебные сны» [Чеснов 2007: 32—33]. Возможно, сегодня именно это предположение лежит в основе шуточного вопроса, который можно прочесть в разделе «Юмор»: «С каким животным Вы себя ассоциируете?» или «На какую породу собак вы похожи?»

Вторая группа: **собаки в мире людей** — анекдоты о животных в мире человека. В этих анекдотах животные, становясь партнерами человека, живут в одном мире и говорят на одном языке. В анекдотах этой группы комическим становится персонификация животных. Человек наделяет собаку типичными человеческими недостатками, слабостями, комплексами. Нарочитое «особачивание» восприятия

собаки делает ее несобакой — подобный уровень рефлексии выглядит совершенно по-человечески. Сюжеты этой группы анекдотов используют стереотипы, связанные с особенностями пород собак, обыгрывая их внешность, поведение, данные зоопсихологии и этологии. Сюжеты эти весьма многообразны, но имеют общие признаки, присущие любому «человеческому» анекдоту, поэтому дают нам возможность выделить бытовые, политические, медицинские, армейские, анекдоты о пьяницах, неверных супругах, о представителях определенных национальностей и социальных групп. Социальные нормы формируются на базе ценностных ориентиров и выступают идентифицирующим фактором для всех его представителей: «Для того, кто принадлежит к социальному миру, последний составляется в точности из тех норм, которые определяют, какие интеракции в том или ином случае входят в совокупность оправданных межличностных отношений; все актеры, для которых имеет силу такой набор норм, принадлежат одному и тому же социальному миру» [Хабермас 2000: 210].

Следуя теме, заданной статьей, мы можем отметить, что в анекдотах, содержащих кинологическую лексику, на первое место выводится животное, выстраивая цепочки, в которых означаемое и означающее постоянно меняются местами. В этой группе комическим становятся различные аспекты коммуникации человека и социально-когнитивные навыки самих животных:

Приходит домой пьяная собака. Ее встречает хозяин: — Что, опять пьяная?! — Нет... Ик! Трезвая... Как... Ик! Стекло... — Да? А ну-ка полай! — Лай-лай, ла-ла-ла-лай-лай!

Комическо-игровая коммуникативная установка такого анекдота заключается в том, что любые события и реалии сюжета подаются в заведомо «перевернутом», шутливом или пародийном ракурсе. Наверняка собаку в подобном анекдоте не опознал бы и самый опытный кинолог, если бы собака не была в нем названа прямо: *собака*. Например:

Здоровенная собака входит в мясную лавку с кошельком в зубах. Кладет кошелек на пол и усаживается напротив прилавка: — Ну, че тебе, собачка? Хочешь купить мяса? — улыбаясь, спрашивает мясник. — Гав! — прогавкивает пес. — Гмм, — промычал мясник. — А какого? Печеночки, фаршу или же на отбивные? Гав-гав! — снова подает голос пес. — И сколько же на отбивные взвесить? Полкило, кило... — Гав-гав! — гавкает собака. Ну, мясник взвесил килограмм и взял деньги из кошелька. Собака, схватив покупку и кошелек, удалилась. Мяснику же стало интересно, что будет дальше, и он последовал за псом. Собака добежала до какого-то дома, толкнула входную дверь и, забежав на третий этаж, стала скрестись в дверь. Дверь вдруг открылась, оттуда выскочил разъяренный мужик и начал ругать пса на чем свет стоит. — Стой, — орет мясник, — это самый умный пес, какого я когда-либо видел! — Умный!!! — продолжает кричать мужик, — уже третий раз на этой неделе он забывает взять с собой ключи...

Продолжая анализ, мы находим факт того, что комическое привязано к конкретному историческому периоду, новые реалии незамедлительно находят отклик в анекдоте. Высмеивая сюжеты рекламы, появился тип анекдота, который состоит в «разрушении знаковой системы упорядоченного знаками мира» [Лихачев 1997: 13]. Комические эффекты создаются с помощью репрезентативных сообщений,

когда говорящий посредством пропозиции преследует цель охарактеризовать некоторое положение дел и дать им свою оценку через комическое представление предмета:

Заходят две девушки с питбулем (бойцовская собака, домашнее содержание которой запрещено во многих странах) в кассовый зал аэропорта. — За билетами очередь... — Посмотрим, на что способен Шамту.

К анекдотам, пародирующим рекламу, примыкает анекдот-объявление. В сюжете таких анекдотов эксплуатируется пародийность. Когнитивное понимание, в отличие от семантизирующего, включено в воображаемую коммуникацию между реципиентом и культурой, представленной в системе накопленных знаний [Богин 2001], например:

Объявление: Пропала собака, рыжая, лохматая, кличка Рекс. Нашедшего, ждет вознаграждение. Шапкой не предлагать. **Объявление:** Потерялся пудель — маленький, черненький, толстенький, курчавенький, совсем как член нашей семьи. **Объявление:** Пропала ОЧЕНЬ умная собака! Шарик! Если ты сейчас читаешь это объявление, позвони, пожалуйста, домой!! **Объявление:** Пропала собака-водолаз. Окрас — черный, акваланг — синий... **Объявление:** Срочно продам собаку. Не лает, не кусает, но в дом не пускает. Жду на улице.

Комический эффект в анекдоте, содержащем кинологическую лексику, обеспечивается введением доведенной до абсурда нелепостью, которая выдает себя за логичность, например:

Объявление: Март. Продаю трех месячных щенков кавказской овчарки. Ушки купированы. Такие лапочки! 500\$ за штуку. тел. +. **Апрель. Объявление.** Продаю трех двухмесячных щенков кавказской овчарки. Привитые. Умненькие и ласковые. Едят мало. 450\$ за штуку. тел. +. **Май.** Продаю трех трехмесячных щенков кавказской овчарки. Срочно! Отличные сторожа! 300\$ за штуку. Покупаю говяжьи кости в неограниченном количестве! Тел. +. **Июнь.** Люди! Срочно! Бесплатно! Отдам в хорошие руки трех четырехмесячных кавказских овчарок! Дешево продаю собачью шерсть! тел. +. **Июль. Объявление.** Отдам для опытов или в корейский ресторан трех сук кавказской породы. В придачу 26 кг собачьей шерсти бесплатно! Ищу бригаду строителей для ремонта квартиры (замена пола, ремонт стен, замена двери). тел. +. **Август.** Продам 3 чучела собак породы кавказская овчарка. Куплю корень валерианы, корень красавки и другие успокоительные травы. тел. +.

Мы решили добавить к классификации А.Д. Шмелева еще одну, **третью группу анекдотов**, комическим смыслом которой служит **предметно-референтная ситуация**, представляющая собой пропозициональную реализацию комической ситуации, например:

Маленький мальчик долго просил, чтобы ему подарили собаку. Наконец родители купили ему щенка сенбернара. Ребенок поглядел на песика и изрек: — Я не понял, кого кому подарили?

Ги Дебор характеризует современное общество как «общество спектакля», «средоточие нереальности реального общества, которое в самой своей основе является зрительским», анализируя комическое, мы видим истинность данного высказывания [Дебор 2000: 24—26].

Четвертая, выделенная нами, группа анекдотов является жанром устного народного творчества, образовываясь почти исключительно на жизненном материале. По сути, подобный анекдот — это **случай из жизни** или почти реальная история, смешная, но при этом достоверная:

Объявление на выставке служебных собак. «Тов. участники! Тщательно оботрите морды от слюны для облегчения осмотра зубной системы».

В ринге хозяин-новичок, первый раз на выставке собак, путается еще, да и собака молодая. Судья владельцу: Покажите, пожалуйста, ваши зубы. Владелец: Не понял... Судья: Чего непонятного-то? Зубы собаки покажите! Владелец: КАК??? Судья, теряя терпение: Зубы собаки покажите! Владелец: Ыыыыы (скалится в морду своей собаке). Представляя в качестве персонажа анекдота собаку, человек находит возможность снисходительно отнестись к собственным слабостям, в смехе преодолевая их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анекдоты, содержащие кинологическую лексику, возможно, один из немногих способов попытки ретрансляции тотемических мифов, содержащих отголоски зооморфизма, вытесненного сегодня в область комического, о которой Бергсон пишет: «стихия комического порождена самой жизнью и близка к искусству, и ей есть что сказать о жизни и об искусстве» [Бергсон 2000: 31]. При рассмотрении когнитивных механизмов порождения комического смысла в подобных текстах ученые не раз обращали внимание на то, что основным игровым элементом когнитивной модели комического является создание противоречия и нахождение логического объяснения в лишенном логики ассоциировании.

Характерными чертами современного анекдота являются злободневность и ироничное отношение к окружающему миру. Человек в анекдотах о животных играет странную роль, например, он ведет беседу с собаками, но ни для кого подобная коммуникация не является чем-либо удивительным, при этом считаем необходимым заметить, что и в реальной жизни человек беседует со своими домашними любимцами: «...человек всегда нуждается в собеседнике. Причем, будучи сущностно креативен, он способен и сам создавать себе собеседника, чтобы в диалоге с ним (воображаемом, гипотетическом) и производить смысл, и прояснять его во все более вариативном многогранном мире» [Самохвалова: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=594>]. Собака в анекдоте — не собака в буквальном смысле, а смехотворная трансформация образа «собаки», анекдотический субъект, некое животное, наделенное таким набором характеристик и такими специфическими качествами, которые способно породить только антропоцентрическое мышление человека.

© Фатеева И.М.

Дата поступления: 05.04.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергсон А. (2000). Смех [Bergson A. Laughter]. М.: Искусство.
2. Богин Г.И. (2001). Относительность границ между национальными менталитетами в свете концепции межкультурной коммуникации [Bogin G.I. The relativity of limits between na-

- tional mentality types in the light of cross-cultural concept] // Культура мира: Перспективы на рубеже XX века. Тверь: IREX, ТвГУ. С. 51—55.
3. *Гофман О.В.* (2001). К вопросу о методе концептуального анализа [*Gofman O.V.* On the method of conceptual analysis] // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск: Изд-во ТГУ. С. 213—217.
  4. *Гудков Д.Б., Ковшиова М.Л.* (2007). Телесный код русской культуры: материалы к словарю [*Gudkov D.B., Kovshova M.L.* Corporality code of Russian culture: vocabulary entries]. Москва.
  5. *Дебор Г.* (2000). Общество спектакля [*Debor G.* The society of spectacles]. М.: Изд-во «Логос».
  6. *Караулов Ю.Н.* (1987). Русский язык и языковая личность [*Karaulov Yu.N.* Russian language and language bearer]. Москва.
  7. *Лихачев Д.С.* (1976). Смеховой мир Древней Руси [*Likhachev D.S.* The world of laughter in Ancient Russia]. Л.: Наука.
  8. *Лихачев Д.С.* (1997). Концептосфера русского языка [*Likhachev D.S.* Conceptual sphere of Russian language] // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения. М., 1997. Т. 1. С. 33—42.
  9. *Маслова В.А.* (2004). Лингвокультурология [*Maslova V.A.* Linguoculturology]. Москва.
  10. *Пропп В.Я.* (1999). Проблемы комизма и смеха [*Propp V.Ya.* On grotesque and laughter]. М.: Лабиринт.
  11. *Самохвалова В.И.* (2012). Другой среди других [*Samokhvalova V.I.* The other among the others (reflections on the book “Image of the Other in culture texts” by E.N. Shapinskaya) (размышления по поводу книги Е.Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры») // Полигнозис, 1—4(43), С. 140—150. URL: <http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=594>.
  12. *Хабермас Ю.* (2000). Моральное сознание и коммуникативное действие [*Habermas Ju.* Moral conscience and communicative action]. СПб.: Наука.
  13. *Хайзенга Й.* Человек играющий [*Heisenga J.* Homo ludens]. URL: <http://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/.pdf> (21.12.2015).
  14. *Чеснов Я.В.* (2007). Телесность человека: философско-антропологическое понимание [*Chesnov Ya.V.* Man’s corporality: philosophic and anthropologic understanding]. Москва.
  15. *Шмелева Е.А., Шмелев А.Д.* (2002). Русский анекдот. Текст и речевой жанр [*Shmeleva E.A., Shmelev A.D.* Russian anecdote. Text and speech genre]. М.: Языки славянской культуры.

COGNITIVE AND ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO TREATING THE CATEGORY OF COMIC (on the texts containing canine terms)

I.M. Fateeva

Moscow Higher School of Business (MIRBIZ)
34, Marksistskaya str., b. 7, Moscow, Russia, 109147
in_dog@mail.ru

This article treats the issue of understanding the category of the comic. in terms of cognitive-and-anthropocentric approach. The material used in the article analyzes specific features of canine vocabulary. The author shows that jokes containing canine vocabulary are relayed on archaic myths, which are still affected by zoomorphism. The author proves that anything comic being a phenomenon, breaks the typical stereotypes, creates a new interpretation. The article provides examples illustrating the cultural actable character. A large number of jokes presented, containing canine vocabulary, demonstrate the closeness of the natural world to the social society.

Key words: cognitive-anthropocentric paradigm, canine vocabulary category, comic, zoomorphism, anthropomorphism, animal, game character cultural mythologizing

**КОМПАРАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ПЕРСОНАЖА
(на примере произведения А. Иванова
«Географ глобус пропил»)**

А.А. Васильева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ, Москва, Россия
просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена анализу компаративных (сравнительных) единиц художественного текста романа современного российского писателя Алексея Иванова «Географ глобус пропил». Исследование проводится на основе концепции сравнения, разработанной И.В. Назаровой. В результате проведенного исследования удастся выявить и описать ряд тематических групп, участвующих в создании языкового портрета персонажа.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, структурные особенности, тематические группы, языковой портрет, языковая картина мира

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительные конструкции — одно из самых важных средств выразительности в лингвистике. Данная тема привлекает внимание таких ученых, как М.А. Бакина (1986), Е.А. Желунович (1992), Е.А. Некрасова (1986), М.А. Шапиро (1958), А.Е. Шевченко (2003) и др.

Сравнение имеет свою историю. Впервые в России еще в XVIII в. М.В. Ломоносов начал исследовать сравнение в составе грамматики. Представляет интерес теоретическая поэтика А.А. Потебни, который посвятил сравнению ряд статей. Автор определяет сравнение как троп: «троп есть выражение, перенесенное для красоты речи с его первичного, естественного значения на другое, или, как чаще всего определяют грамматисты, выражение, перенесенное с места, где оно является подлинным, на другое место, где оно является неподлинным» [Потебня 1990: 158]. В свою очередь, А.Н. Веселовский писал о том, что «сравнение не так суггестивно, но положительно (...) сравнение — та же метафора, но с присоединением частиц сравнения» [Веселовский 1989: 146].

Сравнение характеризуется многоплановостью и является объектом ряда наук: философии, психологии, литературоведения, лингвистики и др.

ПОНЯТИЕ СРАВНЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского сравнение трактуется как «образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета. (...) В системе разнообразных поэтических средств выразительности сравнение является начальной стадией, откуда в порядке

градации и разветвления вытекают почти все остальные тропы — параллелизм, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота и пр.» [Квятковский 1966: 280].

К настоящему моменту в лингвистике уже сложилась концепция сравнения как стилистической фигуры. Многие рассматривали сравнение на материале художественных текстов российских и зарубежных писателей. В этом отношении показательны работы Я.Г. Биренбаум (1987), А.С. Бирюковой (1995), И.З. Искандеровой (1982), С.М. Мезенина (1984) и др. Тем не менее, индивидуально-авторский стиль современного писателя Алексея Иванова, как и фигура сравнения в его произведениях, являются новым объектом изучения.

Исследователи художественных текстов рассматривают структурные особенности сравнений по-разному. Так, Ю.С. Степанов в книге «Французская стилистика (в сравнении с русской)» выделяет индивидуальные сравнения, целью которых является характеристика предмета с разных точек зрения для создания неповторимого облика [Степанов 1965: 161—162].

Как правило, такие сравнения состоят только из двух частей: они указывают на предмет, который сравнивают, и тот, с которым его сравнивают на фоне устойчивых (общепринятых) сравнений. Целью подобных сравнений является характеристика только меры, полноты качества, но не собственно самого качества. Обычно сравнительные конструкции состоят из трех частей: темы, сравнения и основания сравнения, т.е. указания на то, что у них общего, так наз. *tertium comparationis*, например, *волосы черные, как смоль*, где тема — *волосы*; основание сравнения/*tertium comparationis* — цвет: *черные*; сравнение — *как смоль* ('черная смола'). И тема, и основание сравнения навсегда обнаруживаются на поверхности, по сути являются переменными членами в функции сравнения, поэтому собственно сравнение оказывается обусловленным, ограниченным в употреблении. Так, цвет волос может варьироваться: *черные, рыжие, серебряные* и др., но именно он обуславливает возможность сравнения: *черные, как смоль* при невозможности **серебряные, как смоль*.

Н.М. Девятова в статье «О системе сравнения и сравнительных конструкциях: присоединительное сравнение в русском языке» рассуждает о реальном и гипотетическом сравнении, каждое из которых имеет свои показатели: «к реальному сравнению относятся конструкции с союзными показателями КАК, ПОДОБНО ТОМУ КАК и др., конструкции со сравнительными предикатами *быть похожим, смахивать, напоминать* и др. К гипотетическому сравнению относятся конструкции с союзами БУДТО, КАК БУДТО, ТОЧНО, СЛОВНО» [Девятова 2012: 15—21].

Очевидно, что лингвисты предлагают различные подходы к изучению сравнений. Нам представляется интересной классификация сравнений, предложенная И.В. Назаровой, т.к. в ней структура тематических групп компаративных конструкций русского языка базируется на категории картины мира и отражает возможности и специфику русской языковой картины мира, включающей внешние и внутренние качества человека, его физическое состояние, поведение, деятельность, жизненные интересы, а также явления природы [Назарова 2000: 18]. На наш взгляд, для речевых характеристик персонажей романа А. Иванова «Географ глобус пропил», создания их языковых портретов данная классификация наиболее актуальна.

СРАВНЕНИЯ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

Обратимся к анализу языка романа, выделим ряд тематических групп, характеризующих языковой портрет В. Служкина, и попробуем применить к сравнениям предложенную классификацию. Отметим, что название тематической группы обозначает основание для сравнения.

1. Тематическая группа «Внешние качества человека». Основные параметры сравнения — это внешние качества персонажа, портрет, телосложение, мимика и жесты и др. Например:

1) *...Будкин точен, как свинья*: основание для сравнения — признак предмета. Из сравнения следует, что Будкин неаккуратный, неопрятный, «в грязи», но при детальном анализе становится ясно, что по своей природе свинья — чистоплотное животное, свиньи точно чувствуют время, **как и Будкин**. Данное сравнение ложное: внешность обманчива и не характеризует персонаж, т.к. Будкин — бизнесмен, организованный, пунктуальный человек;

2) *...а пацаны мелковаты, как ранняя картошка*: основание для сравнения — внешнее сходство признака предмета (рост, вес, другие физические характеристики): *пацаны/мальчики/мальчишки* сравниваются с мелкой молодой картошкой;

3) *...пока через всякие буреломы лезли, как Дерсу Узалы, уж вечер наступил*: основание для сравнения — признак действия. В своем сравнении автор обращается к истории, т.к. *Дерсу Узала* (реальное лицо и персонаж романа В.К. Арсеньева) — это известный охотник, участник экспедиции, преодолевший различные преграды и испытания, едва не погиб (*как и Служкин вместе со своей «зондеркомандой» в походе*), но все же остался жив благодаря своему опыту и проницательности;

4) *Мне однажды девятый «а» уже обещал нечто подобное и надул меня, как Кутузов Наполеона*: основание для сравнения — признак действия. Известно, что Кутузов был гением оперативного искусства. Он буквально «выскользнул» из лопушки Наполеона;

5) *...через некоторое время он (Служкин) выбежал из-за стола, включил магнитофон и начал отплясывать, как павиан в брачный период*: основание для сравнения признак действия, но обнаруживается участие стороннего наблюдателя. Стиль танца некоторых мужчин напоминает танец павианов, поскольку мужчины, как правило, не могут танцевать легко, современно и раскованно (это напоминает Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца» М. Булгакова, поющего под балалайку и танцующего. — прим. А.В.).

Дальнейшие примеры анализируем по аналогии:

— *Хе-хе, как плюшивый мерин*, — сказал Будкин Служкину (в значении «неприятный, нескладный человек»);

...сейчас я, как старый ирокез, пойду за дровами (прим.: здесь *ирокез* в значении «индеец из племени ирокезов»);

...выломал себе дубину суковатую и с ней поковылял, как Мересьев (прим.: настоящая фамилия — А. Маресьев, летчик, прототип героя повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»);

...*Служкин, как статуя*, врезался в плотную кучу девятого «вэ»;
...заложив руки за спину, как *американский полицейский*, Служкин стоял у доски и ждал тишины;
...скривился *Градусов, растекаясь по парте, как тесто*;
...он (Служкин. — А.В.) спрыгнул с качелей, *пронесся над кустами, как черная, страшная птица*, и грянулся в снег;
...его расстегнутый *плащ летел* ему вслед страшно и грозно, как *чапаевская бурка*.

Таким образом, тематическая группа «**Внешние качества человека**» реализует следующие основания для сравнения: признак предмета/лица, действие лица/предмета, наличие стороннего наблюдателя, что позволяет различать «внутренние» и «внешние» сравнения.

2. Тематическая группа «Внутренние качества и состояния человека» объединяет психологическое состояние человека, эмоции, внутренний мир, слуховые, зрительные и другие ощущения.

1) ...*придешь* — у нее, как «Прощание славянки» (так говорил Будкин о Сашеньке); основание сравнения «задает» прецедентный текст «Прощание славянки» — это известный марш, характеризующийся мелодичностью, напевностью и в то же время простотой, по сути, он является национальным маршем, символизирующим проводы на войну, военную службу. Такое ощущение испытывает Будкин, находясь у Сашеньки дома.

2) ...это потому что вы какой-то особенный *учитель, не брынза, как Сушка или там немка*; основание сравнения передает коннотативное значение слова *брынза* — ‘не просто сыр из овечьего молока, но сыр достаточно пресный, невкусный, отдельно его есть нельзя, можно только в качестве дополнения к блюдам’. Известен тот факт, что по медикаментозным показаниям брынзу нельзя употреблять в пищу тем, у кого имеются проблемы со здоровьем. Таким образом, сравнение *не брынза* лишь подчеркивает особенности, положительные качества Служкина как учителя, воспринимаемые сторонними наблюдателями — его учениками.

3) — *Витек, ну как братана* прошу, как *мужик мужика!*: обращение не *Витя*, а *Витек*, сравнение *как братана* говорят о близких, неформальных отношениях; сравнение *как мужик мужика* подчеркивает маскулинность персонажа, создающую в данном контексте положительную оценку по контрасту: *мужик, мужчина*, а не *женщина, баба*.

4) ...*весь урок у девятого «а» Служкин сидел* за своим столом, как *гвоздями приколоченный*: в представленном примере сравнивается действие «*сидел*» и его характеристика «*как гвоздями приколоченный*», т.е. ‘неподвижный, застывший, как от удивления’, а потому — ‘потрясенный, озадаченный’. Здесь сочетаются как внешнее (благодаря стороннему наблюдателю — ученикам 9 «а»), так и внутреннее сравнение (он — гвоздь).

5) ...*разве ж я женился бы на атомной бомбе?*; сравнение жены Нади с *атомной бомбой* говорит не о внешней красоте, а о взрывном характере, неожиданных действиях: атомная бомба — это символ агрессии.

Следующие примеры анализируем по аналогии.

6) *...он сидел у костра один — будто один на целой планете, будто в лунном кратере;*

7) *...я бросаю в глаза холодную тяжелую воду, а потом погружаю в нее лицо и руки. Пусть река смывает мои желания, как грязь;*

8) *...я просыпаюсь в таком состоянии, словно всю ночь провисел в петле;*

9) *...холодно, как в могиле;*

10) *...с ледяным шаром в животе я слежу за его (Чебыкиным. — А.В.) передвижением. Я боюсь даже вздрогнуть, словно этим могу его столкнуть;*

11) *...она не замечает меня, как человек не замечает развязавшийся шнурок;*

12) *...я чувствую, что словно бы лед скользит под моими ногами, и я проваливаюсь в любовь, как в полынью.*

Итак, данная тематическая группа сравнительных конструкций достаточно разнообразна по своему лексическому наполнению. Полагаем, что это связано не только с разнообразием психологических состояний и чувств, эмоций, но и с наличием оценочных коннотативных оттенков значения, особенно при наличии стороннего наблюдателя. В целом анализ показывает, что психологическое состояние В. Служкина, его эмоции больше характеризует состояние психологического дискомфорта, чем ситуацию уюта, комфорта.

3. Тематическая группа «Характеристика окружающей среды». В любом повествовании присутствуют описания природы, не исключение и роман А. Иванова. Произведение насыщено сравнительными конструкциями, характеризующими состояния окружающей среды, либо так или иначе связанными с ней. Обратимся к примерам:

1) *...гам, как рожь под ветром, волной приугас:* поведение учеников девятого класса сравнивается с *природным объектом*, а точнее с движением ржи, т.е. в данном примере налицо сравнение, обусловленное действием, движением. Такое же сравнение наблюдается и в следующем примере: *...мир качается* в моих глазах, *как корабль;*

2) *...они (корабли) как медведи* (— на зиму засыпают, выбирают на берег и спят): сравнение рукотворного предмета *корабля* с *медведями* говорит о сходстве, подобии поведения этих двух объектов. Такое сравнение по сходству/подобию выявляется и в другом примере: дьявольское, inferнальное *небо* было как *вспоротое брюхо;*

3) *...в свете костра наша поляна похожа на остров, всплывающий из пучины мрака вверх к луне;* пример наглядно демонстрирует сравнение по форме *поляна* — *остров;*

4) *...при сполохах из окружающей черноты, как морды любопытных лесных страшилищ, высовываются вдруг то березовые рога, то усы тальника, то вынюхивающий нос пня, то насупленные еловые брови:* окружающая природа олицетворяется и сравнивается с человеком (*брови, усы*), животным (*рога, вынюхивающий нос*) по их характерным внешним и внутренним признакам.

Следующие примеры анализируются по аналогии:

- 5) ...мимо разведенного наплавного моста, словно бы брезгливо оскалившись, проплывает высокий и длинный речной лайнер;
- 6) ...снег все валит с неба, будто рваные полотнища;
- 7) ...зеленой электрической болью в нем горели звезды, как оборванные нервы;
- 8) ...стена Семичелoveчьей, встающая над нашей поляной, в плещущем свете костра похожа на занавес из багрового бархата;
- 9) ...склон издалека кажется пестрым, как домотканый половичок;
- 10) ...над просекой, как зеленая карета, катится луна;
- 11) ...звезды — как искры отзвевшего набата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение как фигура речи, стилистический прием, художественное средство создания образности является важной составляющей картины мира. Весь пласт сравнительных единиц целесообразно представить как совокупность тематических групп. Анализ показал, что, как правило, сравнение осложняется коннотативными смыслами и метафорой из-за сходства/подобия сравниваемых объектов, особенно с учетом наличия стороннего наблюдателя, который также вносит дополнительную оценку-коннотацию. Рассмотренные тематические группы свидетельствуют о разнообразии средств создания языкового портрета персонажа, о богатом содержании внешних и внутренних характеристик человека, о всестороннем описании состояния природы, созвучным внутреннему состоянию персонажей художественного произведения.

© Васильева А.А.

Дата поступления: 17.05.2016.

Дата принятия в печать: 07.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Веселовский А.Н.* (1989). Историческая поэтика [*Veselovskiy A.N. Historical Poetics*]. М.: Высшая школа.
2. *Девятова Н.М.* (2012). О системе сравнения и сравнительных конструкциях: присоединительное сравнение в русском языке [*Devyatova N.M. On the system of comparison and comparative constructions: inclusive comparison in Russian*] // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». № 2(9). М. С. 15—22.
3. *Иванов А.* (2009). Географ глобус пропил [*Ivanov A. The geographer drank his globe away*]. СПб: Азбука-классика.
4. *Квятковский А.П.* (1966). Поэтический словарь [*Kvyatkovskiy A.P. Poetical Dictionary*]. М.: Советская энциклопедия.
5. *Назарова И.В.* (2000). Типология компаративных единиц в когнитивном аспекте [*Nazarova I.V. Typology of comparative units in cognitive aspect*]: дисс. ... канд. фил. наук. Воронеж.
6. *Потебня А.А.* (1990). Теоретическая поэтика [*Potebnja A.A. Theoretical Poetics*]. М.: Высшая школа.
7. *Степанов Ю.С.* (1965). Французская стилистика [*Stepanov Yu.S. French Stylistics*]. М.: Высшая школа.

**COMPARATIVE MEANS TO CHARACTERIZE
LINGUISTIC PORTRAIT OF A LITERARY PERSONAGE
(after the novel “The geographer drank his globe away”
by A. Ivanov)**

A.A. Vasilyeva

Moscow state institute of international relations
(MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs RF
76, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119454

The article is devoted to the analysis of structural comparative units of the literary text of the novel «*The geographer drank his globe away*» by the modern Russian Alexey Ivanov. The research is carried out using the concept of comparison worked out by I.V. Nazarova. As a result of the research presented a set of thematic groups involved in creating linguistic portrait of novel characters are found out and described.

Key words: comparative design, structural features, thematic groups, linguistic portrait, linguistic world view

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС

УДК 811.161.1'976

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

С.Ю. Преображенский, Д.Г. Коновалова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

Статья описывает некоторые прецедентные текстуальные компоненты, которые отмечены как семиотические элементы в условиях функционирования в дискурсивном пространстве социальных сетей. Анализ выбранных элементов показал, что семантика элементов всегда предполагает определение значения по экстенсионалу.

Ключевые слова: когнитивный стиль, лингвистический гештальт, прецедентный текстуальный компонент, интенционал, экстенционал

ВВЕДЕНИЕ

Язык, функционирующий в среде Интернет, — особая семиотическая среда его существования. Согласно мнению Н.В. Юдиной, «если речь человека непосредственным образом связана с его поведением в разных ситуациях и содержательных областях, во многом зависит от интеллектуального уровня индивида и его и его компетенции, то, следовательно, можно предположить существование определенной взаимосвязи между когнитивным стилем индивида как одним из стилевых образований личности и его языковой способностью. В когнитивной лингвистике понятие *когнитивного стиля* используется в нескольких значениях: в широком смысле когнитивный стиль определяется как «предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его компетенции», в узком смысле — «способ или стиль мышления или оценки» [Юдина 2006: 336]. Во многом когнитивный стиль обуславливает выбор из множества существующих знаков и употребление в коммуникации определенных языковых элементов, которые наиболее точно передают пользовательскую интенцию.

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

За точку отсчета мы принимаем новое лингвистическое поле *дискурсивное пространство социальных сетей*. Такой массив данных является объединяющим для формы письменной языковой речи. Первоначально С.Н. Михайлов к новым формам языкового взаимодействия «*письменной разговорной речи*» [Михайлов 2004: 15] относит новые формы речевых жанров, среди которых в интернет-коммуникации выделяются: чат-коммуникация, сетевой дневник, дискуссионные форумы, запись в гостевой книге. Основополагающими факторами объединения в единое дискурсивное пространство всех жанров, названных выше в исследовании, является, во-первых, синхронный модус представленных жанров — коммуникация, происходящая в режиме реального времени. Анализ семиотического материала из прецедентных и психологических образований, рассматривается на пересечении лингвистики текста и лингвистики дискурса. Выбор конкретной области исследования обусловлен тем, что лидирующие позиции в интернет-коммуникации занимают социальные сети, имеющие многомиллионную аудиторию и собственный контент, что вызывает интерес с точки зрения использования определенных языковых средств. При этом рассматривается языковая личность на «своеобразном 4 этапе развития», когда в условиях дискурсивного пространства у пользователя появляется «свобода в выборе средств выражения из множества потенциальных субституентов».

Материалом для исследования послужили высказывания, которые оформлены как размещенная информация в свободном доступе в социальной сети Вконтакте [www.vk.com]. Были рассмотрены как диалогические, так и статусные высказывания, содержащие свернутые прецедентные тексты (как редуцированные элементы некоторого дискурса), которые пользователь или группа пользователей размещают на своей странице. Исследование выбора средств в языке через призму языковой личности, картины мира, ментальности и социально-культурного пространства помогают отслеживать глубинные изменения в языке и сознании носителей языка.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ТЕКСТУАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Многие языковые употребления предстают как слияние феноменов, которые обладают прецедентностью, и феноменов, которые уже содержатся в сознании, благодаря определенным эмпирическим признакам: это неразложимые структуры, к которым в своей теории порождающей семантики обращается Дж. Лакофф: лингвистические гештальты отвечают, в частности, за определенные функции, метафоризацию мышления.

В курсе лекций по когнитивной семантике Н.Н. Болдырев выделяет экспериенциальный подход, который базируется на опыте взаимодействия с окружающим миром [Болдырев 2001: 19]. Гештальты рассматриваются как концептуальные системы, которые объединяют все типы концептов, объединяют разные уровни, актуализируются и вычлняются в процессе познания на разных уровнях,

среди которых образный, схематический, понятийный, фреймовый. Существует термин Н.А. Рубакина «процесс экфории», или оживления накопленного опыта по одной детали. Исключительно важно, что этот термин соотносим как с гештальт-структурами, так и с прецедентными феноменами. Объединение данных образований в единое целое далее мы будем называть *прецедентным текстуальным компонентом*.

С точки зрения изменения способов восприятия информации люди воспринимают информацию линейно, а процесс, обратный редуцированию дискурса, является самопорождением текста. Например, когда определенная ситуация связана с прецедентным именем, указанным имплицитно: *Когда у меня что-то не получается, то я просто вспоминаю одного немецкого юношу, у которого тоже не получилось стать художником, и как-то сразу успокаиваюсь*, происходит операция, обратная редукации дискурса — самопорождение текста. При редукации дискурса реципиент понимает, что прецедентный текстуальный компонент восходит к прецедентному имени *Гитлер*. Таким образом, по интенционалу, хранящемуся в сознании как один из семантических совокупностей экстенционала, выводится значение высказывания.

Другой пример:

В Берлине разрушился 4-этажный дом. Погибла семья из Сирии, живущая на первом этаже, погибла семья из Ливии, живущая на втором этаже, погибла семья из Сомали, живущая на третьем этаже. Не погибла лишь семья немцев, жившая на четвертом этаже. Сюжет во всех новостях. Тут же прибегают быдлоправозащитники, везде крики: Почему погибли мусульмане, чернокожие, а белые — нет?! Один из пожарных отвечает в интервью: «Потому что семья немцев была на работе!»

В этом случае происходит текстопорождение по свернутому дискурсу, который восходит к прецедентной ситуации, к большому потоку беженцев в Германии в 2016 г. Семья немцев не погибла — семья немцев работает. Беженцы погибли — они являются особым социальным слоем, пользующим определенными государственными льготами.

Рассматривая семантические признаки прецедентных текстуальных компонентов, очевидно, что их значение преимущественно будет определено по экстенционалу:

1. **Каждый сам себе БУРАТИНО**: данное высказывание можно определить как контаминацию определенных высказываний и некоторое множество значений смыслов, в зависимости от гештальт-структур, которые актуализируются в сознании читателя. Например: *Каждый сам себе X*, где *X* соответствует определенным характеристикам, выполняет определенную функцию. **Каждый сам себе РЕЖИССЕР** — прецедентное высказывание, которое также может восходить к значению смысла прецедентного текстуального компонента. Контаминация на семантическом пересечении *режиссер* и *Буратино* может оправдывать значение — каждый человек сам причина происходящего в своей жизни — сам себе голова.

2. *Это без велосипеда я ЗЛОЙ, а с велосипедом я вообще САТАНА* — происходит обращение к прецедентному метафорическому элементу «сатана». Семантически имя собственное переходит из прецедентного теологического имени в усиливающуюся характеристику функции первого субъекта, оставляя за собой переносный семантический смысл: ‘очень сильный по степени проявления’.

3. *А потом, представляешь, она заплакала. Вся тушь потекла, я словно с ДЖОКЕРОМ расставался:* Джокер — прецедентное имя, персонаж комиксов. Признаки внешнего сходства в высказывании на абстрактном уровне обращения к гештальт-структуре: образ суперзлодея *Джокера* метафорически переносится на черные круги под глазами девушки после растекания косметики вокруг глаз.

4. *Летят в самолете КЛИЧКО, святой отец и первоклассник. Вдруг в самолете что-то случилось с мотором, и он стал падать. На борту всего два парашюта, Кличко говорит:*

— *Я САМЫЙ УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК, я должен спастись, я нужен народу! Надевает парашют и прыгает к народу!*

Святой отец первокласснику:

— *Я старый, прожил свою жизнь, а тебе еще свою жизнь познавать, бери парашют и прыгай.*

— *Прыгать будем вместе, парашютов два, САМЫЙ УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК надел мой портфель!*

Прецедентное имя *Кличко*, которое относится к политическому дискурсу, в данном языковом формате представлено формулой «Кличко является Y», где объекту соответствует некоторая характеристика. «Кличко — не самый умный человек».

5. *Я уже так давно нормально не высыпался, что люди начинают меня спрашивать, знаю ли я Тайлера Дёрдена:* происходит обращение к прецедентному имени, т.е. высказывание содержит функцию «Тайлер Дерден является X»; и совокупность определенных семантических признаков воспроизводится благодаря обращению к редуцированному дискурсу по одной детали — характеристика главного героя произведения Ч. Паланика «Бойцовский клуб». Этот персонаж — человек, организовавший психотерапию с целью вымещения агрессии людей друг на друге в бойцовском клубе, агрессор и одновременно человек, страдающий психическими расстройствами.

6. *Сейчас модно выглядеть как дровосек, который не рубит деревья, а целый день ухаживает за собой, чтобы понравиться другим дровосекам:* отсылка к персонажу Ф. Баума «Волшебник страны Оз», или «Волшебник Изумрудного города», где дровосек имеет определенный семантический признак — «отсутствие сердца», а функциональный признак — «железный», состоящий из железа объект, который целый день ухаживает за собой, чтобы избежать процесса ржавления, но отказывающийся выполнять прямые функции — рубить дрова. Семантический признак «без сердца» обнаруживается благодаря подкреплению к редуцированному дискурсу по прецедентному имени абстрактного гештальт-образа.

СМЫСЛОВЫЕ КОНФИГУРАЦИИ

В дискурсивном пространстве социальных сетей тексты творчески переосмысливаются, и многие прецедентные текстуальные компоненты образуют интересные *смысловые конфигурации*. Наиболее распространен эффект языковой игры, который может актуализировать имманентные свойства текста:

1. *две параллельные прямые
живут в евклидовом мире
и бегают пересекаться
в мир лобачевского тайком.*

Семантику высказывания выведем с помощью употребленных прецедентных текстуальных компонентов: параллельные прямые — не пересекаются, *евклидовый мирок* — пренебрежительное название сущности, где объекты не взаимодействуют, поэтому объекты оказываются в *мире лобачевского*, где контакт возможен — существуют определенные тайные встречи между объектами X и Y.

2. — *А вот у нас крыша течет, и во дворе разруха. А вы наш депутат, как бы ...*
— *Скажите, а Вы любите Булгакова?*
— *Да, а что?*
— *Никогда и ничего не просите, никогда и ничего, особенно у тех, кто сильнее вас. Следующий...*

Использование интердискурсивной транспозиции рассчитано на текстопорождение в сознании смысла следующей фразы, как ключевого послесловия в диалоге: «сами всё предложат и сами всё дадут». Один из участников диалога отвечает цитатой из художественного произведения «Мастер и Маргарита» с целью создания определенного намека на бесполезное обращение к органам власти.

3. *Смотри дареному коню в зубы, выкинь из песни слово, сделай слово воробьем, намажь спасибо на хлеб, без труда вытащи рыбку из пруда. Иди против системы.*

Изменение модальности является также распространенным способом актуализации прецедентных текстуальных компонентов. В данном случае отрицательная тональность заменена положительной, что обеспечивает призыв к нестандартным решениям и возможному бунту в поведении.

4. *Тем временем слово «ихний» вступило в игил и теперь режет не только слух, но и неверных.*

В высказывании происходит контаминация семантических признаков: X режет слух, X режет неверных, X принадлежит Y, где значение Y уже содержит характеристику X (= резать неверных).

5. *Мало кто знает, что Шрёдингер обожал русские сказки. Особенно радовали его фразы «долго ли, коротко ли», «видимо-невидимо» и, конечно же, «жив, ни мертв».*

Русские сказки, содержащие выражение, которое говорит об одновременном состоянии состоянии живого и мертвого, совпадают по интенционалу с известным экспериментом «Кот Шрёдингера», где кот одновременно и жив и мертв.

Актуализация происходит при обращении к редуцированному дискурсу прецедентного имени и репрезентации по дискурсу гештальт-структуры «кот шрёдингера».

6. *Однажды я прочел в газете, что полиция ищет злоумышленника-садиста. Я позвонил им, но оказалось, что это была не вакансия.*

Происходит смысловая контаминация: полиция ищет X, Y ищет вакансии (ищет работу). Эффект языковой игры обуславливает пересечение языковой единицы «искать».

7. — Доктор, ну что там?
— *Боюсь, у вас ЗЛОКАЧЕСТВЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.*
— *Как же так... Где я свернул не туда?! Неужели мне теперь придется до конца дней искать работу по специальности и не находить ее?!*
— *Мне жаль, лечения нет. Если Вам станет легче, это распространенная нынче хворь, забирает миллионы жизней.*
— *Человечество обречено?*
— *Не совсем. Есть фантазеры, алкоголики и лентяи. У них врожденный иммунитет.*

Смысловая конфигурация «злокачественное высшее образование» представлена контаминацией интенционала-1 — ‘злокачественное образование’ (в значении ‘опухоль’) и интенционала-2 — ‘высшее образование’, пересечения происходят в самой значимой функции — злокачественное образование и качественное образование в вузе, со значением ‘злокачественный’, т.е. не соответствующего качества.

8. *Заходят в бар ГЕГЕЛЬ, НИЦШЕ и МАРКС, а бармен перестает мыслить, и все перестают существовать. Этим барменом был РЕНЕ ДЕКАРТ.*

В основе языковой игры расщепление прецедентного высказывания *Я мыслю, значит, существую*, которое принадлежит определенному экстенционалу — «Рене Декарт». Таким образом, X является определенным условием для Y.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семиотические элементы, функционирующие в дискурсивном пространстве социальных сетей, — это прецедентные текстуальные компоненты. Они имеют сложную многоуровневую структуру, которая образуется в сознании благодаря взаимодействию некоторого опыта и абстрактных неразложимых структур, способных к воспроизведению. Данные структуры подкреплены целостными нерасчленимыми образами и обеспечивают метафоризацию мышления на всех уровнях языка. Представленные образования способны образовывать определенные смысловые конфигурации. При анализе семантических признаков структуры прецедентных текстуальных компонентов и смысловых конфигураций было обнаружено, что в составе большинства из них содержатся конкретные прецедентные феномены в соотношении определенными с лингвистическими гештальтами. Основным способом образования данных элементов в дискурсивном пространстве

социальных сетей является контаминация и интердискурсивная транспозиция, зафиксированы также изменение модальности (отрицательная модальность заменяется положительной). Важным наблюдением является и то, что функционируя в практической речи, т.е. в неинституциональном дискурсе, значения данных языковых выражений всегда определяются по экстенционалу. Языковая личность, используя в общении прецедентные текстуальные компоненты, неосознанно оперирует определенным когнитивным стилем, в основе которого содержатся операции категоризации и расчленения и восприятия действительности и, соответственно, результат — использование определенных языковых средств.

© Преображенский С.Ю., Коновалова Д.Г.

Дата поступления: 15.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Богин Г.И.* (1984). Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов [*Bogin G.I. Model of language personality and in its relation to varieties of texts*]: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л.: ЛГУ.
2. *Болдырев Н.Н.* (2001). Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [*Boldyrev N. N Cognitive semantics: A course of lectures on English philology*]. Тамбов: Изд-во ТГУ. Изд. 2-е.
3. *Михайлов С.Н.* (2004). Жанровая специфика электронной коммуникации [*Mikhaylov S.N. Genre specifics of electronic communication*]/IV международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва.
4. *Юдина Н.В.* (2006) Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте [*Yudina N.V. Combinations “adjective + noun” in lingvocognitive aspect*]. Москва. Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ.

PRECEDENT TEXTUAL COMPONENTS IN SOCIAL NETS DISCOURSIIVE SPACE

S.Yu. Preobrazhenskiy, D.G. Konovalova

Peoples' Friendship university of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, 117198, Russia
kaf_yazik_rudn@mail.ru

The article describes some precedent textual components functioning in discursive space of social nets. Precedent textual components are semiotic units of this discursive space. They based on precedent phenomena and contain linguistic Gestalt in their structure. Correlation is observed because of the revival of the experience gained by a single detail. The analysis of semantic structure shows the defining role of extensional meaning. We analyzed combinations of various precedent textual components and discovered ability to form meaningful configuration through different semantic transformation.

Key words: cognitive style, linguistic gestalt, precedent textual component, the intension, extensional

АНАЛИЗ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ САЙТА МИД РФ МЕТОДОМ СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗА

(статья 2)

М.В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
belmax007@hotmail.com

Оценка тональности текста представляет собой одну из самых актуальных и современных задач прикладной лингвистики. Сентимент-анализ, являясь одним из формальных методов анализа текста, позволяет, с одной стороны, оценивать эмоциональную окрашенность текста, а с другой — делать содержательные выводы по результатам выявленного сентимента. В период информационных войн эта задача относится к задачам первостепенной важности. В статье рассматривается вариант сентимент-анализа на примере ряда категорий, сформированных по материалам текстов сайта МИД РФ за один месяц. Для проведения анализа были получены 2 словаря — положительно и отрицательно маркированных основ слов. Результаты обработки текстов программой сентимент-анализа позволили выделить и графически представить оценку тональности текстов выделенных категорий, что подтвердило возможность использования данного формализованного метода для оценки и формирования общественного мнения.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, сентимент-анализ, текст, сайт, МИД РФ

ВВЕДЕНИЕ

Автоматический анализ тональности (сентимент-анализ), выделяясь среди прочих современных методов формального анализа текстовой информации, декларирует в качестве своей основной задачи разработку алгоритмов по автоматическому структурированию текстовых данных и определение отзывов о них, т.е. объектом изучения сентимент-анализа являются выраженные в текстовой форме эмоции, мнения и оценки людей о каких-либо сущностях. Сентимент-анализ называют в зарубежной литературе также “opinion mining”, “sentiment extraction”, “subjectivity analysis” и др. К числу объектов, мнения людей о которых могут быть релевантными для подобного изучения, относятся продукты потребления, их атрибуты, службы по предоставлению различного рода услуг, организации, отдельные личности, события в мире, разнообразные темы, обсуждаемые в мировом сообществе, и т.д.

Данная область науки стала активно развиваться относительно недавно, и хотя первые исследования начались еще в 70—80-е гг. XX в. в работах таких исследователей, как Jaime Carbonell, Yorick Wilks и Janusz Bien, наибольшее число работ в этом направлении относится к концу 1990-х — началу 2000-х гг. К самым ранним из них относятся работы Hatzivassiloglou и McKeown (1997); Hearst (1992); Wiebe (1990—1994); Bruce и O'Hara (1999). Начиная с 2001 г. анализ тональности

стал одним из наиболее активно исследуемых разделов компьютерной лингвистики, в результате чего в последующие годы появилось значительное число работ по сентимент-анализу и извлечению мнений. Причиной столь пристального внимания исследователей к данной проблеме послужило сразу несколько факторов. Самым главным из них являлся активный рост сети Интернет, что открыло большие возможности для исследования эмоциональной составляющей в тексте, поскольку исследователям стало доступно бесконечное количество записанных в цифровой форме данных, выражающих в той или иной форме мнения людей. Кроме того, анализ тональности предоставил новые возможности для бизнеса, стал важной частью социологических исследований, нашел применение в коммерческой и промышленной сферах и впоследствии распространился на многие другие сферы общественной жизни. Все это послужило стимулом для активных исследований в данной области. Наконец, анализ тональности сам по себе открывал перед исследователями обширное поле для изучения, ставя перед ними множество подзадач, решение которых, в свою очередь, могло принести вклад в другие разделы исследований по обработке текстов на естественных языках.

Материалом для данного исследования послужили статьи сайта Министерства иностранных дел Российской Федерации. Статьи были опубликованы на сайте в разделе «Новости» с 1 по 28 февраля 2015 г. В выборку вошли все статьи, занимающие, по результатам контент-анализа [Беляков 20016], большее пространство в вербальном контенте поликодового сайта по сравнению с остальными. За единицу анализа был принят отрезок текста, соответствующий одной из следующих категорий: 1) украинский вопрос; 2) сотрудничество России с Китаем; 3) отношения России и Украины; 4) конфликт в Сирии; 5) сотрудничество с Туркменистаном; 6) отношения России и Греции; 7) санкции против России; 8) дипломатия сегодня.

ИНСТРУМЕНТ СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗА

Для проведения сентимент-анализа было составлено два словаря, которые включали в себя 300 основ слов положительно окрашенной лексики 390 основ отрицательно окрашенных слов. Программа производит поиск элементов из словаря в тексте, и в случае обнаружения слову приписывается соответствующая оценка «+1» или «-1». После того как программа проанализировала весь текст, оценки суммируются и выдается результат — сумма этих чисел.

Словарь положительно окрашенной лексики включал в себя следующие элементы: *автоном, авторитет, адаптац, адапти, адвокат, адекват, альтруист, ангел, аплод, баланс, безболез, безопас, безупреч, бесплатн, благо, благодар, благополуч, благоприят, благосл, блажен, блеск, блест, близ, блистательн, богат, бодр, божествен, братск, вдохнов, вежлив, великолеп, верн, весел, взбадр, вклад, внима, внимат, возмож, возрожд, восторг, восторж, восхитит, восхищ, выгод, выдающ, выигр, гарант, гостеприимн, действен, динамич, дипломат, добр, довер, доволен, довольтн, достиж, достижен, достоин, достойн, доступ, друж, желеае, желан, желат, желаю, забав, заветн, закон, заманчив, замет, замечательн, заслуж, защит, защищ, здоров, здрав, зрел, известн, изобил, изумл, изыскан, изю-*

минк, интерес, искрен, искрен, классич, комплимент, комфорт, конструктивн, красив, краснореч, красот, легк, ловк, лояльн, лучи, льгот, люб, любез, мил, мир, многофунк, молод, мораль, мудр, мужество, наград, надеж, надежн, наслажд, нрав, обалден, обеспеч, обогат, обогач, обожа, образов, обрат, обрац, одобрен, оживлен, опыт, остроум, ответствен, отзывчив, отлично, охотн, очаро, очищ, первоклас, плюс, побед, побежд, повыс, повыш, подвиг, поддерж, подлин, подробн, поздрав, поклон, полезн, положительн, польз, поощр, порядочн, потрясающ, похвал, почит, почтен, почтителн, прав, правд, праздн, превосход, преимуществ, прекрас, прелест, прибыль, приветлив, привлекает, прилич, приятн, проворн, продвинут, продуктив, пронциательн, прост, процвет, прочн, пунктуальн, работоспособ, равномер, радова, радость, развле, разумн, рационал, реабилит, регулир, резви, рекоменд, респектабельн, реформ, самодостаточн, самоопредел, свеж, свобод, свят, слав, славн, смел, совмест, соглас, соответств, сотруднич, спас, сплочен, спок, способн, справедл, стабильн, старае, старал, старат, стараю, стойк, сторонник, стрем, счаст, творчес, точн, трогательн, убедит, уваж, уверен, увлек, удач, удив, удоб, удовлетвор, удовольств, украс, украш, улыб, умел, умн, ура, уравниве, усерд, уси, успех, успеш, утвер, утвердит, ухажив, харизм, хорош, храбр, цвести, цвет, целомудр, ценн, цивилиз, чемпион, честолоб, четк, чист, чуда, чуд, чудес, щедр, экономичн, элегантн, энергич, энтузиа, эрудир, этич, эффективн, ярк, ясн.

Словарь отрицательно окрашенной лексики включал в себя следующие элементы: абсурд, аварии, авторитар, агрес, адск, аллергии, алчн, ампутир, анарх, аномал, антипатии, антироссийск, анти-социальн, апокалип, атак, банкрот, бедн, бедств, безмозг, безнадежн, безобраз, безраб, безум, беси, беспомощ, бессердеч, бесцельн, бесчувствен, беся, блокад, богохуль, бои, бой, бойкот, бойн, боле, болезн, боли, болн, боляц, бомб, боюсь, боя, варвар, взволнов, вздор, взлом, взятк, взяточничеств, вин, военн, возмут, возмуц, воин, войн, волнен, вопиюц, восстав, восстал, восстаниш, враг, враж, вред, вторг, вторж, выкин, высокомер, геноцид, глуп, гнев, гнусн, голод, горьк, грех, греш, груб, груц, гряз, губит, двуличн, двусмыслен, демон, дерзк, дескримин, деспот, диссидент, душеразди, душил, душил, дьявол, ересь, еретик, еретич, ерунд, жадн, жадност, жалоб, жалов, жалуе, жертв, жестк, жесток, забит, заговор, запуг, затрудн, зверств, зло, злоупотребл, зомби, идиот, избив, избие, избил, избит, изгна, изгон, испуг, истоц, каприз, катастроф, категорич, кипен, клевет, клевец, конфликт, корруп, косо, кошмар, крадет, крадут, краж, краст, крут, лгал, лгать, лжи, ликвидир, лицемер, лишен, ловушк, ложн, ложн, ложь, мерзост, месть, меша, минус, мошен, мсти, мук, мучи, надое, напад, напад, нарко, наруш, наруш, насилиш, нахал, не, неблаго, неверн, недостаток, недоум, нелеп, ненави, ненормальн, необосн, непостоян, неправ, неприят, неприят, непродуктивн, нерв, несправедлив, несчаст, нетерп, неудоб, неэффектив, нищенск, нищет, обвин, обид, обиж, обман, обостр, ожог, опас, опас, оплак, осади, осажд, оскверн, оскорб, осужд, отврат, отвратительн, отвращ, отним, отнял, отнять, отомиц, отрав, отста, отсутств, отталк, отягчающ, ошиб, ошибк, падении, перебран, плачевн, плох, поджиг, поджог, подл, подождл, позор, помех, поработи, порабоце, пораж, пориц, порок, пороч, порти, пострада, потряс, предав, предае, предат, предостер, прерыв, преслед, преступ, приниж, принуд, принужд,

пристав, проблем, провал, провокац, провоцир, промах, пропаст, противн, противореч, прочь, пуга, пуглив, рабс, равнодуи, радикал, разби, раздраж, размыт, разорв, разочар, разруш, разрыв, расизм, расист, ошибс, падениш, перебран, плачевн, плох, поджиг, поджог, подл, подождл, позор, помех, поработи, порабоце, порааж, пориц, порок, пороч, порти, порча, пострад, потряс, предав, предае, предат, предостер, прерыв, преслед, преступ, приниж, принуд, принужд, пристав, проблем, провал, провокац, провоцир, промах, пропасть, противн, противореч, прочь, пуга, пуглив, рабс, равнодуи, радикал, разби, раздраж, размыт, разорв, разочар, разруш, разрыв, расизм, расист, удуш, ужас, укра, умер, умир, уничтож, уныл, унын, устаре, утрат, утрач, фальсифи, фанат, фашизм, фашист, хаос, хаотич, хваст, холод, худ, хуже, хулиган, черств, чужд, шантаж, шок, шум, эгоизм, эгоист, язв.

Все отрезки текста заносились в программу, позволяющую определить тональность текста. Анализ самой часто встречаемой в статьях категории «Украинский вопрос» показал следующие результаты.

Третьего февраля, когда категория впервые встречается в текстовом массиве, тональность текста равняется «-8». Далее эта же категория встречается четвертого февраля и ее тональность составляет «-20». 5-го февраля тональность текста данной категории падает до «-48». Седьмого февраля она достигает своего минимума за неделю «-83» и восьмого февраля снова поднимается до «-5». В текстах, опубликованных за время второй недели февраля, тональность составляла «-6» в первый день и далее снова опустилась до «-8». К концу недели она составляла «-13». Анализ третьей недели показал диапазон распределения сентимента от «-22» до «-74». В последнюю неделю февраля средняя тональность текстов, относящихся к категории «Украинский вопрос», составила «-44,2» и достигла своего минимума за все время наблюдений — «-93».

Стоит отметить, что анализируемый период всего лишь на два месяца отстоял от момента пикового противостояния на Украине (Майдан, декабрь 2014 г.), когда еще не до конца была понятна глубина происходящей трагедии и перспектива развития событий. Этим объясняется и использование в названии категории слова *вопрос*, семантика которого предполагает неопределенность и неясность.

Рис. 1. Результаты сентимент-анализа категории «Украинский вопрос»

Вторая по распространенности в тексте категория — «Отношения России с Китаем». Данная категория имеет ярко выраженную позитивную эмоциональную окраску. В первую неделю она находилась в диапазоне от 6 до 11. В текстах, опубликованных на третьей неделе, искомая категория отсутствует. В третью неделю она варьировалась от 38 до 27. И в четвертую неделю тональность составляла от 23 до 41. Таким образом, самая высокая тональность данной категории равна 41. Это показывает, что категория «Отношения России с Китаем» обладает самой высокой сентимент-оценкой. Здесь название категории также говорит само за себя — семантика слова *отношения* без атрибута предполагает *хорошие* отношения.

Рис. 2. Сентимент анализ категории «Сотрудничество РФ с Китаем»

Анализ тональности текста третьей по частоте упоминаний категории «Отношения России и Украины» показал, что тема эта имеет также исключительно негативную эмоциональную окраску. В первый день появления темы в тексте у нее была отмечена тональность текста «-3», во второй — «-6», в третий — «-5». Начиная со второй недели количественный показатель эмоциональной оценки текстов данной категории начинает заметно падать. Диапазон составляет от «-8» до «-18». На третьей неделе анализ показывает самый низкий уровень тональности текста — от «-10» до «-32».

Сентимент-анализ текстов, относящихся к категории «Конфликт в Сирии» показал, что все тексты в выборке имеют отрицательную тональность. На четвертой неделе исследований тональность данной категории достигает своего минимума за месяц. Он составляет «-23».

Рис. 3. Сентимент-анализ категории «Отношения РФ и Украины»

Рис. 4. Сентимент-анализ категории «Конфликт в Сирии»

Далее идет категория «Сотрудничество с Туркменистаном». Тональность текстов данной категории является только позитивной. Наивысшую оценку тональности текста здесь получил текст, опубликованный на сайте в последнюю неделю исследования, она составляет «27».

Тексты категории «Отношения России и Греции» также окрашены позитивно. Самая высокая оценка равна «9».

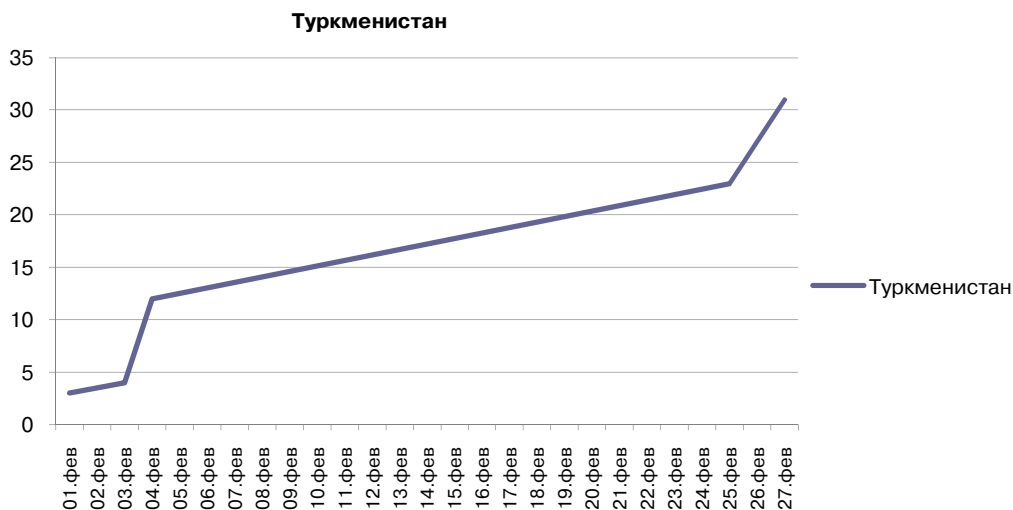

Рис. 5. Сентимент-анализ категории «Туркменистан»

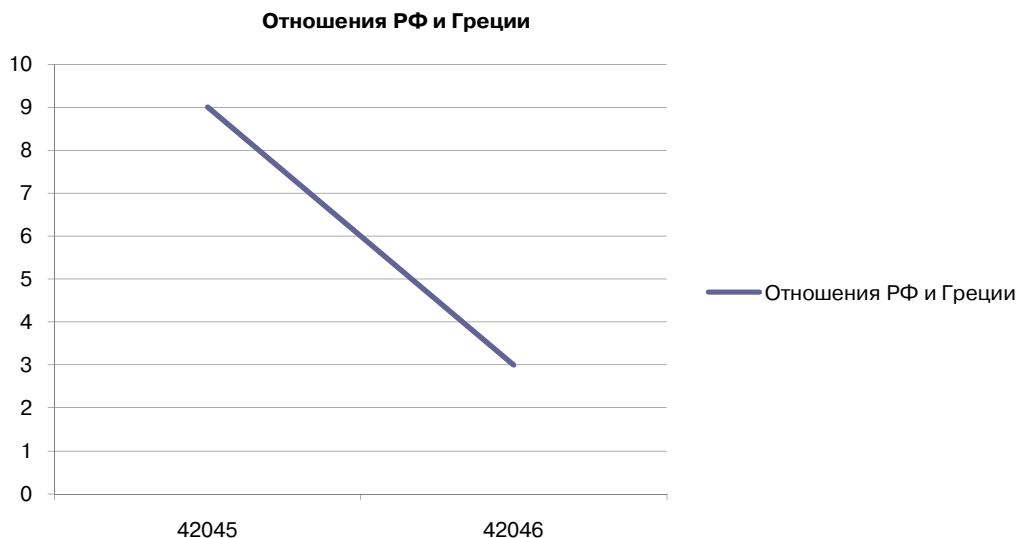

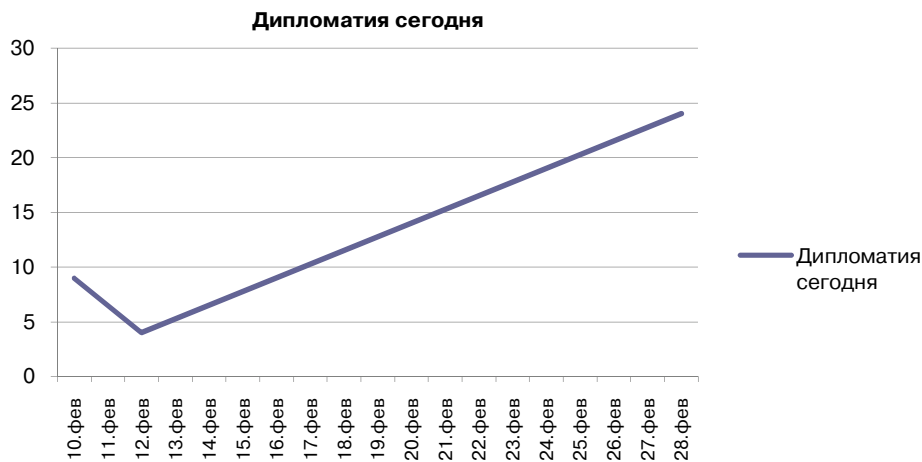
Рис. 6. Сентимент-анализ категории «Отношения РФ и Греции»

Категория «Санкции против России» предсказуемо имеет негативную эмоциональную окраску. В первую неделю сентимент равен «-4», начиная с третьей недели оценка начинает резко падать. В текстах третьей недели февраля она составляет от «-35» до «-53». На четвертой неделе эмоциональная окраска текстов данной категории снова понижается и располагается в диапазоне от «-9» до «-41».

Рис. 7. Сентимент-анализ категории «Санкции против России»

Последней проанализированной категорией была «Дипломатия сегодня». Впервые данная тема поднимается в текстах второй недели. Эмоциональная окраска составляет от «4» до «9». В текстах, опубликованных на сайте на третьей неделе февраля, тема дипломатии не поднималась.

Рис. 8. Сентимент-анализ категории «Дипломатия сегодня». Результаты проведенного сентимент-анализа

Проведенный сентимент-анализ текстов сайта МИД РФ показал, что самые популярные категории чаще имеют положительную эмоциональную окраску. Самую низкую тональность имеют тексты, относящиеся к тематической категории «Украинский вопрос». Кривая, показывающая тональность текста данной категории на графике, опускается до отметки «-90» и не поднимается выше «6». Вто-

рая по объему занимаемого текста в статьях категория «Сотрудничество России с Китаем», напротив, имеет позитивную окраску. Сентимент-анализ показал, что самая высокая тональность текста в один из дней составляла «41», самая низкая — «6». В категории «Отношения России с Украиной» присутствует значительное число негативно окрашенной лексики. Тональность находится в диапазоне от «-3» до «-25». Напротив, тексты категории «Сотрудничество России с Туркменистаном» отличаются сравнительно большим количеством позитивно окрашенной лексики. Оценка здесь варьируется от «3» до «31». Тексты категории «Отношения России и Греции» в феврале также были окрашены положительно — от «+3» до «+9». Категория «Санкции против России» выделяются низкой оценкой тональности — от «-4» до «-53». Показатели категории «Дипломатия сегодня» по своей тональности варьируются от «4» до «24».

Таким образом, положительно окрашенными оказались категории «Сотрудничество России с Китаем», «Сотрудничество России с Туркменистаном», «Отношения России и Греции» и «Дипломатия сегодня». Негативную окраску имеют следующие категории: «Украинский вопрос», «Отношения России с Украиной» и «Санкции против России».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один и тот же корпус текстов сайта МИД России, размещенных в разделе «Новости», был проанализирован двумя наиболее популярным сегодня формальными методами — контент- и сентимент-анализом. Контент-анализ [Беляков 2016] показал, что большее внимание уделяется теме «Украинский вопрос», второй по объему занимаемого текстового пространства является тема «Сотрудничество России с Китаем», далее идет тема «Конфликт в Сирии». После нее идет тема «Сотрудничество с Туркменистаном», далее — «Отношения России и Греции», после нее «Санкции против России» и далее тема «Дипломатия сегодня». Сентимент-анализ показал, что из них положительно окрашенными оказались категории «Сотрудничество России с Китаем», «Сотрудничество России с Туркменистаном», «Отношения России и Греции» и «Дипломатия сегодня». Негативную окраску имеют следующие категории: «Украинский вопрос», «Отношения России с Украиной» и «Санкции против России».

Сентимент-анализ — один из современных методов анализа текстов, используемый в прикладной лингвистике. За последние годы даже открылось немало коммерческих фирм, предлагающих свои услуги по анализу тональности текстов, что необходимо в первую очередь для анализа отзывов покупателей о приобретенных товарах. Все это перспективные направления в лингвистических исследованиях, используемые как производителями, заинтересованными как можно выгоднее продать свой товар, так и политическими и государственными структурами.

Анализ тональности за последние годы стал одним из самых перспективных направлений компьютерной лингвистики, в результате чего за последние 10 лет появилось немало работ в этом направлении, однако лишь немногие из них концентрировались на методах глубинного анализа тональности, который, несо-

мненно, требует дальнейших исследований. Применение систем анализа тональности может в значительной степени упростить процесс анализа мнений о событиях, происходящих в мире, так как при помощи анализа тональности становится возможным создание систем автоматической оценки общественного мнения [Максименко 2014].

© Беляков М.В.

Дата поступления: 24.04.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беляков М.В.* (2016). Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа (статья 1) [*Belyakov M.V. Content-analysis of the site mid. ru news*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. 2016. С. 58—67.
2. *Максименко О.И.* (2014). Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ [*Maksimenko O.I. Sentiment-analysis of media texts*] // IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сб. научных статей. Часть 1. М.: РУДН. С. 96—105.

THE ANALYSIS OF NEWS MESSAGES OF THE RF MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS WEB-SITE BY THE SENTIMENT-ANALYSIS (article 2)

M.V. Belyakov

Moscow State Institute of Foreign Relations (University)
76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
belmax007@hotmail.com

Text sentiment-analysis represents one of the most actual and modern problems of the applied linguistics. The sentiment-analysis, being one of formal methods of the text analysis the, allows to estimate, on the one hand, emotional tone of the text, and on the other to draw substantial conclusions by results of revealed sentiment. In the era of the information wars this task is the task of vital importance. The article considers the variant of the sentiment-analysis by the example of some categories generated on materials of texts of a site the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation for one month. To carry out of the analysis 2 dictionaries — positively and negatively marked words have been received. Results of processing by the program of the sentiment-analysis have allowed to allocate the text and graphically present an estimation of texts tonality of the categories that has confirmed an opportunity of using this formalized method for public opinion estimation and formation.

Key words: diplomatic discourse, web-site, sentiment-analysis, MID RF

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА (на примере французских пользователей)

Л.М. Букина

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, Коломна, Россия, 140410
lilehka1985@gmail.com

В статье предпринимается попытка исследования своеобразия виртуального общения на современном этапе, подчеркивается многомерность и неоднозначность решения многих проблем, связанных с интернет-коммуникацией, в частности: это дефиниция интернет-дискурса; отличие данного типа дискурса от других: электронного, виртуального, компьютерного; жанровая классификация интернет-дискурса. Иллюстративный материал получен эмпирически в процессе исследования таких составляющих французского интернет-дискурса, как блог, чат, социальная сеть, форум, электронная почта. На примере французских пользователей автор рассматривает лингвистические и паралингвистические особенности интернет-дискурса как особого типа речевого общения, разрабатывает характеристики его жанров. Одновременно анализируется эмотивная составляющая дискурса Сети и основные способы ее языкового выражения.

Ключевые слова: интернет-дискурс, лингвистическая особенность, паралингвистическая особенность, жанр, пользователь, дефиниция, классификация

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и интернетизации общества Интернет играет доминирующую роль во многих сферах человеческой деятельности. Сегодня глобальная сеть представляет собой определенную информационно-коммуникационную среду, в которой формируются и развиваются различные коммуникативные жанры. В связи с этим понятие **Интернет-дискурс** набирает свою популярность и становится предметом лингвистических изысканий многих зарубежных и отечественных ученых. Известны разнообразные подходы для обозначения этого емкого и неоднозначного понятия.

РАЗЛИЧНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ ТИПОВ ДИСКУРСА (ЭЛЕКТРОННОГО, ВИРТУАЛЬНОГО, КОМПЬЮТЕРНОГО)

Исследователи по-разному интерпретируют понятие Интернет-дискурс, дополняя и развивая идеи друг друга. Так, Е.В. Горина полагает, что Интернет-дискурс — это совокупность сетевых продуктов, созданных и существующих в виртуально-реальных условиях, в рамках лингвистического и паралингвистического контекста и воспринимаемые адресатом с учетом реализующейся коммуникативной и когнитивной деятельности [Горина 2014: 65].

По мнению Т.И. Рязанцевой, интернет-дискурс представляет собой часть речевой деятельности человека, осуществляемой в особых условиях [Рязанцева 2007: 203]. Л.С. Патрушева рассматривает это понятие как подвид виртуального дискурса, некое когнитивно-коммуникативное пространство, состоящее из многообразных жанровых форм онлайн и оффлайн коммуникаций [Патрушева 2013: 128]. С нашей точки зрения, Интернет-дискурс — это своеобразный коммуникационный сегмент, обладающий определенными лингвистическими и паралингвистическими особенностями. Речь идет об отдельной новой форме речи, возникающей в результате виртуального взаимодействия людей и обладающей своим коммуникативным кодом, реализующемся в специальных графических, лексических и стилистических средствах. Именно такое понимание интернет-дискурса позволяет нам продолжать исследование явления с лингвистической точки зрения.

Из-за отсутствия согласованности на уровне исследуемого объекта для учебных понятия электронный, виртуальный и компьютерный или интернет-дискурс не являются взаимозаменяемыми. Так, О.В. Лутовинова считает, что термины «компьютерный дискурс» и «электронный дискурс» являются синонимичными и обозначают текст, погруженный в ситуацию общения посредством электронных средств связи, а точнее — посредством компьютера. Интернет-дискурс предполагает общение в Глобальной Сети. Виртуальный дискурс подразумевает не только изменившийся канал связи, но и специфические особенности, накладываемые виртуальной реальностью [Лутовинова 2009: 10—11]. По-мнению Е.Ю. Распопиной, компьютерный интернет-дискурс четко дифференцируется от *виртуального* и *электронного* типов дискурса и характеризуется спецификой жанров. Согласно ее исследованиям понятие «виртуальный дискурс» намного шире, чем понятия «электронный дискурс» и «компьютерный дискурс». Любой дискурс посредством электронных средств связи может быть рассмотрен как электронный. Компьютерный дискурс в отличие от интернет-дискурса может осуществляться вне сети Интернет [Распопина 2010: 128—130].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В силу того, что интернет-дискурс — это особый тип речи [Ушаков 2010: 170], он обладает множеством лингвистических особенностей. Одной из главных отличительных черт дискурса Сети является отсутствие четкой оппозиции двух типов речи: устной и письменной.

С одной стороны, текст, набранный на клавиатуре, не сразу передается собеседнику, а значит, не является продуктом речевого аппарата. С другой стороны, ему присуща интонация устной речи, так как передаваемая информация, по сути, — спонтанный естественный поток речи, представленный на всеобщее обозрение и содержащий основные элементы коммуникативного кода: графические, лексические и стилистические средства. Например, на одном из французских форумов [URL: <http://forum.aufeminin.com>] участник под ником Camalia 2961 задает вопрос: *Bonjour je cherche un livre de genre fantastique pouvez-vous m'aider Svp*

(Здравствуйте, мне хотелось бы прочитать какую-нибудь фантастику, могли бы вы мне что-нибудь посоветовать?)¹. Затем следует совет другого пользователя: *Bonjour, J'ai récemment terminé mon propre roman fantastique. Si cela t'intéresse, n'hésite pas à me le dire car je mets quelques chapitres en ligne sur mon blog. (Я только что написала фантастику. Если это тебе интересно, сообщи мне: я выкладываю на своем форуме несколько глав)*. Доступность, отсутствие официоза и научности способствуют расширению способов лингвистического воздействия, а также оказывают положительное влияние на установление контакта между участниками коммуникации. Обсуждая лингвистический формат виртуального дискурса, Л.В. Мерзлякова пишет, что в данном случае речь идет «о письменном разговорном языке». Он подчиняется прагматическим установкам коммуникантов, оказавшихся в определенных условиях общения, к которым надо приспособиться не только психологически, но и лингвистически [Мерзлякова 2010: 41].

Другой характерной особенностью интернет-дискурса является нарушение всех известных норм грамматики, орфографии и лексики. Поскольку общение в Интернете часто спонтанно, то опечатки, орфографические и грамматические ошибки практически неизбежны. Необходимо отметить, что с появлением «речи» Интернета понятие «языковая норма» стало мыслиться достаточно неопределенно в силу быстрого темпа и отчасти примитивности интернет-коммуникации. В качестве доказательства приведем некоторые реплики французов, зарегистрированных на одном из французских форумов.

— *Bonjour **jhabite** dans l'Eure à St- Pierre- d'Autils.* — пропуск буквы **e** в местоимения 1 л. ед. ч. в форме **jhabite**;

— *...ceux qui peuvent me donner **des souvenir** de lui; je vous enverrai **des photo*** — пропуск буквы **s** в формах существительных **souvenirs** и **photos** мн. числа;

— *Alors **je chantait** dans ma chambre dès que je pouvais* — ошибка в окончании глагола в незаконченном прошедшем времени *Imparfait* в форме 1 л. ед. ч. **je chantait** [URL: <http://www.forum.aufeminin.com>].

Очевидно, что реплики коммуникантов в приведенных примерах содержат орфографические, грамматические и стилистические ошибки, поскольку для участников общения важна содержательная сторона высказывания и они не обращают внимания на опiski и языковые ошибки, которые не мешают восприятию информации.

Наиболее заметной и во многом объективной чертой интернет-дискурса как особого типа речи становится практика лексического, а иногда и грамматического заимствования. Современное перенасыщение виртуального языка англицизмами связано, в первую очередь, с тем, что изначально английский язык был языком Глобальной Сети. США, стоявшие у истоков создания компьютерной системы и являвшиеся лидером глобальной компьютеризации, принесли в невербальную по своей сути технологию английский язык. Помимо специальной терминологии пользователи Интернета активно употребляют английские заимствования из раз-

---

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л.Б.

личных областей жизни. Многие из них, например, очень прочно и активно вошли во французский интернет-дискурс, обросли производными и стали особыми семантическими и функциональными символами современной эпохи: *Les castings sont encore ouverts; Je suis contente car le week-end de Paque — je suis invitée à aller à une soirée show; Next step: une invitation*. По мнению Г.М. Костюшкиной и И.В. Горбуновой, это связано с тем, что зачастую, чтобы войти в некоторую социальную группу в Интернете, пользователь вынужден подстраиваться, соблюдая нормы сетевого этикета, переключая свой код общения, и поэтому предусмотрительно насыщать свои сообщения английскими заимствованиями [Костюшкина, Горбунова 2011: 75].

К лингвистическим особенностям Интернет-дискурса следует отнести множество сокращений и аббревиатур, которые выполняют в основном функцию экономии времени и пространства. В Интернете словообразовательные процессы достаточно активны и интенсивны, и любые языковые изменения приживаются быстро. Анализ некоторых французских чатов [http://www.chat.tchatche.com; http://www.tchatche.com; http://www.chat-france.net] показал, например, неоднократное повторение сокращений, которые вероятно уже закрепились в дискурсе Сети: *Mais svp svp svp svp svp je voudrais une invitation; je ne sais plus comment faire aidez-moi svp, ne vs laissez pas impresionner ni intimider; là ça risqué de faire très mal à tous ceux qui ns ont séparés*.

Такая языковая тенденция может объясняться и существованием в сети Интернет определенной системы опознавательных знаков. Это позволяет пользователям идентифицировать себя с определенными группами людей или, наоборот, отсеивать тех, круг интересов которых отличен от их собственных.

Принимая положение об интернет-дискурсе как об особой форме речи, следует говорить и о его эмотивной составляющей. Мы выделили несколько способов ее языкового выражения французскими пользователями. Так, чтобы выразить эмоции и передать чувства внутри интернет-сообщества, коммуниканты прибегают к повторению букв в одном слове, например: *par contre elle ad00000re presque tout ce qu'on mange*; к использованию восклицательных знаков в конце фразы: *tout nouveau et déjà fan!*, а также употребляют односоставные предложения-вокативы: *Cool! Wow! I like it!*

Своеобразие виртуального общения состоит в возможности графического отображения эмоций, интерпретация которых достаточно неоднозначна и субъективна. Одни и те же графические символы могут быть по-разному поняты и восприняты собеседниками. Отдельно хотелось бы отметить, что помимо графических, синтаксических и орфографических экспрессивных средств, французские собеседники по сети не менее активно используют лексические. Однако очень показательным то, что в качестве оценочной лексики они употребляют чаще всего английские слова и выражения, подчеркивая свою социальную значимость и ощущая себя важной частью виртуального сообщества, например: *Voilà j'ai liké la page; wow!!!; I like it; Done!, Yesss!; Euuuuuhh oookkk*.

Что касается прагматических особенностей интернет-дискурса, необходимо отметить, что главной отличительной чертой общения в Сети по сравнению с тра-

диционной коммуникацией является отсутствие временных ограничений. При необходимости имеется возможность подумать, уточнить факты, воспользоваться словарем. К тому же такой способ коммуникации позволяет скрыть невербальную реакцию собеседника. Другая прагматическая особенность — возможность скрыть свои личные данные, выступить под определенным ником, что помогает, с одной стороны, не демонстрировать свои эмоции, с другой же, — открыться многим неизвестным людям. Кроме прочего, из-за возможного отсутствия спонтанности речи можно отсрочить разговор, повременить с ответом. Все это позволяет довольно комфортно вести коммуникацию, достигать коммуникативной цели.

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Указанные лингвистические и паралингвистические характеристики могут проявляться в различной степени в зависимости от так называемого жанра интернет-дискурса. Решение вопроса о классификации жанров интернет-дискурса далеко неоднозначно. Так, Л.В. Мерзлякова полагает, что интернет-коммуникация представлена сегодня чатами, блогами, живыми журналами, электронной почтой, программами ICQ, FAQ, сотовой связью (SMS) [Мерзлякова 2010: 40].

На наш взгляд, решение проблемы не столь очевидно. Ведь интернет-курс — это виртуальная коммуникация посредством Интернета. Аббревиатура SMS переводится с английского языка как ‘сервис коротких сообщений’. А короткие текстовые сообщения – это альтернативная форма связи при помощи сотового телефона, необязательно подключенного к Глобальной Сети. В этой связи мы рассматривали бы SMS не как составляющую интернет-дискурса, а как отдельную структуру, заслуживающую особого внимания в рамках специального лингвистического исследования.

С нашей точки зрения, более точную классификацию основных жанров интернет-дискурса предлагает А.А. Ушаков. Он выделяет следующие составляющие виртуальной коммуникации: электронная почта, чат (из которого, по мнению Н.Б. Мечковской, появился форум [Мечковская 2009: 448]), блог, микроблог, социальные сети, общение с помощью программы Skype [Ушаков 2010: 171]. Анализ указанных жанров показывает, что все они актуальны и широко представлены в современной сети Интернет. Каждый жанр обладает рядом присущих ему лингвистических и экстралингвистических особенностей, краткий обзор которых представлен в этой статье.

Электронная почта — (англ. *electronic mail, email, e-mail*) — технология и предоставляемые ею услуги по пересылке и получению электронных сообщений, называемых «письма», или «электронные письма», по распределенной (в том числе глобальной) компьютерной сети [URL: <https://www.ru.wikipedia.org>]. Говоря о жанре «**электронные письма**», отметим, что речь идет об оффлайн-коммуникации, отличительной особенностью которой является временной интервал между инициативным и ответным письмом. Сравнение продуктов электронной почты с другими жанрами интернет-дискурса обнаруживает ряд ее особенностей, таких, как наибольшее соответствие требованиям делового письма, более серьезное соблю-

дение языкового стандарта, меньшее количество неполных эллиптических предложений, повторов, присутствие обращения к конкретному лицу, наличие определенной структуры, соблюдение норм этикета. Чаще всего электронная переписка является примером грамотной деловой разговорной речи, например:

Bonsoir!

J'ai passé une très bonne fête des femmes et toi? Je suis partie en exploration de la Russie tout ce week-end en allant du côté de Tolstoï et hier c'est fini par une très bonne soirée avec les chinois du foyer.

Amicalement!

Пример французского электронного письма иллюстрирует, что сообщение начинается с приветствия, затем следует основная информация, заканчивается письмо прощальной фразой, что полностью соответствует этикету переписки, и электронной тоже.

При написании письма выбор лексических единиц зависит от степени официальности. Если речь идет о формализованном деловом общении, то при приветствии и прощании адресант употребляет официально-деловую, книжную лексику, а именно: *Bonjour, Cordialement, Mes sincères salutations, Veuillez agréer (de mes sincères salutations, de mes salutations distinguées, de mes sentiments les meilleurs/les plus sincères, de mon profond respect, de mes salutations respectueuses)*. При написании письма друзьям и близким обращаются к иным формулам приветствия и прощания: *Salut, Slt, Amicalement, Hello, Coucou, Cc, Bises, Bouh, À plus, A+, Atte, Bisou, Bec, Bay*. Важно отметить, что для «виртуальных писем» свойственно широкое употребление англицизмов, в частности, для неформальных. К тому же из-за доминирующего влияния английского языка французы при обозначении понятия **электронное письмо** чаще употребляют такие английские слова, как: *un mail, un e-mail*, отказываясь от французских эквивалентов *une lettre électronique, un courriel*.

Блог — это виртуальный дневник, записи в котором датируются, а также делятся по темам и категориям. Веб-дневник отличается от обычного сайта формой контента и открыт всем пользователям виртуального пространства. В своих личных виртуальных дневниках блоггеры выкладывают фотографии, оставляют комментарии, делятся новостями. Почти каждый блог имеет счетчик посетителей и комментариев, что позволяет определить его актуальность. Именно на возможности комментировать запись в блоге и строится коммуникация. Лингвистический аспект общения этого жанра интернет-дискурса характеризуется серьезным отступлением от грамматических норм: вольные сокращения, орфографические ошибки, отсутствие заглавных букв, знаков препинания, использование сокращений и замена букв цифрами, использование многоточия в конце предложения, например:

— *L'union Européenne et ses 27 pays, pas facile à retenir et à localiser!!!* — эллиптическое предложение;

— *Quelle belle journée!!! Rien à dire, sinon des photos pour fixer ces instants de vie ensemble...* — использование в конце предложений повторяющихся знаков препинания;

— Le mauvais stress s'évacue AVANT l'épreuve, pas pendant (ni même après). Relisez les conseils que j'ai donnés lors du bac blanc: ils sont toujours d'actualité... — запись слова в середине предложения прописными буквами [URL: <http://www.lewebpedagogique.com>].

Следующим популярным жанром интернет-дискурса является микроблог в Твиттере (англ. Twitter), онлайн сервисе для ведения блогов, сообщения которых должны составлять не более 140 символов, включая пробелы. Микроблог был создан американским архитектором программного обеспечения Джеком Дорси 21 марта 2006 г. В феврале 2012 г. количество пользователей составило 500 миллионов (!), что свидетельствует о его популярности. К основным назначениям Твиттера можно отнести:

- 1) знакомство и общение с друзьями;
- 2) просмотр новостей;
- 3) возможность развития собственного бизнеса;
- 4) поиск информации о специальных предложениях и промокодах интересующих марок и магазинов;
- 5) поиск работы.

Можно предположить, что некоторые французские пользователи микроблога встречаются с определенными лингвистическими трудностями, такими, как большое количество аббревиатур и специальной лексики на английском языке, например: *Tweet, Tweeter, RT, Nick, Following, Followers, Twittos, Mention, Hashtag, FF, Timeline, NSFW, FoTD, Twunch, Twitcam, #TT, #PP*. Глагол *tweeter* (англицизм) обозначает размещение и публикация в сети сообщений. Этот глагол еще официально не вошел во французскую языковую систему, но его спряжение соответствует французской модели спряжения глаголов первой группы, а значит, есть вероятность появления этого слова в словаре французского языка в скором времени. *RT* — повторная публикация ранее выложенного в сети сообщения: *Merci! RT «@lili88120: @JohnnySjh Il n'y a personne qui donne autant que vous #respect vous êtes unique et on vous aime. Nick* представляет собой вариант английского слова *nickname*, что означает 'псевдоним'. Аббревиатура *DM* расшифровывается как *Direct Message*, т.е. личное адресное сообщение, закрытое от других пользователей. Сокращение *FF (#FF) (FollowFriday)* служит для обозначения пользователей, с которыми удалось познакомиться в Сети, и твитты которых интересны для участников коммуникации.

Особую популярность сегодня имеет такой жанр общения в социальной сети. Термин впервые был употреблен Джеймсом Барнзом в 1954 г. Особенность этой составляющей виртуального дискурса определяется содержанием контента, наполняемого самими участниками сети, находящихся в контакте. Они являются уникальным источником данных о жизни, интересах людей, их предпочтениях. В рамках этого жанра выделяют две группы коммуникационных инструментов:

- 1) собственно коммуникационные инструменты, которые используются для записи, хранения и представления коммуникационных данных, чаще всего в текстовом виде, но все больше в аудио- и видеоформатах;

- 2) интерактивные инструменты, которые используются для поддержки опосредованного данными различных медиаформатов взаимодействия между отдельными пользователями и их группами [Ушаков 2010: 172].

Общение в социальной сети фактически соответствует коммуникации лицом к лицу, вне зависимости от удаления пользователей друг от друга. В случае мгновенного обмена сообщениями, отсутствия возможности подумать, обратиться к словарю возникают опечатки и ошибки, которые достаточно часто не воспринимаются коммуникантами. Анализ французского сегмента социальной сети Facebook позволил определить некоторые лингвистические особенности этого жанра интернет-дискурса, в частности:

— наличие эллиптических предложений: *y a quelqu'un sur ce mur ?; Nope, y a personne; Suis toujours partante pour un cinoche; Faut que je demande la bagnole aux vieux; Pas eu le temps, m'y mets tout à l'heure; Pas drôle mais bientôt les vacances;*

— эмфатический порядок слов: *Zut, c'est moi qui voulais faire un cinoche avec toi, c'est manqué; Je t'envoie ce à quoi on a pensé;*

— использование сниженной и разговорной лексики: *J'ai trop kiffé (kiffer — 'нравиться', разг. 'кайфовать'); J'mate des photos sur le mur de Machin (mater — 'смотреть'); Merki (merki — 'спасибо'); Je viens de liker ta tronche (la tronche — 'рожа', 'морд'а); Ouais (ouais — 'да'); Je filocher (filocher ← filer — разг. 'сматываться', 'смываться'); Wesh toi (wesh — 'привет');*

— использование усечений и других видов сокращений: *Sl't (salut — 'привет'); S'lp (s'il te plaît — 'пожалуйста', 'прошу тебя'); Cc pas (ce n'est pas — 'не так', 'невозможно', отрицание) moi; t'fais (tu fais — букв. 'ты делаешь') quoi?; Les deux mdr (mourir de rire — букв. 'умирать от смеха'); On se retrouve comme d'hab (d'habitude — 'обычно', 'обыкновенно');*

— употребление англицизов: *Trop cool hein; Hello; Bye; Hey; tu as fait le replay d'hier; Je like ça; T'as vu le new post de Machin;*

— употребление междометий: *trop génial; bah bien; trop bien; Zut; Oh;*

— письменное фиксирование устной разговорной речи (фонетическое письмо): *J'ai ksa à faire tsé — Je n'ai que ça à faire tu sais.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистическая наука не дает единой трактовки и интерпретации понятия «интернет-дискурс». Из-за отсутствия его четкой и однозначной дефиниции пока не представляется возможным существование единой классификации жанров виртуального общения. Каждый из названных жанров обладает лингвостилистическими и прагматическими особенностями, которые заслуживают тщательного изучения.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий способствует развитию новых способов коммуникации. Интернет-дискурс является активно развивающимся направлением современной лингвистики и вызывает большой интерес со стороны исследователей национальных вариантов общения в Сети. На современном этапе в лингвистике не существует единого подхода к номинации исследуемого объекта. Ученые предлагают взаимозаменяемые определения для обозначения компьютерного интернет-дискурса. К тому же отсутствует четкое

понятие о жанровом разнообразии данного феномена. Интернет-дискурс, являясь частью коммуникативного пространства, обладает рядом лингвистических и паралингвистических признаков, которые находят свое отражение в речи коммуникантов Глобальной Сети Интернета.

© Букина Л.М.

Дата поступления: 15.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горина Е.В. (2014). Дискурс Интернета: определение понятия и методология исследования [Gorina E.V. The discourse of the Internet: the definition and methodology] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11(2). С. 64—67.
2. Костюшкина Г.М., Горбунова И.В. (2011). Стратегический аспект англицизмов в интернет-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета [Kostjushkina G.M., Gorbunova I.V. The strategic aspect of Anglicisms in Internetdiscourse]. № 33. С. 75—77.
3. Лутвинова О.В. (2009). Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса [Lutovinova O.V. Linguistic characteristics of virtual discourse]: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград.
4. Мерзлякова Л.В. (2010). Лингвистический формат виртуального дискурса [Merzlyakova L.V. Linguistic format virtual discourse] // <http://elibrary.ru/download/71832101.pdf> (дата обращения: 21.03.2016).
5. Мечковская Н.Б. (2009). История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета [Mechkovskaya N.B. The history of the language and the history of communication, from cuneiform to the Internet]. Москва: Наука.
6. Патрушева Л.С. (2013). Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации [Patrusheva L.S. Functional-and-stylistic features of the forum as a genre of Internet communication] // Вестник Удмуртского университета. № 5—4. С. 128—134.
7. Распопина Е.Ю. (2010). Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса [Raspopina E.Yu. Differential and genre features of the computer Internetdiscourse] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 125—132.
8. Рязанцева Т.Н. (2007). Некоторые особенности реализации коммуникативных принципов и стратегий в условиях компьютерно-опосредованного общения [Ryazantseva T.N. Some features of the implementation of communication principles and strategies in the context of computer-mediated communication] // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 202—211.
9. Ушаков А.А. (2010). Интернет-дискурс как особый тип речи [Ushakov A.A. Internet discourse as a particular type of speech] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. № 4. С. 170—174.
10. <http://forum.aufeminin.com> (дата обращения: 21.02.2016).
11. <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.03.2016).
12. <http://lewebpedagogique.com> (дата обращения: 05.03.2016).

**LINGUISTIC AND PARALINGUISTIC ASPECT
OF INTERNETDISCOURSE
(on the example of french users)**

L.M. Bukina

State University of Social Studies and Humanities
30, Zelenaya str., Kolomna, Russia, 140410
lilehka1985@gmail.com

This paper attempts to study the identity of virtual communication on the modern stage, and stresses the multidimensionality and ambiguity of solutions of many problems associated with Internet communications such as: the definition of the Internet discourse, the difference of this type of discourse from others: electronic, virtual, computer ones; the genre classification of the Internet discourse.

Illustrative material is derived empirically in the process of investigating such components of the French Internet discourse – blogs, chats, social networking, forums, e-mails. By the example of French users the author considers linguistic and paralinguistic features of the Internet discourse as a special type of speech, and offers the essential characteristics of its genres. The article also analyzes an emotive component of the Networking discourse and the basic ways of its linguistic expression

Key words: Internet discourse, linguistic peculiarity, paralinguistic peculiarity, genre, user, definition, classification

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ АГЕНТОВ СПОРТИВНОГО СОБЫТИЯ В РУССКИХ СПОРТИВНЫХ МЕДИА¹

А.Н. Гриценко, П.В. Морослин

Международный гуманитарно-лингвистический институт
Волгоградский просп., 32-11, Москва, Россия, 109316
scotom@list.ru

Изучение метафор связывают традиционно с изучением литературы, но, по мнению Д. Лакофф и М. Джонсон, сфера метафор не ограничивается только литературным или поэтическим языком: они применяются и в других областях, например, в разговорной речи или в языке СМИ. При этом заслуживают внимания и метафорические номинации агентов спортивного события в русских спортивных средствах массовой информации.

Известно, что осмысление спортивного состязания как войны или боя приводит к такому словесному преобразованию, когда соперники предстают как враги, а на войне враги — это солдаты. Такое преобразование является регулярным и рассматривается как значимое. Для обозначения спортивного соперника используются различные слова из тематической группы «враг», часть из которых уже утратила метафоричность, например, слово *противник* превратилось в регулярное обозначение.

Проведя анализ номинаций участников спортивных состязаний, отмечаем, что все метафорические наименования можно разделить на три группы: обобщенные наименования, собирательные наименования и единичные наименования.

Ключевые слова: метафорическая номинация, агент спортивного события, спортивные медиа, спортивный дискурс, обобщенные наименования, собирательные наименования, единичные наименования

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление спортивного состязания как войны или боя неминуемо приводит к такой вербальной трансформации, в результате которой соперники предстают в роли врагов, а на войне врагами являются солдаты. Такая трансформация является регулярной и рассматривается как временная, то есть *соперник* — это ‘враг, солдат вражеской армии’, но только в конкретной игре, конкретном матче, и это одно из важнейших условий восприятия спорта как игровой деятельности. Однако нередко смысловая трансформация подобного рода может представляться весьма долгосрочной, когда речь идет о давних или регулярных соперниках, которые в течение многих лет борются за победу, а их встречи являются регулярными, имеют свою историю, свою мифологию, складывающиеся ритуалы противостояния и подготовки.

Если спортсмены — солдаты, то вполне естественно представление о командах как об армиях. Эти армии ведут сражения, проигрывают и выигрывают битвы, одерживают победы, наступают и отступают. Следовательно, тренер и капитан команды являются командующими, а за спортсменами закрепляются определенные военные профессии, среди которых наиболее популярными являются профессии снайпера и защитника.

¹ Источник: портал Sport.ru.

НОМИНАЦИИ СПОРТИВНОГО СОПЕРНИКА

Для обозначения спортивного соперника часто используются различные слова из тематической группы «враг», причем некоторые из них, например слово *противник* уже давно утратили всякую метафоричность, превратившись в регулярное обозначение объекта. В русском спортивном дискурсе из группы синонимов с общим значением «враг» — *неприятель, недруг, антагонист* и другие — встречается в основном только опорное слово, причем чаще всего в заголовках:

Враги и друзья. Почему «Ювентус» заслужил победу над «Монако» (А. Логинов, 15-04-2015: sports.ru);

Враг в отражении. «Арсенал» победил «Челси» его же оружием (А. Шекемов, 3-08-2015: sports.ru).

Нередко это слово встречается в составе устойчивых словосочетаний, например: *заклятый враг, вечный (извечный) враг, кровный враг*, и помогает указывать на долговременный характер соперничества спортивных команд:

397-е Олд Фирм Дерби должно заставить многочисленную армию поклонников британского футбола на время забыть об английской Премьер Лиге и насладиться очередным спектаклем в исполнении *заклятых врагов* — «Селтика» и «Рейнджерс» (Е. Данилов, 28-12-2011: sport.ru);

«Спартак» на Ходынке выиграл у *заклятых врагов* из ЦСКА (Е. Данилов, 15-10-2010: sport.ru); Во-первых, именно с именем старого-нового тренера связан последний успех «Спартака» в чемпионате (если таковым можно считать бездарно упущенное *извечными врагами* на финише переходного сезона второе место), во-вторых, авторитет легендарного в прошлом футболиста среди нового поколения спартаковцев был и остается почти непререкаемым (И. Манчев, 5-03-2013: sport.ru);

Но что вы прикажете, нам делать? Покупать для них игроков?», — это уже президент сербской «Црвены Звезды», у которой хоть есть *вечный враг* «Партизан» (С. Бабарика, 20-10-2011: sport.ru);

В воскресенье в Италии прошла очередная серия одного из самых «горячих» дерби Европы — в Милане на «Сан-Сиро» встречались «Милан» и «Интер» — не просто соседи по стадиону, а *идеологические соперники*, болельщики которых считают друг друга кровными врагами, клубы, один из которых воскресным миланским вечером де-факто оформил чемпионский титул... (А. Данилов, 16-02-2009: sport.ru);

Третье поражение кряду «Шпоры» потерпели от команды, которая движется в обратном направлении — набравшего отменную форму «Эвертона», практически догнавшего *кровных врагов* из «Ливерпуля» и демонстрирующего желание и потенциальную возможность побороться за что-то значительное — Кубок Англии или же место в семерке (А. Данилов, 13-03-2012: sport.ru).

Крайне редко словосочетание *кровный враг* «перерастает» в более сильную лексему, имеющую более устойчивые и яркие коннотации, — *кровник*:

В финале ЦСКА встретился со своим давним *«кровником»* — «Панатинаикосом» Обрадовича (М. Кукош, 27-12-2009: sport.ru).

При этом, как видим, и самому автору кажется, что слово «слишком образное» для данного контекста, поэтому использует кавычки.

Нейтральное слово *неприятель* также в достаточной степени употребительно и используется как вполне регулярный синоним слова «соперник», постепенно утрачивая свою образность:

Оставшись в чистом поле в окружении жестокого *неприятеля*, Радулов сник (8-03-2013: sport.ru);

И монстр этот чаще падал от легкого дуновения ветерка, чем выбивал *неприятеля* из игры одним-двумя ударами. Понимающих в футболе людей это ничуть не удивило (И. Манчев, 5-03-2013: sport.ru).

Недруг серьезно отличается от *неприятеля* тем, что последний рассматривается как субъект, исполняющий свою роль по обстоятельствам, позиционно, временно; первый же означает противостояние принципиальное, разрешимое только в схватке. Лексема *недруг* — менее нейтральная, чем *неприятель*, имеющая более отчетливые и устойчивые коннотации, намекающая на невозможность мирного исхода событий, встречается в спортивных текстах почти в два раза чаще (!). В доказательство приведем тот факт, что портал Sport.ru, на котором размещено огромное количество спортивных текстов, на слово *неприятель* выдает 19 контекстов, а на слово *недруг* — 40 контекстов:

Под игру в Саранске можно было организовать хороший дневной сон. «Мордовия» прилично ждала дерзостей от соперника, чтобы ими воспользоваться и поймать *недруга* на контратаке (Д. Проскурин, 29-09.2014: sport.ru).

Еще одно слово, которое также довольно часто используется для обозначения противника в спорте, — *оппонент*. Чаще всего оно актуально применительно к парным видам спорта, так как устойчиво ассоциируется не столько с войной, сколько с политической борьбой:

Кудрявцева и Линдстедт трижды брали подачу *оппонентов*, сделали три эйса и шесть двойных ошибок (25-01-2016: sport.ru);

«Что касается соперников сборной по товарищеским матчам, то обсуждались потенциальные *оппоненты* на июнь в лице сборной Италии и одной из стран Великобритании, поскольку оттуда у нас есть соперники в группе на Евро-2016. Про товарищеский матч в марте речи не было», передает слова Лебедева «Чемпионат.com» (27-01-2016: sport.ru).

ОБОБЩЕННЫЕ, ИЛИ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ, НОМИНАЦИИ

Помимо отвлеченного наименования по отношению к спортсменам могут использоваться собирательные (обобщенные) наименования или единичные, конкретизирующие. Основное наименование может быть представлено словами *войско*, *армия*, которые встречаются в речи для обозначении команды крайне редко:

Совмещение постов Слуцким не навредит сборной России. Если до этого не навредило, то и теперь не навредит. Я желаю удачи ему и всему его *войску!*» (30-10-2015: sport.ru).

Более часто в спортивных текстах отмечаются лексемы, которые называют отдельные воинские подразделения, например, *отряд*:

[Хоккей]. *Отряд* Быкова для «Кубка Карьяла» (29-10-2007: sport.ru).

К этой же группе слов следует отнести слово *резерв (резервист)*, которое называет запасных игроков, систему подготовки новых игроков:

...Кержаков в будущем курировал систему подготовки *резерва* в Российском футбольном союзе (РФС)... (20-09-2015: sport.ru).

В отдельных случаях с названной целью используются исторические наименования, которые использовались для именования воинских подразделений в различные эпохи в разных странах. Например, слово *армада* обычно используется для того, чтобы назвать в первую очередь испанскую футбольную сборную, и лишь потом оно начинает переноситься на другие команды:

Стала ли встреча испанской армады с островитянами откровением, или же обернулась... с Ирландией. Так и возила испанская армада соперника по всему периметру его половины... (15-06-2012: sport.ru);

(...), что с потерей Гётце желто-черная армада лишилась половины боевой мощи (27-01-2012: sport.ru).

Довольно часто для обозначения национальных команд используются такие слова, как *стан* и *дружина*:

...Боккетти рассказал о хорошей атмосфере *в стане* красно-белых с приходом нового наставника... (4-02-2016: sport.ru);

...полузащитник Андрей Аршавин отправился в стан черно-белых на просмотр (4-02-2016: sport.ru);

Сербская *дружина*, собранная из игроков не старше 20 лет, обыграла сверстников из Бразилии в финальном матче прошедшего в Окленде (Новая Зеландия) турнира со счетом 2 : 1 (13-01-2012: sport.ru).

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЕДИНИЧНАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Особый интерес вызывает использование слов, являющихся, по сути, исторической номенклатурой, для называния команд и спортивных сообществ, например, *когорта, легион (легионер)*:

«Саутгемптон», кажется, уже вошел в ту *когорту* клубов, куда рвется «Халл Сити» (31-10-2014: sport.ru);

В финальном поединке сошлись сборные Греции и Германии, которых специалисты перед началом турнира хоть и относили *к когорте* ведущих команд, в числе соискателей главного трофея не видели (26-09-2005: sport.ru);

Руководство донецкого «Шахтера» приняло решение пополнить бразильский *легион* команды еще одним представителем родины кудесников мяча (5-07-2014: sport.ru).

Необходимо заметить, что данные слова не просто обозначают команду спортсменов, а называют особые группы: *когорта* — ‘элита, топ спортсменов или команд’, *легион* — ‘спортсмены, приглашенные из других стран’.

Отдельную группу составляют слова — единичные наименования спортсменов, последовательно проводящие параллель: *солдат* — *спортсмен*. В русскоязычном лингвистическом пространстве базовые наименования: *солдат, рядовой, пехотинец* — практически не используется в роли метафорических номинаций, хотя вполне возможны в сравнительных оборотах, например:

Плохую шутку со СКА сыграло то, что *накидной рысью* прошли «Атлант» и «Северсталь». Как *конница по пехоте* (15-04-2013: sport.ru).

Довольно редко в этой ситуации используются и сленговые единицы, например, *рубака*:

...первый бой в лиге. Хартнелл — знатный *рубака*, один из лучших и жестких силовиков... (29-12-2013: sport.ru);

... И действительно, отмечали обозреватели, для такого *рубак* тридцать три — не критический возраст (29-12-2013: sport.ru).

Зато довольно часто используются заимствованные термины, называющие воинов по различного рода специализации, например, *гладиатор* — ‘сражающийся до конца, тот, который не сдается’, (или спортсмен из того региона, который входил в состав Древнего Рима, итальянец, испанец); *гренадер* — ‘высокий спортсмен’, *резервист* — ‘новичок в команде, запасной’; *легионер* — ‘спортсмен-иностранец’, сравните:

[Теннис]. Евгений Кафельников: «Упрекнуть ребят сегодня не в чем, как *гладиаторы* бились» (19-09-2015: sport.ru);

[Футбол]. *Гладиаторы* против кельтов (заголовки) (22-09-2014: sport.ru);

...Руди Гарсия продолжает вести *гладиаторов* вперед — «Рома» не только побеждает, но... (29-12-2013: sport.ru);

...яркой капитанской повязкой, оставленной Торбинским. Защитник-*гренадер* Да Кошта играет центрфорварда... (29-01-2016: sport.ru);

...по итогам голосования тренеров клубов НБА определены *резервисты* сборных Запада и Востока на Матч (26-09-2014: sport.ru);

...из «Спартака» Мурат Якин остался доволен игрой *резервистов* в кубковом матче в Комсомольске-на-Амуре... (29-02-2008: sport.ru);

Если игру ЦСКА уместно сравнить с *отрядом гусар летучих* Дениса Давыдова (Радулова), то СКА — это отборная гвардия Наполеона, которая перегруппировавшись после трех поражений кряду, нашла управу на отважных *партизан*, отчаянно смелых, выносливых, по-спортивному злых, но все-таки не имеющих такую воинскую выучку, как большинство *«гвардейцев»* Быкова (Р. Карманов, 8-04-2015: sportsdaily.ru).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ номинаций участников спортивных соревнований показал, что все метафорические наименования можно условно разделить на три группы: обобщенные наименования, собирательные наименования, единичные наименования; при этом в подгруппу единичных можно включить и специализированные наименования. Среди слов данной группы почти не встречается сленговых, жаргонных, просторечных наименований, лексем с отрицательной коннотацией, лексическое значение которых апеллирует к фактам агрессии. Все это ярко демонстрирует «игровой», подражательный характер вербализации спортивных событий, когда вполне допустимо назвать игру «резня», но нельзя применять столь же яркие номинации к спортсменам или тренерам, так как это выходит за рамки этического поведения.

© Гриценко А.Н., Морослин П.В.

Дата поступления: 26.05.2016.

Дата принятия к печати: 07.06.2016

METAPHORICAL NOMINATIONS OF AGENTS OF SPORTS EVENT IN RUSSIAN SPORTING MEDIA

A.N. Gritsenko, P.V. Moroslin

International Institute of Humanities
Volgogradskiy pr., 32-11, Moscow, Russia, 109316
scotom@list.ru

Studying the metaphors is traditionally connected with studying of literature, but as D. Lakoff and M. Johnson stated in their work “Metaphors We Live By”, the use of metaphors isn’t confined only by literary and poetic language. They are used in different spheres of our life, for example in everyday speech and in journalism. It is known that comprehending of a sport competition as a war or a battle leads to such verbal transformation where rivals appear as enemies and enemies at war are called soldiers. Such transformation is regular and is treated as temporal. Different words from the group “enemy” are used to denominate a sporting rival some of which have already lost metaphorical character, for example the word “opponent” has become a regular denomination of an object.

Having done the analysis of denominations of the word competitor we state that all metaphorical denominations can be divided into three groups: generalized denominations, collective denominations, isolated denominations.

Key words: metaphorical denominations, agent of sporting event, sporting media, sporting discourse, generalized denominations, collective denominations, isolated denominations

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»

УДК [811.512.154:811.161.1]’25

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ» И/ИЛИ «ЖАНЫБАРЫМ ГУЛСАРЫМ» (два заголовка — два семантико-стилистических содержания)

Н.М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
ул. Решетова, 4, Узбекистан, Ташкент, 100133
nursultan79@mail.ru

На основе анализа названия повести Ч. Айтматова «Прощай, Гутьсары» на русском и кыргызском «Жаныбырым Гулсарым» языках выявляются семантико-стилистические различия заголовков одного художественного текста на двух языках: на кыргызском языке обозначает *дух, душа, сила, мощь, жизнь, живой, благородный конь*; на русском языке — *прощание, расставание, неизвестность в будущем*. Ч. Айтматов и писатель-билингв, и писатель билингвальный, владеющий двумя языками и писавший свои произведения на двух языках, что и породило разные семантико-стилистические выдвигания в заголовках названия на двух языках одного и того же произведения, которое он не переводил, а заново писал на другом языке, согласно его языкоречевым законам, семантико-стилистическим, лингвокультурологическим и другим особенностям. Доказывается, что в заголовках названия одного произведения, написанного на двух языках одним писателем, выдвинуты разные значения, которые оказывают на читателя разное информационное и эстетическое воздействие.

Ключевые слова: жаныбарым (кирг.); прощай, Гутьсары; писатель-билингв; писатель билингвальный; билингвальность; идентичность/неидентичность; национальный; межкультурный; семантико-стилистический

ВВЕДЕНИЕ

Произведения Ч. Айтматова широко известны и распространены в современном мире. О межнационально-художественной, полисоциальной, полимежкультурной значимости произведений Ч. Айтматова У.М. Бахтикиреева пишет: «По данным ЮНЕСКО, Ч. Айтматов — один из наиболее охотно читаемых и охотно издаваемых писателей планеты. Его произведения издаются на всех континентах: Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии. Повести и романы писателя переве-

дены более чем на 165 языков мира, более 830 раз изданы общим тиражом свыше 67,2 млн экземпляров (данные на 1998)...» [Бахтикиреева 2012: 54]. Поликонтинентальная известность писателя и его произведений осуществлялась благодаря его великому таланту, переводческой деятельности в области художественного слова.

Произведения Ч. Айтматова в бывшем СССР переводились на русский с кыргызского языка или они писались автором на двух языках — кыргызском и русском, или же на одном — русском языке. Переводы его произведений на другие языки народов СССР осуществлялись с кыргызского языка и с русского языка на казахский, узбекский и др.; с русского языка — на грузинский, армянский и др.

На других географических пространствах переводы осуществлялись в основном с текста на русском языке. Но были случаи, когда перевод его произведения осуществлялся уже с текста двойного или же тройного перевода: произведение с кыргызского языка переведено на русский, с русского языка на другой язык, и уже с текста этого двойного перевода, т.е. с текста уже на третьем языке, осуществлялся перевод на четвертый язык.

Перевод во все времена был и остается одним из самых быстрых способов осуществления межнационального, межкультурного общения как на уровне жизни отдельно взятого индивида, так и на уровне жизни человеческого общества в целом, охватывающий не только межнациональные, но и межгосударственные отношения во всех отраслях социальной деятельности человека и социума.

Художественная деятельность общества вообще и конкретного писателя в частности — одна из больших социальных сфер в жизни человечества, так как она способствует формированию не только художественного вкуса, чувства слова, но и духовных ценностей, которые, как правило, зиждутся на совокупности двух константных составляющих — национальных и общечеловеческих.

В собственно научной (литературоведение, лингвистика), научно-популярной, художественной и публицистической литературе очень часто обращаются к образцам перевода не только всего художественного произведения, но и особенно к образцам перевода его названия (заголовка текста). В этом смысле названия произведений Ч. Айтматова не остались без внимания специалистов [см. Абдувалиева 2012].

ОРИГИНАЛ, ПЕРЕВОД: БИЛИНГВАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Безусловно, в любом художественном переводе как названия произведения, так и всего текста произведения присутствует прежде всего соответствие оригиналу и, конечно же, фрагменты (и порой большие) — несоответствия оригиналу [см.: Мастерство перевода, 1975 и др.]. Остановимся здесь на особенностях названия одного произведения Ч. Айтматова, широко известному русскому и в целом русскоязычному читателю, — в формулировке «Прощай, Гульсары» [Айтматов 1966; 2012], а на кыргызском языке в формулировке — «Жаныбарым Гульсарым». Сразу отметим, что слово *жаныбар* (-ы — аффикс принадлежности (притяжатель-

ности) 3-его лица; **-ым** — аффикс принадлежности 1-го лица ед. ч.) в кыргызском языке ни в коем случае не имеет значения ‘прощай, до свидания, пока, до встречи’ и т.п.

Слово *жан* персидского происхождения от *жон* имеет значение ‘дух, душа, жизнь, живой, сила-мощь’ [Қазақ әдеби тілі сөздігі, 2011, Т. 5: 709—725; Ўзбек тилининг изоҳли луғати 2006, Т. 2: 102—104]. В тюркских языках значение персидского слова *жон* расширилось, и слово стало полисемантическим. От персидского слова *жон* (*жан*) образовалось персидское слово *жонивор* и кыргызское слово *жаныбар* (ср.: *жануар* (каз.), *жонивор* (узб.)), что означает ‘живой’, т.е. ‘тот, кто обладает жизнью, душой, духом’.

Многие названия произведений Ч. Айтматова на кыргызском и русском языках неэквивалентны. В лучшем случае их значения лишь отдаленно намекают на то главное национально-ментальное и общечеловеческое содержание, которое было заложено в оригинале. Это объясняется тем, что переводчик вправе работать в рамках различных типов перевода, как например:

1) дословный перевод: в этом случае нередко не отражается тот объем семантико-стилистического, национального, исторического, философского, общечеловеческого содержания, которым наполнен заголовок текста в оригинале;

2) смысловой перевод (с опорой на содержание названия произведения в оригинале): в этом случае передается (сохраняется) тот объем семантико-стилистического, национального, исторического, философского, общечеловеческого содержания, которым наполнен заголовок текста в оригинале, возможно, за исключением отдельных нюансов, непередаваемых на другом языке, либо, например, в связи с необходимостью соблюдения принципа краткости и других лингвистических и экстралингвистических причин;

3) смысловой перевод названия (с опорой на содержание названия произведения в оригинале и на общее содержание текста произведения): в этом случае название произведения в переводе может быть в той или иной степени узнаваемым при сравнении с названием оригинала, но оно а) не является полностью идентичным названию оригинала; б) в большей степени присутствует смысловой перевод в сочетании с авторским;

4) смысловой перевод названия (с опорой в целом на содержание произведения): в этом случае, как правило, заголовки произведения в оригинале и в переводе не совпадают, но после чтения произведения билингв (не монолингв!) приходит к выводу, что такой (данный) перевод названия произведения считать неадекватным нельзя.

Подобный вольный, авторский перевод названия произведения объясняется прежде всего тем, что:

а) перевод названия произведения на второй язык идентичен оригиналу абсолютно, а, согласно теории выдвижения, порой не может быть серьезным, всеобъемлющим выдвижением заголовка текста как в плане художественном, так и в плане содержательном;

б) переводчик не владеет или слабо владеет языком оригинала, опирается на подстрочник, который ни в коем случае не может полностью передавать худо-

жественные, семантико-стилистические, ментальные, этнопсихологические и др. особенности содержания оригинала;

5) полностью вольный (домысленный переводчиком) перевод названия произведения: в этом случае содержание названия в переводе полностью изменено и не соответствует содержанию его названия в оригинале. Переводчик невольно «становится соавтором» текста оригинала.

Переводы названий произведений Ч. Айтматова осуществлены и распределяются по всем этим пяти типам перевода заголовка художественного текста, но при этом доминируют переводы названий с опорой на общее содержание произведения: это смысловой и вольный, авторский перевод.

Отмечается и обратный процесс, когда произведения Ч. Айтматова, написанные на русском языке, затем переводились на кыргызский язык или заново писались на кыргызском языке, так как он и писатель-билингв и писатель билингвальный, т.е. писавший на двух языках — русском и кыргызском, кыргызском и русском. И в этом случае, как правило, кыргызский вариант названия произведения получался более содержательным, более художественно значимым, потому что это кыргызское или казахское, или общечеловеческое внутреннее содержание названия произведения в сознании Ч. Айтматова присутствовало и оформлялось на генетически родном языке, даже тогда, когда он писал это произведение на русском языке, т.е. изначально не на генетически родном языке. У индивидов, в совершенстве владеющих двумя и более языками, осуществляющих творческую деятельность в одинаковой степени высокохудожественно или высоконаучно, нередки случаи, когда мысль и соответствующие фразы, фрагменты текста внутренне, в сознании формируются на одном языке, а письменное оформление осуществляется на другом языке. В этом случае глубинно национальное, которое в таком «девственном» виде не может быть сформированным в процессе мыслительной деятельности на другом языке, оказывается в прекрасном виде отраженным в письменной речи на этом втором языке. Точно так же у билингвов бывает и наоборот: мыслительная деятельность осуществляется на неродном языке, а письменное оформление осуществляется на родном языке.

Такое речевое творчество писателя билингва может дать один из двух результатов:

1) мыслительная деятельность на втором равнозначном, но не на генетически родном языке может обогатить оформление произведения на первом, генетически родном языке;

2) мыслительная деятельность на втором равнозначном, но не на генетически родном языке, может не обогатить оформление произведения на первом, генетически родном языке как в плане использования языковых средств, так и в плане насыщенности текста национально-культурным содержанием.

Все это мы видим в тюркско-инофонном би-/полилингвизме Ч. Айтматова [см.: Абдувалиева 2012; Джусупов 2012 и др.], потому что его произведения в целом и названия произведений в частности несут в себе отпечаток прежде всего высокой и глубокой билингвальности, которая, как уже отмечалось, характеризу-

ется двуплановостью, включающей позитивный и непозитивный план. В любом случае билингвальность и полилингвальность Ч. Айтматова подняли его на самую высокую вершину писательского творчества, на мировую вершину художественной деятельности второй половины XX в. — начале XXI в.

«ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ» И «ЖАНЫБАРЫМ ГУЛСАРЫМ»: ИДЕНТИЧНОСТЬ/НЕИДЕНТИЧНОСТЬ

Названия произведений Ч. Айтматова в основном осуществлены в переводах по смыслу содержания текста оригинала, что нередко способствовало потере символичности или ее подмене, замене одной символичности на другую, утрате или смягчению или же возрастанию трагичности, благородства, национальной ментальности и т.д. Это породило два разных подхода в выдвигании смысла в названиях его произведений на кыргызском и русском языках:

1) кыргызское название произведения в сознании читателя порождает одни ассоциации, формирует и возбуждает одни психообразы. Например, «Жаныбарым Гулсарым»: слово *жаныбарым* порождает ассоциации, типа: **дух, душа, жизнь, живой; восхищение животным (конем), его выносливостью, преданностью, чувствительностью, благородством, быстроногостью, красотой**, с одной стороны, **обездоленности, оскорбленности коня** — символа, доброго сожаления о случившемся, сожаление без горечи, без бичевания, благородной жалости, с другой стороны [о зоосимволах в тюркских, английском и русском языках см.: Джусупов 2011], возбуждает психообраз коня — символа благородства, преданности человеку;

2) русское название произведения в сознании читателя порождает другие ассоциации, формирует и возбуждает другие психообразы. Например, «Прощай, Гульсары»: слово *прощай* порождает ассоциации: **уход, завершенность действия, сожаление** и т.п.; возбуждает психообразы прощания, будущей неизвестности и т.п.

Таким образом, в русском названии произведения отсутствует главный символ тюрков в целом и особенно казахов и кыргызов — символ благородного животного — коня.

Почему так получилось, что одно и то же произведение одного и того же автора на двух языках называется по-разному и поэтому порождает в сознании читателя на каждом языке в отдельности разные ассоциации, возбуждает разные психообразы?

Название произведения в целом маркируется по его основному содержанию или же по содержанию какой-то части, на основе какой-то мысли, которую автор или переводчик считает доминантной, «идееносительной». Так, два разных названия одной повести Ч. Айтматова на кыргызском и русском языках, на наш взгляд, можно объяснить разными смысло-содержательными подходами к выдвиганию заголовка художественного текста одного и того же произведения.

1. При маркировании названия повести на кыргызском языке «Жаныбарым Гулсарым» на передний план выдвинуто национально-культурное — кыргызское,

казахское — понимание и восприятие символа-коня как духа, души, жизни, олицетворения живого, т.е. *жаныбарым*, преданного и чувствительного друга человека (моего друга), которым следует восхищаться, которого надо ласкать, беречь, уважать и жалеть, выхаживать, если с ними что-то случится. В этом названии содержится благородство, высокая духовность (есть *жан* — ‘душа, дух, жизнь’); забота о животном мире, равное, даже более высокое отношение к животному (в данном случае в целом к лошадям), чем даже к самому себе, потому что конь (или лошадь) — и кормилец, и победитель, и друг, и попутчик в жизни, и символ красоты, стремительности, благородных поступков, человеколюбия, преданности человеку, высоких и положительных инстинктов, редкой человекоберегающей интуиции.

2. При маркировании названия повести на русском языке «Прощай, Гультары» на передний план выдвинуто восприятие и понимание прощания с лошастью, которая обездолена, загнана, оскорблена и ослаблена. В таком названии отсутствует национально-культурный компонент — символ коня как духа, души, жизни, как олицетворения всего живого, как крыльев джигита, как предмета восхищения и преклонения, как предмета ласки и заботы, как друга, тонко чувствующего настроение человека.

3. Кыргызское название «Жаныбарым Гулсарым» позволяет предположить, что это **конь**, а не **лошадь** (хотя слово *жаныбар* может употребляться по отношению ко всем видам животных этого рода, в зависимости от ситуации общения с ними, но очень редко в отношении **осла (ишака)**, **мула**).

4. Русское название «Прощай, Гулсары» позволяет предположить (если русскоязычный монолингв уже прочитал произведение), что это вообще **лошадь**, а не **конь**, который восхищает своими скаковыми качествами всех окружающих, т.е. в этом названии отсутствует то высоко-конское (высоко-лошадиное) качество, которое заложено в кыргызском слове *жаныбар* (*жаныбарым*).

5. Исходя из русского названия «Прощай, Гультары» индивид, еще не читавший повесть, может предположить, что Гультары — это не животное (не конь, не лошадь), а человек, а именно девушка или женщина, с которой прощаются возможно надолго или навсегда. Такое предположение индивида, еще не читавшего повесть, усиливается и тем, что со слова *гул* (‘цветок’) начинаются тюркские женские имена, состоящие их двух корней (*Гулжан* — Гул + жан ‘цветок + душа’; *Гулдана* — Гул + дана ‘цветок + единственный’; ‘цветок + необычный’). А если к этому добавить, что в казахском и кыргызском языках есть широко распространенные женские имена с компонентом *сара*, например: *Гулсара* — Гул + Сара; *Айсара* — Ай + Сара, то очевидно, что такой индивид перед чтением будет уверен: повесть «Прощай, Гультары» — это повесть о прощании с возлюбленной, которую зовут *Гультары* [см.: Джусупов 2014].

Таким образом, в русском названии повести присутствует двусмысленность, а в кыргызском названии такой двусмысленности нет, потому что слово *жаныбар* (*жаныбар* + **ЫМ**) во многих тюркских языках используется только по отношению к животному вообще и прежде всего по отношению к животным лошадиной породы и животным верблюжьей породы, особенно на западе Казахстана.

6. Н. Гумилев стихотворение «Шестое чувство» завершает такими строками:

Так век за веком — скоро ли, господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства [Гумилев 1988: 332].

Да, у человека и животного есть шестое чувство, которое не явно, не объяснимо, не материализовано, но оно заложено в нас, направляет нас, спасает нас, и по-человечески, как кажется, порой беспричинно радуется или мучает нас. То же самое у такого благородного животного, каким является конь или лошадь.

В кыргызском слове *жаныбар* (*жануар* (каз.); *жонивор* (узб. и перс.)) заложено это ощущение шестого чувства, когда наездник и конь понимают друг друга без слов, без движения, и в самые трудные, самые опасные для их жизни моменты, когда и конь и всадник становятся как одно целое — кентавр, выводя друг друга в безопасное место, когда и конь и наездник на полном скаку именно благодаря шестому чувству вдруг начинают реально осознавать, что впереди пропасть, которой раньше не было, и, не видя, не слыша, не осязая, не нюхая, но «одним нюхом», т.е. шестым чувством, интуицией, вдруг самопроизвольно сворачивают в другую сторону, уходя от опасности.

В кыргызском слове *жаныбар* (*жан* ‘дух, душа, жизнь, живой’; *бар* ‘есть’) заложена победа жизни, духа, души. Любой казах, кыргыз, постоянно находящийся в общении с конем, при употреблении этого слова *жаныбар* — *жануар* — *жонивор* по отношению к коню чувствует то, чего не чувствует в условиях общения с людьми и с другими животными. Это понятное-непонятное и есть шестое чувство, заложённое в слове *жаныбар* (*жануар*, *жонивор*), т.е. «кричит наш дух, изнемогает плоть...», но... не «рождает орган для шестого чувства», по Ч. Айтматову: шестое чувство в нас без органа, потому что *жаныбар* (*жануар*, *жонивор*) — это присутствие духа, души, жизни.

В русском названии «Прощай, Гульсары» «не видно», «не осознается», «не просматривается» это шестое чувство, которое неподвластно нам, но мы подвластны ему.

Итак, даже «неправильность» заголовка произведения на втором языке может обеспечить художественному тексту великое настоящее и будущее. Именно такой оказалась судьба повести Ч. Айтматова, названная на русском языке «Прощай, Гульсары». Это «неправильное» оформление названия повести на русском языке приобрело символическое значение.

Идентичное высокохудожественное оформление как названия, так и всего текста произведения на двух языках почти недостижимая или редко достижимая вершина, к которой стремятся все переводчики, все писатели и поэты. Эта высокохудожественная переводческая или художественно-билингвальная вершина (если автор пишет на двух языках, как Ч. Айтматов) — вершина для избранных.

О.О. Сулейменов о переводе писал так:

(...) дела любимые,
А дело в том —
Хайяма переводит
новый том,

Я говорил ему, остерегал,
а он лишь улыбается, нахал.
А я:
«Читать Хайяма в переводе,
поверь, как будто ехать на подводе,
грохочущей по улке немощной.
Переводи
слепых через дорогу,
переводи других —
его не трогай!
Перескажи Бетховена,
попробуй!
Перетанцуй Уланову,
попробуй!
И в пене, самой мыльной
Афродиту,
Попробуйте, друзья,
переродите!» [Сулейменов 1973: 137—138].

Этот отрывок из стихотворения О.О. Сулейменова мы приводим как пример ответственного отношения художника к переводу. Так, «если судить по содержанию отрывка, кажется, что О.О. Сулейменов не является сторонником художественного перевода. На самом деле — поэт предупреждает переводчика о трудности и огромной ответственности его работы. Поэт считает, что произведение в переводе на другой язык должно звучать так же содержательно и красиво, как на языке оригинала...» [Джусупов 2008: 105].

В данном случае повесть Ч. Айтматова «Жаныбарым Гулсарым» (на русском — «Прощай, Гульсары») является образцом высокохудожественного текста на двух языках. Единственным исключением является семантико-стилистическая и лингвокультурологическая неидентичность содержания заголовка повести на кыргызском и русском языках. Но каждый язык идиоматичен, поэтому в каждом языке есть сугубо национально-лингвокультурологически идиоматичные языковые единицы. В кыргызском, казахском и во многих других тюркских языках такой идиоматической языковой единицей является слово *жануар* — *жонивор* структуры жан + ы + бар + ым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русском языке нет слова или словосочетания, посредством которых можно было бы передать тот объем семантико-стилистического содержания, который заложен в тюркском слове *жаныбар* (*жануар*, *жонивор*), заимствованного из фарси. Именно поэтому русское название повести Ч. Айтматова оформлено в виде «Прощай, Гульсары», которое не соответствует кыргызскому названию повести. Но с позиции русского, русскоязычного читателя-монолингва, в сознании которого не сформировано кыргызское, казахское и в целом тюркское понятие и психообраз *жаныбар*, данное оформление названия произведения является высокохудожественным.

ственным, логически тесно взаимосвязанным с содержанием всего текста повести, но с выдвиганием на передний план не кыргызского лингвально-национально-культурного аспекта содержания заголовка текста, а другого — универсального общечеловеческого содержания, т.е. значения прощания, расставания.

Таким образом, билингвальный писатель серьезно отличается от писателя-билингва: первый владеет двумя языками и оформляет свои художественные произведения на двух языках; второй владеет двумя языками, но оформляет свои художественные произведения на одном языке, на второй язык его произведения переводятся переводчиком или совместно с переводчиком.

Билингвальное творчество одного писателя порождает два оригинала произведения, которые посвящены одной теме, но по своим языкоречевым средствам, обозначающим одно и то же понятие, явление, предмет, могут заметно отличаться в передаче семантико-стилистических, лингвокультурологических и других их характеристик, свойств, которые неидентичны, неэквивалентны в обоих сравниваемых языках, в его художественной деятельности. Ярким примером такой неидентичности, неэквивалентности и являются различные семантико-стилистические выдвигания в формулировках названий одного и того же произведения Ч. Айтматова на русском и кыргызском языках «Прощай, Гульсары», «Жаныбарым Гулсарым».

© Джусупов Н.М.

Дата поступления: 27.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдувалиева Р. (2012). Чингиз Айтматов — билингвальная личность [*Abduvalieva R. The bilingual person*] // The International Conference «In Memory of Chingiz Ajtmatov». 8—9 June, 2012. Orleans House Gallery, Twickenham, TW1 3DJ. London: Bilingual Selected works: English-Russian. UK.
2. Айтматов Ч.Т. (2012). Прощай, Гульсары (сборник книг) [*Ajtmatov Ch.T. Farewell, Gulsary (collected books)*]. Москва, ЭКСМО.
3. Айтматов Ч.Т. (1966). Прощай, Гульсары [*Ajtmatov Ch.T. Farewell, Gulsary*] // Новый мир, Москва, 1966, № 3 (первая публикация).
4. Бахтикиреева У.М. (2012). Айтматовведение в XXI веке [*Bahtikireeva U.M. Aytmatov studies of XXI century*] // The International Conference «In Memory of Chingiz Aitmatov». 8—9 June, 2012. Orleans House Gallery, Twickenham, TW1 3DJ. London: Bilingual Selected works: English-Russian. UK.
5. Гумилев Н. (1988). Стихи-поэмы [*Gumilev N. The poetries and poems*]. Тбилиси. «Мерани».
6. Джусупов М. (2012). Евразийское полиэтническое пространство: Ч. Айтматов сквозь призму тюркско-инофонного би- и полилингвизма [*Dzhusupov M. The Euro-Asian multilingual area: Ch. Ajtmatov through the prizm of the Turkic non-native bi- and multilinguism*] // The International Conference «In Memory of Chingiz Aitmatov». 8—9 June, 2012. Orleans House Gallery, Twickenham, TW1 3DJ. London: Bilingual Selected works: English-Russian. UK.
7. Джусупов М. (2014). Оригинал и перевод заголовков произведений Чингиза Айтматова как выразители разных национально-культурных и общечеловеческих ценностей [*Dzhusupov M. The original and translation of Chingiz Ajtmatov's titles as examples of the difference*]

- national-cultural and universal values] // Жизнь языка в культуре и социуме-4: Материалы международной конференции. Москва, РУДН, Институт языкознания РАН.
8. Джусупов М. (2008). Русская литература в тюркском (кыргызском) звучании [Dzhusupov M. The Russian literature in Turkic (Kyrgyz) language] / Русский язык за рубежом. Москва.
  9. Джусупов Н.М. (2011). Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект) [Dzhusupov N.M. The Turkic symbol in the literary text (linguo-cognitive aspect)]. Астана, Тюркская Академия.
  10. Қазақ әдеби тілінің сөздігі (ҚӘТС). (2011). [The literary dictionary of the Kazakh language]. Он бес томдық. Алматы, 5-ші том.
  11. Мастерство перевода. Сборник статей (1975). [The art of translation. Collected articles]. Москва: изд-во «Художественная литература».
  12. Сулейменов О.О. (1973). Повторяя в полдень. Стихи разных лет [Suleymenov O.O. The Afternoon Reiteration. Poetry of different years]. Алма-Ата, «Жазушы».
  13. Ўзбек тилининг изоҳли луғати (ЎТИЛ-2006). (2006). [The Uzbek language dictionary]. 5 жилд. Тошкент, «Ўзбекистон», «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 2 жилд.

**CHINGIZ AJTMATOV:
“FAREWELL, GULSARI” AND/OR “JANIBARIM GULSARIM”
(two titles — two semantico-stylistic contents)**

N.M. Dzhusupov

Uzbek State University of World Languages
4, Reshetov str., Tashkent, Uzbekistan, 100133
nursultan79@mail.ru

The article deals with the analysis of the title of Chingiz Aytmatov’s novel “Farewell Gulsari” in Russian and Kyrgyz (“Janibarim Gulsarim”) languages. The author reveals some semantico-stylistic differences of the titles of the same fiction in both languages: in Kyrgyz language the word «jani barim» means ‘spirit, soul, life, alive, power-might’; in Russian the title of the narrative means ‘farewell, a parting, uncertainty in future’. It is argued that different meanings are revealed in the titles of one narrative, which was written in two languages by one and the same writer. These meanings exert on the reader different informative and esthetic impact. Russian and Kyrgyz readers come to similar quantity of semantico-stylistic and esthetic concepts, feelings and empathy on having finished reading the narrative. Ch. Ajtmatov is a writer-bilingual and at once a bilingual writer, who wrote his works in two languages. This is a reason of different semantico-stylistic meanings of the titles in two languages, which he didn’t translate, but he wrote it anew in another language by taking into consideration the speech act rules, linguocultural and other features of both languages.

Key words: janybarym, farewell, Gulsary, text title, bilingualism, writer-bilingual, bilingual writer, translation, identity-nonidentity, semantico-stylistic, national, universal, cultural

А.П. ЧЕХОВ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПЕРЕВОДОВ РАССКАЗА «ПАРИ»

Р.В. Монфорте Дюпре

Университет Страны Басков

Пасео-де-ла-Универсидад, 5, Витория-Гастейс, Испания, 01006

robertovicente.monforte@ehu.eus

О.С. Чеснокова

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Chesnokova_os@pfur.ru

Статья посвящена различным аспектам перевода рассказа А.П. Чехова «Пари» (1889) на испанский язык в парадигме эквивалентности. Для сопоставительного анализа двух образцов художественного перевода (Эйно Зернаск — перевод на неродной язык, Виктор Гальего Бальестеро — перевод на родной язык) был проведен стилистический анализ оригинала, выяснены особенности отраженного в нем идиолекта Чехова. С использованием методики обратного перевода и комплексного филологического анализа обсуждаются передача выявленного многоголосия оригинала, стилистических особенностей речи персонажей, перевод лексико-семантических средств. Анализ показал, что обе версии приближены к передаче идиолекта Чехова в оригинале (многоголосие, тональность, лексико-семантические средства, риторика) средствами испанского языка. Разбираются отдельные неточности в переводе. Сделан вывод о смещениях тональности повествования в обеих версиях, о преобладании разговорного регистра в версии Эйно Зернаска. В версии Виктора Гальего Бальестеро происходит повышение тональности за счет лексико-синонимических средств. Перевод Эйно Зернаска точно следует за оригиналом, но и испытал русскую интерференцию, что привело к переводческим ошибкам. Статья может быть полезна в преподавании теории и практики перевода с русского языка на испанский и с испанского языка на русский, а также в различных теоретических курсах по переводу.

Ключевые слова: Чехов, русская литература, перевод художественного текста, испанский язык, прямой перевод, сопоставление переводов, обратный перевод, перевод на родной язык, перевод на неродной язык

ВВЕДЕНИЕ

Переводные тексты А.П. Чехова — естественный способ приобщения к творчеству великого русского писателя для носителей иной культуры. Идиолект писателя, его повествовательные стратегии, также специфика примененных языковых средств представляют интересную творческую задачу при передаче средствами иного языка. От того, какой перевод прочтет носитель иной культуры, зависит его восприятие и впечатление от произведения. Переводчик при этом выступает как первый интерпретатор оригинала.

Предметом данной статьи являются два перевода на испанский язык рассказа А.П. Чехова «Пари» (1889): перевод Эйно Зернаска (1912—1985) [Chéjov 2000] и перевод Виктора Гальего Бальестеро [Chéjov 2005]¹. Для сравнения переводов

---

¹ Далее для оригинала [Чехов 1962] используется аббревиатура Ч, для перевода Эйно Зернаска [Chéjov 2000] — Z, для перевода Виктора Гальего Бальестеро [Chéjov 2005] — GB; числа после аббревиатур означают номера страниц.

в статье использован комплексный филологический анализ языковых средств рассказа, их интерпретация в переводах, а также методика обратного перевода на основе профессионального опыта авторов — носителей испанского и русского языков и специалистов по русистике и испанистике.

Главной теоретическим инструментом при оценке переводов для нас выступает понятие эквивалентности в его широком понимании, в трактовке одного из классиков российского переводоведения, известного филолога-испаниста В.С. Виноградова (1925—2009), в соответствии с которым под эквивалентностью понимается «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Более того, эквивалентность оригинала и перевода — это, прежде всего, общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту» [Виноградов 2001: 19].

СЮЖЕТ И ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА

Рассказ «Пари» начинается с разговора гостей в доме преуспевающего банкира о двух способах наказания: смертной казни и пожизненного заключения. Возникает спор, какой из этих способов более гуманен. Хозяин дома и молодой юрист заключают пари. По его условиям, юрист должен провести пятнадцать лет в заключении без связи с внешним миром. Срок пари подходит к концу. К этому времени банкир почти обанкротился. Узник же из безалаберного молодого человека, скоропалительно согласившегося на пари, превратился в умудренного жизненным опытом, почерпнутым из книг, человека. Заключенный делает нравственный выбор: «Все ничтожно, брэнно, призрачно и обманчиво, как мираж» [Ч: 256] и решает добровольно нарушить пари непосредственно накануне окончания его срока. Это парадоксальное, с точки зрения зачина повествования, решение спасает от разорения банкира, практически решившегося на убийство узника. Банкир, прочитав объяснительное письмо спящего и не заметившего его прихода узника, целует его и прячет письмо.

Рассказ написан в годы зрелого мастерства Чехова, когда им была апробирована техника, названная известным специалистом по творчеству писателя А.П. Чудаковым «объективным повествованием» [Чудаков 1971: 44], что особенно характерно для изображения внутреннего мира персонажей, когда повествователь «исключает себя как самостоятельный воспринимающий субъект» [Чудаков 1971: 44] и ограничивает свое право на всезнание.

Пониманию повествовательных стратегий данного рассказа и оценке их переводов может способствовать нарратологическая концепция В.И. Тюпы, в которой повествовательные тактики соотносятся с четырьмя «простейшими» жанрами: сказанием, притчей, анекдотом и жизнеописанием [Тюпа 2001: <http://mychekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml>]. Используя предложенную модель, можно заключить, что рассказ Чехова тяготеет к притче, т.к. в нем явно присутствует нравственное по-

учение. Более того, тексты Чехова богаты реалиями русской жизни, что делает их привлекательным материалом в преподавании русского языка как иностранного. Насыщенность реалиями не свойственна данному рассказу, поскольку его риторика тяготеет к притче вне времени.

Филологический анализ рассказа показывает, что в нем наблюдается многоголосие: голос рассказчика, ведущего «объективное повествование», голос самоуверенного банкира, голоса беззаботных и уверенных в себе гостей, голос молодого бесшабашного юриста, превращающегося в одухотворенного старца, речь которого разительно меняется. Многоголосие отражается и в разнообразии стилей (от разговорного до поэтически-возвышенного) и коммуникативных приемов, требующих внимания при переводе.

ПЕРЕВОДЧИКИ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Переводчик выступает как первый интерпретатор-герменевт текста оригинала, и от его коммуникативных переводческих намерений зависит восприятие оригинала на другом языке. Поэтому закономерно при сопоставлении переводов обратиться к личностям переводчиков. «Сделать переводчика более видимым» призывал, в частности, Лоуренс Венутти [Venutti 1995: 17].

Эйно Зернаск родился в 1912 г. в г. Екатеринодаре (в настоящее время — Краснодар) в эстонской семье, изучал филологию в Киеве. С 1937 г. Зернаск жил в Буэнос-Айресе, где скончался в 1985 г. Зернаск известен как переводчик на испанский язык Чехова. В его переводах в испанском издании *Edasha* издавались и переиздавались сборники рассказов Чехова. В посмертном издании в Буэнос-Айресе вышла его книга «Другой сад: жизнь и творчество Антона Чехова» [Zernask 1986], в которой изложены его размышления о жизни, творчестве Чехова, о переводах писателя на другие языки, о Чехове в кино, о традициях и быте до-революционной России.

Виктор Гальего Бальестеро (р. 1972) — уроженец Мадрида, выпускник славянского отделения Мадридского университета Комплутенсе. С 90-х гг. начинает деятельность профессионального переводчика русской литературы (А.И. Герцен, А.С. Пушкин, И.А. Гончаров, И.А. Бунин, Л.Н. Толстой, Б.Л. Пастернак, Ф.М. Достоевский) и становится известным переводчиком русских классиков. В. Гальего Бальестеро перевел множество произведений А.П. Чехова. Впервые в его переводе на испанском языке вышел «Остров Сахалин». В 2005 г. переводы Гальего Бальестеро рассказов Чехова вышли отдельным сборником [Chéjov 2005], а в 2012 г. в издательстве Alba вышла новая антология переводов Гальего Бальестеро рассказов писателя. Гальего Бальестеро известен и как специалист по творчеству А.П. Чехова, о чем свидетельствуют прологи к его переводам, а также вышедшая отдельным изданием биография писателя [Gallego Ballesteros 1998]. В 2012 г. переводчик был удостоен премий Read Russia и «Русская литература в Испании» за перевод «Анны Карениной» Л. Толстого.

Таким образом, Эйно Зернаск и Виктор Гальего Бальестеро как языковые личности представляют две волны переводов русских классиков в Испании хроноло-

гически и эстетически. Как отмечает Руис Касанова, переводы в Испании иностранной литературы латиноамериканцами открыли новые эстетические перспективы [Casanova 2000: 457]. Не будучи носителем испанского языка, но блестяще им владевший, Эйно Зернаск проживал и работал главным образом в Южной Америке, что не могло не отразиться на использованных им языковых средствах. Виктор Гальеро Бальестеро — испанский филолог-профессионал «молодого» и уже широко признанного поколения испанских переводчиков русской классики.

Для квалификации анализируемых нами переводов и использованного в статье приема обратного перевода требуется прояснение отдельных переводоведческих терминов. В испанской переводоведческой традиции «прямым переводом» (*traducción directa*) считается перевод, выполненный на родной язык, «обратным переводом» (*traducción inversa*) — перевод, выполненный на иностранный язык [Albir 2014: 56]. В российской традиции прямым переводом считается перевод, выполненный непосредственно с оригинала. Обратным же переводом расценивается «экспериментальный или учебный перевод уже переведенного текста на исходный язык». Обратный перевод, т.е. перевод переводного текста на язык оригинала, используется нами как одна из методологий анализа. «Перевод переведенного» дает ценный лингвистический материал для оценки перевода как такового. Сопоставительное исследование рассматриваемых нами двух переводов на основе методики обратного перевода позволяет оценить и сопоставить их качество, а также более явственно понять эстетику самого оригинала и закономерности художественного перевода в целом как семиотической деятельности. Напомним, что еще на заре российского переводоведения видный переводчик и шекспировед М.М. Морозов настоятельно рекомендовал своим студентам пользоваться обратным переводом для углубления знаний о родном языке [Морозов 2009: 10].

Таким образом, оба переводчика в российской терминологической традиции осуществили прямой перевод, непосредственно с оригинала. Эйно Зернаск осуществил перевод на неродной язык (*traducción inversa*, в испанской терминологической традиции), Виктор Гальеро Бальестеро — на родной язык (*traducción directa*).

МНОГОГОЛОСИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДАХ

Многоголосие рассказа наблюдается в повествовании от нескольких лиц: рассказчика, банкира, гостей, юриста, становящегося добровольным узником. Повествовательная стратегия рассказчика тяготеет к разговорно-обиходному стилю.

Обратимся к первой фразе текста. Она звучит вполне разговорно: *Была темная, осенняя ночь* [Ч: 250]. Эта же разговорно-обиходная тональность удачно передана Зернаском: *Era una oscura noche de otoño* [Z: 293]. Но в переводе Гальеро Бальестеро тональность повышается, и начальная фраза текста в назывном предложении звучит в пафосно-возвышенной тональности: *Una noche sombría de otoño* [GB: 293], что при обратном переводе дает прочтение ‘*Мрачная осенняя ночь*’.

Высказывания гостей о мерах наказания категоричны, тогда как решившийся на пари молодой юрист высказывает сомнения. Как подчеркнуто Ю.В. Манном,

«нейтрализация категоричности — постоянный чеховский прием» [Манн 1994: 475], что важно учитывать при переводе аргументации молодого юриста о решении заключить пари — одним из ключевых моментов рассказа: *Жить как-нибудь лучше, чем никак* [Ч: 251]. Строение фразы и тональность в оригинале свойственны разговорно-обиходному стилю. В переводе Эйно Зернаска сохранена разговорно-обиходная тональность оригинала: *Vivir de alguna manera es mejor que de ninguna* [Z: 246], при этом русское наречие *как-нибудь* оригинала акцентировано в переводе курсивом. Перевод Гальего Бальестеро стилистически повышает тональность за счет амплификации антонимами «жизнь—смерть»: *Cualquier forma de vida es mejor que la muerte* [GB: 293], русск.: ‘Жизнь в любой форме лучше, чем смерть’.

То же повышение тональности в версии Гальего Бальестеро наблюдается в речи банкира и в его употреблении одного из ключевых слов рассказа — *пожизненное заключение*. Зернаск делает выбор в пользу *reclusión* [Z: 245] (‘заточение’), Гальего Бальестеро — в пользу его стилистически повышенного синонима *confinamiento* [GB: 293] (‘лишение свободы’). Ни одно из этих решений не представляется удачным, поскольку в испанском языке существует устойчивый аналог русского словосочетания ‘пожизненное заключение’ как юридического термина — *cadena perpetua*.

Повышение тона за счет выбранных прилагательных в переводе Гальего Бальестеро присутствует в выводе рассказчика о характере пари:

И это дикое, бессмысленное пари состоялось! [Ч: 251]: *¡Y esta feroz y absurda apuesta fue concertada!* [Z: 246]. *Y esta brutal e insensata apuesta quedó sellada* [GB: 294].

Разговорная тональность наблюдается при описании рассказчиком молодого юриста, в частности, за счет свойственной русскому языку стратегии выражения возраста инверсией: *Среди гостей находился один юрист, молодой человек лет двадцати пяти* [Ч: 251]. Оба перевода удачно передают разговорно-обиходную форму представления юриста в момент заключения пари и по порядку слов, и по выражению возраста:

Entre los invitados se encontraba un joven jurista, de unos veinticinco años [Z: 245].
Entre los presentes se encontraba un joven de unos veinticinco años, abogado [GB: 293].

Повышение тональности в переводе Зернаска создается и воспринимается испаноязычным читателем за счет постпозитивной возвратной частицы в возвратных глаголах типа *suscitóse* [Z: 246], *oíanse* [Z: 247], *dedicábase* [Z: 248], *aferrábase* [Z: 249]. Испанский язык допускает препозицию и постпозицию возвратной частицы в возвратных глаголах, однако в современном узусе, прежде всего латиноамериканском, и аргентинском в том числе, предпочтение оказывается препозитивным формам [Abeile 2005: 242—243]. За счет постпозитивных форм происходит романтизация перевода Зернаска, при том что Гальего Бальестеро более последователен в создании эквивалентности тональности перевода, сравним:

Поднялся оживленный спор [Ч: 251]. — *Suscitóse una animada discusión* [Z: 246].
— *Se produjo una animada discusión* [GB: 293].

СТИЛЕВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Информация о заключении пари в речи рассказчика-повествователя передана в канонах отстраненного официально-делового стиля:

Решено было, что юрист будет отбывать свое заключение под строжайшим надзором в одном из флигелей, построенных в саду банкира. Условились, что в продолжение пятнадцати лет он будет лишен права переступить порог флигеля, видеть живых людей, слышать человеческие голоса и получать письма и газеты. Ему разрешалось иметь музыкальный инструмент, читать книги, писать письма, пить вино и курить табак. С внешним миром, по условию, он мог сношаться не иначе, как молча, через маленькое окно, нарочно устроенное для этого. Все, что нужно, книги, ноты, вино и прочее, он мог получать по записке в каком угодно количестве, но только через окно. Договор предусматривал все подробности и мелочи, делавшие заключение строго одиночным, и обязывал юриста высидеть ровно пятнадцать лет, с 12-ти часов 14 ноября 1870 г. и кончая 12-ю часами 14 ноября 1885 г. Малейшая попытка со стороны юриста нарушить условия, хотя бы за две минуты до срока, освобождала банкира от обязанности платить ему два миллиона [Ч: 252].

Оба перевода удачно передают дистанцированную информативность рассказчика, излагающего условия пари [Z: 247], [GB: 294]. Однако при переводе условий окончания пари Зернаск предельно точно следует канцелярской отстраненности повествования:

El convenio preveía todos los detalles que conferían al recluso la condición de estrictamente incomunicado y le obligaba a permanecer en la casa quince años justos, a partir de las doce horas del catorce de noviembre de 1870 hasta las doce horas del catorce de noviembre de 1885 [Z: 247].

Данный фрагмент в переводе Гальего Бальестеро тяготеет к разговорному стилю:

El pacto preveía de todos los detalles y minucias que aseguraban el rigor de la reclusión y establecía que el abogado debía permanecer encerrado exactamente quince años, desde las doce del 14 de noviembre de 1870 hasta las doce del catorce de noviembre de 1895 [GB: 294].

Письма заключенного юриста пафосно-возвышенны:

Дорогой мой тюремщик! Пишу вам эти строки на шести языках. Покажите их сведущим людям. Пусть прочтут. Если они не найдут ни одной ошибки, то, умоляю вас, прикажите выстрелить в саду из ружья. Выстрел этот скажет мне, что мои усилия не пропали даром. Гении всех веков и стран говорят на различных языках, но горит во всех их одно и то же пламя. О, если бы вы знали, какое неземное счастье испытывает теперь моя душа оттого, что я умею понимать их! [Ч: 253].

Оба перевода удачно передают возвышенный тон письма. Более того, торжественное обращение узника к банкиру передано идентично в обоих переводах, сравним:

Дорогой мой тюремщик! [Ч: 253]. — Mi querido carcelero [Z: 248]. — Mi querido carcelero [GB: 295].

Особенно торжественно звучит последнее, объяснительное письмо-прощание узника, в котором наблюдается категоричность суждений, не свойственная ему

в юности. Оба перевода эквиваленты в передаче эмоционально-возвышенного тона прощального письма. Примечательны различия в избранных переводчиками формах обращения: типичном для Испании *vosotros* при обращении к нескольким лицам (Гальего Бальестеро) и латиноамериканском *ustedes* (Зернаск):

По чистой совести и перед богом, который видит меня, заявляю вам, что я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира [Ч: 256].

Con la conciencia tranquila y ante Dios que me está viendo, declaro que yo desprecio la libertad, la vida, la salud y todo lo que en sus libros se denomina bienes del mundo [Z: 251].

Con la conciencia tranquila y ante Dios que me está viendo, declaro que yo desprecio la libertad, la vida, la salud y todo lo que en vuestros libros se denomina bienes del mundo [GB: 297].

Повышение, по сравнению с оригиналом, стиля в переводе Гальего Бальестеро происходит за счет выбора стилистически повышенных синонимов, например *anciano* ‘старец’ вместо *viejo* ‘старик’; *lecho* ‘ложе’ вместо *cama* ‘кровать’, например:

Если у меня хватит духа исполнить свое намерение, — подумал старик, — то подозрение прежде всего падет на сторожа [Ч: 255]. — *Si tengo ánimo suficiente para llevar a cabo mi plan — pensaba el anciano —, las sospechas recaerán sobre el guardián* [GB: 296].

Стояла чья-то кровать без постели, да темнела в углу чугунная печка [Ч: 255]. — *Vio un lecho sin sábanas y la sombra negra de una estufa de hierro fundido en un rincón* [GB: 296].

Сравним с «нейтральным» переводом Зернаска:

Si soy capaz de llevar adelante mi propósito — pensó el viejo — la sospecha recaerá antes que en nadie sobre el sereno [Z: 250].

Vio una cama sin hacer y una oscura estufa de hierro en un rincón [Z: 250].

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

В рассказе много своеобразных лексико-семантических и риторических средств, передача которых средствами иного языка составляет основу эквивалентной передачи замысла Чехова, не только образует важную переводческую задачу, но и обнаруживает в анализируемых переводах некоторые неточности.

При описании приема в доме банкира перечисляются категории гостей:

Гости, среди которых было немало ученых и журналистов, в большинстве относились к смертной казни отрицательно [Ч: 50].

Эквивалентом существительного *ученый* в переводе Зернаском удачным оказывается *hombre de ciencia* [Z: 245]. Гальего Бальестеро неточен в переводе, поскольку у него аналогом выступает существительное *sabio* ‘мудрец’ [GB: 293], что существенно смещает акценты восприятия участников вечера в доме банкира.

Наиболее оптимальным переводческим решением для лексем *гость* в этом контексте является существительное *invitado*, см. перевод Гальего Бальестеро [GB: 293], а в переводе Зернаска неудачно передано лексемой *visitantes*: Entre los

visitantes (...) [Z:245], что при обратном переводе дает смысл ‘посетители’, неприемлемый в ситуации.

Категоричность суждений гостей проявляется в их однозначно отрицательном отношении к смертной казни и ее характеристике, где обнаруживаются повторы через нанизывание синонимов — один из излюбленных приемов Чехова:

Они находили этот способ наказания устаревшим, непригодным для христианских государств и безнравственным [Ч: 250].

Повторы в переводах звучат так:

Encontraban ese modo de castigo como anticuado, inservible para los estados cristianos e inmoral [Z: 245].

Выбранное Зернасском прилагательное *inservible* соотносится в испанском узусе с материальными объектами, например, ‘не работающий’ (о технике), и не эквивалентно оригиналу. Более того, в данном фрагменте перевода просматривается синтаксическая и стилистическая интерференция русского языка.

Перевод атрибутов у Гальего Бальестеро ярок и эквивалентен оригиналу:

La consideraban una forma de castigo anticuada, inmoral e impropia de un Estado cristiano [GB: 293].

Подобная интерференция наблюдается в переводе Зернасском вопроса: *Какой же палач человечнее?* [Ч: 250] — *¿Cuál de los verdugos es más humano?* [Z: 293]: для испаноязычного читателя более эквивалентным оказался бы вариант с вопросительным словом *Que* или переформулированный предложенный Зернасском вариант в *¿Cuál es el verdugo más humano?*

Крайне неудачно переводческое решение (практически подстрочник) Зернаска в отношении словосочетания *запах вспотевшей лошади* как *olor a caballo transpirado*, что следовало бы передать узуальным *sudor a caballo*, см. перевод Бальестеро:

Вы удивились бы, если бы вследствие каких-нибудь обстоятельств на яблонях и апельсиновых деревьях вместо плодов вдруг выросли лягушки и ящерицы или розы стали издавать запах вспотевшей лошади [Ч] — *Se quedarían sorprendidos si, en virtud de algunas circunstancias, sobre los manzanos y los naranjos, en lugar de los frutos, crecieran de golpe las ranas y los lagartos o si las rosas comenzaran a exhalar un olor a caballo transpirado* [Z: 252] — (...) *o las rosas olieran a sudor a caballo* [GB: 298].

В завязавшемся споре после слов бесшабашного юриста о том, что *жить как-нибудь лучше, чем никак*, банкир *вдруг вышел из себя* [Ч: 250]. Эта ремарка эмоционального состояния банкира важна для развития действия:

Банкир, бывший тогда помоложе и нервнее, вдруг вышел из себя, ударил кулаком по столу и крикнул, обращаясь к молодому юристу [Ч: 251].

В переводе Зернаска описание эмоционального состояния *выйти из себя* опущено, что представляет собой коммуникативную ошибку:

El banquero, por aquel entonces más joven y más nervioso, de repente dio un puñetazo en la mesa y le gritó al joven jurista [Z: 246].

Гальего Бальестеро скрупулезно следует за оригиналом и передает эту важную деталь:

*El banquero, que entonces era más joven e impulsivo, **perdió de pronto la compostura**, dio un puñetazo en la mesa y gritó dirigiéndose al joven abogado...* [GB: 293].

Находясь в добровольном заключении, юрист пишет во внешний мир «*записки*». Как перевести слово «*записка*» в контексте этой ситуации? Решение Зернаска создает эквивалентность замыслу Чехова, поскольку переводчик прибегает к достаточно редкому в современном испанском языке существительному *esquela* [Diccionario de la lengua española 2001: 985]. Гальего Бальестеро прибегает в аналогичных контекстах к существительным *carta* ‘письмо’ или *nota* ‘записка’, ‘замечание’.

Эстетически насыщенная метафора наблюдается в оригинале в описании деревьев, создающих образ уставшего узника и замершего перед принятием решения об убийстве пленника банкира:

*Пробило три часа. Банкир прислушался: в доме все спали, и только слышно было, как за окнами шумели **озябишие деревья*** [Ч: 254].

Обратный перевод версии Зернаска дает смещение акцентов метафоры, т.е. деревья оказываются ‘заледенелыми’:

*Dieron las tres. El banquero aguzó el oído: todos dormían en la casa y sólo se oía el rumor de los **helados árboles** detrás de las ventanas* [Z: 249].

Удивительное по эквивалентности красоте метафоры оригинала *озябишие деревья* решение найдено Гальего Бальестеро — причастие *aterido* от звукоподражательного глагола *aterir* ‘замереть от холода’ [Diccionario de la lengua española 2001: 239]:

*Dieron las tres. El banquero aguzó el oído: en la casa todos dormían y sólo se oía el rumor de **los ateridos árboles** más allá de las ventanas* [GB: 296].

Рассмотрим в переводах словосочетание слегка *придушить подушкой* в выражении намерения банкира расправиться с узником, чтобы сохранить свои деньги:

*Жалкий человек! — подумал банкир. — Спит и, вероятно, видит во сне миллионы! А стоит мне только взять этого полумертвеца, бросить его на постель, **слегка придушить подушкой**, и самая добросовестная экспертиза не найдет признаков насильственной смерти* [Ч: 255—256].

Разговорное наречие *слегка*, а не *немного*, *чуть-чуть*, в этом контексте означает, что задушить изможденного пленника не составит труда. Оба переводчика избирают вариант *apretar un poco*, что при обратном переводе дает прочтение ‘слегка сжать’: *Si... lo **aprieto un poco** con la almohada* [Z: 251]; *Si le... **aprieto un poco** la boca con la almohada* [GB: 297], тогда как переводческие эквиваленты находятся в одном из синонимических глаголах: *ahogar, estrangular, asfixiar, sofocar*. Обращает на себя внимание также амплификация перевода в версии Гальего Бальестеро: при обратном переводе *apretar un poco la boca* дает ‘слегка зажать рот’, чего нет в оригинале.

Кульминация сюжета рассказа — решение узника добровольно нарушить пари, признав ничтожными суетную жизнь и отдав предпочтение ценностям духовным. Начало письма заснувшего узника звучит так:

Завтра в двенадцать часов дня я получаю свободу и право общения с людьми. Но, прежде чем оставить эту комнату и увидеть солнце, я считаю нужным сказать вам несколько слов [Ч: 356].

От выбранной стратегии переводчика будет зависеть смысл обращения узника. К кому относится обращение «вы»? По эстетическому посланию рассказа — к людям, людям вообще, кому противопоставляет в этот момент себя узник, чьей повторной номинацией «вы» логично рассматривать обращение к «вам», т.е. пари оказывается заключенным не между двумя конкретными людьми, а между преобразившимся духовно юристом и человечеством в целом. Однако в обоих переводах выбрана форма единственного числа, и обратный перевод дает прочтение обращения узника к одному человеку, к его тюремщику-банкиру, что радикально меняет смысл письма — от обращения ко всем людям на обращение к одному человеку. Далее оба переводчика переходят на множественное число притяжательных местоимений: Зернаск — в латиноамериканской или испанской повышеновежливой стратегии *ustedes*, перемежающейся с стилистически-повышенным для Латинской Америки *vosotros*, Гальего Бальестеро — в испанском разговорно-обиходном узусе *vosotros*. В любом случае оба перевода обнаруживают непоследовательность в выборе формы лица:

Mañana, a las doce horas del día, recupero la libertad y el derecho de comunicarme con la gente. Pero antes de abandonar esta habitación y ver el sol, considero necesario decirle algunas palabras. Con la conciencia tranquila y ante Dios que me está viendo, declaro que yo desprecio la libertad, la vida, la salud y todo lo que en sus libros se denomina bienes del mundo [Z: 251].

Mañana a las doce recobraré la libertad y el derecho a relacionarme con los hombres. Pero antes de abandonar esta habitación y volver a contemplar la luz del sol, considero indispensable decirle algunas palabras. Con la conciencia tranquila y ante Dios que me está viendo, declaro que yo desprecio la libertad, la vida, la salud y todo lo que en vuestros libros se denomina bienes del mundo [GB: 297].

Возможно, от адекватной интерпретации обращения в письме зависит перевод названия рассказа. Зернаск сделал выбор в пользу неопределенного артикля: *Una apuesta*, Гальего Бальестеро — в пользу определенного артикля *La apuesta*. Определенный артикль, на наш взгляд, более уместен в переводе, поскольку он подчеркивает уникальность пари (это пари со всем человечеством, в конечном счете), а не его место в ряду многочисленных пари, заключенных банкиром, что следует из варианта с неопределенным артиклем.

Высказывая презрение к материальным благам, узник говорит: *Все ничтожно, брэнно, призрачно и обманчиво, как мираж [Ч: 256]*. Сравнение как мираж ошибочно, с ненужной экзотизацией, передано Зернаском так: *como la fata morgana [Z: 252]*. В испанском языке, как и в других языках, существует итальянизм **fata morgana** от имени феи Морганы. Речь идет о мираже, и в испанском языке есть эквивалент *espejismo*, который и выбран Гальего Бальестеро: *como espejismo [GB: 297]*.

Любопытная ситуация в переводах сложилась с передачей топонимов из прощального письма узника, когда он говорит, что, читая книги, он взбирался на вершины Эльбруса и Монблана, при этом в оригинале название кавказской вершины дано в архаичном виде *Эльборус* [Ч: 256]. В переводе Зернаска *Монблан* передан калькой *Monte Blanco* ‘Белая гора’, что, хотя и верно этимологически, нарушает испанский узус. *Эльбрус* транслитерирован как *Elbruz* [Z: 252]. Гальего Бальестеро сохраняет испанскую традицию передачи альпийской вершины *Mont Blanc*, однако кавказский *Эльбрус* в его переводе – это *Elburz* [GB: 297] и, таким образом, апеллирует не к Кавказу, а к Ирану, где находится соответствующий ороним *Эльбурс*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оба проанализированных нами перевода на испанский язык рассказа А.П. Чехова «Пари» являются прямыми переводами с русского языка, без посредничества других языков. Перевод Эйно Зернаска — перевод на неродной, перевод Виктора Гальего Бальестеро — на родной язык, что позволило использовать переводчику-профессионалу всю палитру средств его родного языка.

Оба перевода выполнены коммуникативно-интерпретационным методом, сфокусированы на всестороннем понимании оригинала и передаче его содержания и эстетики. В обоих переводах мы имеем дело с переводами-интерпретациями, подразумевающими использование ряда техник для достижения эквивалентности. Оба перевода приближены к передаче идиолекта Чехова в оригинале (многоголосие, тональность, лексико-семантические средства, риторика) средствами испанского языка. Тем не менее, уровни эквивалентности переводов оказываются разными. Перевод Эйно Зернаска не только точно следует за оригиналом, но и испытал русскую интерференцию, что привело к переводческим ошибкам. В версии Виктора Гальего Бальестеро установлено повышение тональности за счет лексико-синонимических средств.

© Чеснокова О.С., Monforte Dupret, Roberto V.
Дата поступления: 28.04.2016
Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.С.* (2001). Введение в переводоведение [*Vinogradov V.V. Introduction to translation studies*]. М.: Издательство института общего среднего образования РАО.
2. *Мани Ю.В.* (1994). Автор и повествование [*Mann Yu.V. Author and narration*]. Историческая поэтика. Литература эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие.
3. *Морозов М.М.* (2009). Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык [*Morozov V.V. manual of translating Russian proze into English*]. М.: Р. Валент.
4. *Паршин А.* (1999). Теория и практика перевода [*Parshin A. Theory and practice of translation*]. СПб.: СГУ. URL: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm (22.07.2016).
5. *Тюпа В.И.* (2001). Нарратология как аналитика повествовательного дискурса [*Tupa V.I. Narratology as the analytics of narrative discourse*]. Тверь. URL: <http://mychekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml> (дата обращения 11.07.2016).
6. *Чехов А.П.* (1962). Пари [*Chekhov A.P. The Bet*] // *Чехов А.П.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 250—257.

7. Чудаков А.П. (1971). Поэтика Чехова. [*Chudakov A.P. Poetics of Chekhov*]. М.: Наука.
8. *Chéjov A.P.* (2000). Una apuesta. — Antón Chéjov. El beso y otros cuentos. Barcelona: Edhasa. Selección, traducción y Prólogo de Heino Zernask. P. 245—253.
9. *Abeille L.* (2005). Idioma nacional de los argentinos. Buenos Aires, Colihue.
10. Diccionario de la lengua española (2001). Vigésima segunda edición. Madrid, Espasa Calpe.
11. *Hurtado Albir A.* (2014). Traducción y traductología. Introducción a la traductología. Séptima edición. Madrid: Cátedra.
12. *Gallego Ballester V.* (1998). Chéjov (1860—1904). Madrid: Ediciones del Orto.
13. *Casanova R., Francisco J.* (2000). Aproximación a una historia de la traducción en España. Madrid: Cátedra.
14. *Chéjov A.P.* (2005). La apuesta. Traducción de Víctor Gallego Ballester // *Antón P. Chéjov. Obras completas. Tomo II.* Barcelona, CAYFOSA-QUEBECOR. P. 293—298.
15. *Venutti L.* (1995). The Translator's Invisibility. A history of Translation. London—New York.
16. *Zernask Heino* (1986). El otro jardín: Vida y obra de Antón Chéjov / Heino Zernask. Buenos Aires: EUDEBA.

ANTON CHEKHOV IN THE SPANISH LANGUAGE: A COMPARATIVE STUDY OF TWO TRANSLATIONS OF THE SHORT STORY “THE BET”

Roberto V. Monforte Dupret

Facultad de Letras de la UPV/EHU

5, Paseo de la Universidad, Vitoria-Gasteiz, España, 01006

Robertovicente.monforte@ehu.es

O.S. Chesnokova

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Chesnokova_os@pfur.ru

The article focuses on the different aspects of translating into Spanish a short story “The Bet” (1889) by A. Chekhov within the paradigmatic frame of equivalence. For the purposes of the comparative analysis of two literary translations (by Heino Zernask’s translation into a non-native language, and Víctor Gallego Ballester’s into a native language), the stylistic analysis of the original is given as well as its peculiarities in Chekhov’s idiolect. Through the methodic use of reverse translation and its subsequent philological analysis, the conveyance of the original’s polyphony, the individual traits of the characters’ speech, and the translation and use of lexical and semantic tools are discussed, at the same time that inaccuracies in the translation are examined. The analysis shows that both versions are close to conveying through the mechanisms of the Spanish language, Chekhov’s idiolect (the polyphony, the lexical and semantic tools, the rhetoric). The conclusions reveal a shift of the narrative tone in both translations, showing a prevalence in the use of colloquial language in Heino Zernask’s version. Víctor Gallego Ballester’s text, on the other hand, lifts the tone of the narrative at the expense of the lexical and semantic tools from the original. Heino Zernask’s translation follows the original very close, but suffers from Russian interference, which gave way to translation mistakes. The article is useful for teaching the theory and practice of Russian translation into Spanish and vice versa, and also for theory courses on translation.

Key words: Chekhov, Russian Literature, literary text translation, Spanish language, direct translation, translation comparison, reverse translation, translation into a native language, translation into a non-native language

СИМВОЛИЗМ И ОБРАЗНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 811.1331:745/749

ОБРАЗНЫЙ ЯЗЫК ГРОТЕСКОВ И АРАБЕСОК ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ XVII—XVIII ВВ.

Д.Г. Ткач

Московский государственный университет дизайна и технологии
ул. Малая Калужская, 1, Москва, Россия, 119071
tkach.dmitry@mail.ru

В статье анализируется образный строй гротесков и арабесок, которые в XVII—XVIII вв. являлись важнейшим первоисточником орнаментального языка французского декоративно-прикладного искусства. Гротески воспроизводили стенные росписи – фрески античных помещений и/или гротов, открытых в результате проводившихся с конца XV в. раскопок в Риме. Художники Ренессанса находили сходство между гротесками и арабским орнаментом. Предположительно, в связи с этим, начиная с конца XVI в., термин «арабески» употребляется столь же часто, как и термин «гротески». В период XVII — первой половины XVIII в. французские художники Жан Берен и Антуан Ватто обновили и глубоко трансформировали стиль и сюжетное содержание арабескового декора. Образный язык арабесок, использование в них благородных ценностей античности и Ренессанса соответствовали духу человека эпохи Просвещения, удовлетворяли его культурные запросы. В наши дни арабески продолжают оставаться актуальной частью орнаментального лексикона европейских дизайнеров и декораторов.

Ключевые слова: гротески, арабесковый декор, семантика орнамента, стиль барокко, стиль рококо, искусство Франции

ВВЕДЕНИЕ

Образный строй и многообразие сюжетных композиций, которые на протяжении веков с успехом используются мастерами французского дизайна, особенно в сфере текстильного производства, складывались в процессе синтеза многих эстетических и культурно-исторических компонентов. Их развитие происходило как часть эволюции образно-выразительного языка декоративно-прикладного искусства в тесном взаимодействии с архитектурой, живописью и графикой своего времени.

С позиций сегодняшнего дня это развитие, как и развитие всего комплекса декоративно-прикладных искусств, можно оценить как нелинейное: в нем были

как взлеты, так и периоды отступления и стагнации. Периодам наибольшего расцвета соответствовало время, когда в создании декоративных мотивов для тканей, гобеленов, обоев, настенных росписей, мебели принимали участие выдающиеся художники и архитекторы. Именно они создавали стиль и эталонные образцы, обеспечивали преемственную связь между «высокими» и прикладными видами искусств. Так, набивные «ткани с персонажами» мануфактуры Жуи, являющиеся одной из вершин текстильного искусства Франции XVIII в., были спроектированы такими разносторонними художниками, как Жан-Батист Гюэ и Ипполит Леба.

ПОНЯТИЕ «ГРОТЕСК» В ЕВРОПЕЙСКОМ ОРНАМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Расцвет французского орнаментального искусства в XVII—XVIII вв. явился результатом развития европейских традиций, унаследованных со времен античности и возрожденных Ренессансом, и следствием успешной адаптации образного языка индийского и ориентального декора. При этом важно отметить, что сюжетный текстиль XVII—XVIII в. стал продолжением европейских традиций книжного графического искусства и гравюры Ренессанса.

Французские завоевания в Италии в эпоху Франциска I привели к установлению прочных культурных связей с этой страной, что вызвало распространение ренессансного влияния во Франции, в том числе античных декоративных и архитектурных мотивов и, в частности, гротесков. В дальнейшем изучение античности и шедевров Ренессанса являлось необходимым компонентом подготовки французских художников в Королевской Академии художеств.

Остановимся подробнее на роли и отличительных особенностях образного языка гротесков (арабесок), которые начиная с XVII в. являлись важнейшим источником мотивов французского декоративно-прикладного искусства, и присутствии которых можно также обнаружить в мотивах современного интерьерного дизайна: «Они (гротески) были названы так современными людьми, поскольку искатели античных древностей нашли этот вид украшений в римских пещерах, служивших когда-то спальнями, столовыми, рабочими кабинетами и т.д. Эти места превратились в пещеры в результате наслоения почвы, и поскольку в Риме эти пустоты назывались гrotами, то орнаменты, которые их украшали, стали именоваться гротесками» [Les papiers... 1995: 18] (Здесь и далее перевод наш. — Д.Т.). По свидетельству Бенвенуто Челлини (1500—1571), автора этих строк из его автобиографии, в конце XV в. ученые, художники и аристократы активно занимались раскопками «вечного города» в поисках следов его прошлого великолепия и часто находили своды, украшенные фресками.

Впервые античность не блистала белизной мрамора, но сверкала яркими красками, и все это за двести лет до открытия Геркуланума и Помпеи. Но, прежде всего, мотивы фресок поражали оригинальностью. Современный французский исследователь Андре Шастель определяет законы, которым они подчиняются, это «отрицание пространства и слияние форм, невесомость формы и разрастание гибридов». Далее он уточняет: «прежде всего это вертикальный мир, полностью за-

данный графически без толщины и веса, смесь строгости и непостоянства, которая напоминает сон; в этой чудесно выстроенной линейной пустоте возникают и сплетаются полурастительные, полуживотные формы, фигуры без названия в грациозном или беспокойном движении орнамента» [Chastel 1988: 17].

Вдоль четко структурирующей вертикальной оси чередуются медальоны и иногда более, иногда менее сложные ветвобразные орнаменты, которые создают искусную игру, организуемую выверенным ритмом смены заполненностей и пустот, при этом все объединено в единое целое очень тесным, хотя и дискретным образом. Благодаря гибкости формы этот мотив может быть размещен в пространстве, весьма различном как по форме, так и по размерам.

Своим существованием этот продукт чистого воображения ставит под вопрос основные концепции античности, развитые затем Ренессансом; и реализм, и рационализм рушатся под воздействием как присутствия этих фигур, принадлежащих миру воображения, так и их пространственной организации. Можно сказать, что «область гротеска является антитезой области репрезентации, нормы которой были определены „перспективным“ видением пространства, различением и характеристикой типов» [Chastel 1988: 36].

Еще в античности архитектор Витрувий, непререкаемый классический авторитет, столь часто переводимый и цитируемый в период Ренессанса, осудил гротески, составив их точное описание: «Неизвестно по какому капризу теперь больше не следуют правилу Древних, предписывавшему брать в качестве модели для живописи вещи такими, каковы они есть; теперь стенная живопись изображает вместо нормальных и реальных существ экстравагантных монстров. В качестве колонн берется тростник, поддерживающий связку стеблей, растения в виде каннелюр с листвой, изогнутой и закрученной в завитки. Представляют канделябры, которые поддерживают маленькие дворцы, из них, как из корней, вырастают множество тонких ветвей, на которых расположены сидящие фигуры; в других местах эти ветви заканчиваются цветами, из которых выглядывают полуфигуры, одни с человеческими лицами, другие — со звериными мордами. Все это вещи, которых нет, никогда не было и быть не может, но новые фантазии оказывают такое сильное влияние, что не остается уже никого, кто мог бы здраво судить об искусстве. Где это видано, чтобы тростник удерживал крышу, а канделябры несли на себе дворцы, а на тонких ветвях, вырастающих из этих дворцов, располагались фигуры, и, наконец, как могли бы из этих корней, стеблей и цветов рождаться полуфигуры? Однако никто не замечает этих несуразностей, наоборот, это нравится, независимо от того, возможны такие вещи или нет — так разум не способен оценить, что заслуживает одобрения в произведениях.

Что касается меня, то я считаю, что не следует восхвалять живопись, если она не представляет истину, и что еще недостаточно, чтобы вещи были хорошо написаны, нужно еще, чтобы сюжет был разумным и не содержал в себе ничего, что противоречило бы здравому смыслу» [Les papiers... 1995: 18].

Это осуждение, содержащее в себе уже все доводы, которые последователи классицизма будут умножать, легко объяснимо, если учесть, что оно исходит

из уст римлянина, а описываемая декоративная система имеет свои истоки в Александрии, городе, имеющем ориентальные корни. Однако римляне, а затем и весь западный мир впоследствии полностью ассимилируют это наследство, хотя и не без оговорок, которые отмечают все теоретики, тем не менее подпадающие под очарование этого явления.

ГРОТЕСКИ РЕНЕССАНСА И АРАБЕСКИ СТИЛЯ БАРОККО

Увлечение гротесками растет, и с самого начала XVI в. они появляются в качестве мотива на пилястрах, а затем на сводах и на стенах дворцов и церквей. Первые воспроизводящие их гравюры перемещают их далеко от Рима — в германский мир и во Францию. Решающим моментом стал период 1516—1520 гг., когда Джованни да Удине, художник из ателье Рафаэля, по проекту мэтра расписывает в форме гротесков пилястры и своды лоджий Ватикана. Строгое и возвышенное их применение быстро становится образцом и нормой и открывает новые перспективы широкого использования гротесков в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре. Уже в 1550 г. историк Вазари восхищается их «свежей красотой» и «совершенным рисунком, полным находок необычайной фантазии». Конечно, классик Рафаэль использует в орнаментах скорее естественные, чем фантастические изображения растений и животных, подчеркивая в них «чувственное и легкое» [Chastel 1988]. Совершенно иначе поймут гротески граверы северных стран, развившие их вариации в менее монументальном ключе: они вводят в «обитаемые» растительные виньетки или медальоны средневековую «забавность» — *drollerie*.

Бенвенуто Челлини как ювелир отметил сходство между этим видом мотива и гравированным декором оружия на Востоке. Родственная связь между гротесками и декором арабского Востока, действительно, достаточно наглядна. Видимо, в связи с этим, начиная с конца XVI в. термин «арабески» употребляется столь же часто, как и термин «гротески», без особой заботы о его семантической оправданности. Во всяком случае, когда в конце XVII — начале XVIII вв. этот жанр возрождается, то за ним закрепляется именно термин «арабески», во Франции часто деформируемый в «рабески».

В первой половине XVII в. увлечение этим жанром продолжалось в рамках ренессансной традиции, обогащенной лишь путем введения в растительные виньетки обильной листвы, взятой от растения аканта ('медвежья лапа'), бывшего в то время в большой моде. Во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Жан Берен и Антуан Ватто обновили и глубоко трансформировали жанр арабесок, превратив его в преимущественно французский вид декора, в дальнейшем распространившийся по всей Европе.

В отличие от ренессансных арабесок эти «новые арабески» не исходят из древних археологических образцов, и если на них ссылаются, то делают это, вдохновляясь работами Рафаэля или итальянскими и голландскими орнаменталистами XVI в. Подобное вдохновение «из вторых рук», приводящее к отклонению от ори-

гинала, и способствовало появлению нового жанра. Это второе «возрождение» арабесок было, однако, более сложным, а его составляющие — гораздо более полиморфными, поскольку учитывалась орнаментальная мода XVII — первой половины XVIII вв. Обновление происходило путем синтеза орнаментальных типов, которые в период 1630—1760 гг. трансформировались до такой степени, что в конечном итоге изменились до неузнаваемости.

Еще Рафаэль и Джованни да Удине, не ограничиваясь только химерическими и получеловеческими образами, ввели в арабеску человеческую фигуру: «Новые арабески», которые позже разработали Жан Берен, Клод III Одран, Жилло и Антуан Ватто, «не только воспроизводили человеческие фигуры, но и создавали из них когерентные сцены, включали их в пейзажи и в аллегорические группы, причем центр (фон) не всегда соответствовал в стилистическом отношении окружению арабесок» [L'art decoratif en Europe 1992, V. II: 160].

Состоящие из арабесок бордюры начинают служить своеобразной рамой для шедевров Золотого века живописи. В этих бордюрах можно увидеть все меньше химер: их место занимают фигуры, помещенные в павильоны, и непрерывные цепи орнаментов, контрастирующие с центральным сюжетом композиции. Возникшая система декора содержит в себе существенное противоречие в иерархии жанров между центральной сценой, приобретающей все более станковый характер, и основанными на смешении и иррациональности арабесками. Это явление представляется естественным, учитывая, что все «главные» создатели «новых арабесок» во Франции были или значительными художниками-станковистами, или тесно связаны со станковым искусством.

Первым, кто начал вводить новшества в арабески без особой связи с исходными археологическими референциями, был выдающийся французский художник Жан Берен (Jean Bérain) (1637—1711). Его имя настолько тесно связано с гротесками в конце правления Людовика XIV, что символизирует все явление постепенной трансформации гротесков в арабески барокко, а затем в арабески рококо.

Будучи профессиональным орнаменталистом, Ж. Берен поставлял модели орнаментов для различных областей искусства — живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, в том числе для ткачества. Отметим, что он создал много проектов для Королевской мануфактуры гобеленов. Сюжетные композиции гобеленов, которые со времен средневековья считались главным элементом текстильного декора интерьера и получили широкое распространение через гравюру, оказали существенное влияние на становление образного строя и разработку мотивов сюжетного набивного текстиля интерьерного назначения: «Излюбленные упражнения художников-орнаменталистов, арабески легко захватили позиции во Франции как в Гобеленах, так и на мануфактурах Бове (Beauvais) и Обюссона (Aubusson), найдя применение в тканых панно, заменявших стенную роспись, а особенно — в оформлении обивки мебели, которая предоставляла небольшие площади, абсолютно идеальные для исполнения арабесок» [L'art decoratif en Europe 1992. V. II: 177].

Ж. Берен занимался не только гротесками, однако именно в них он достиг наибольшего успеха так же, как и в оформлении празднеств: он рисовал бордюры

арабесок для праздничных и театральных костюмов. Таким образом, арабески нашли снова одно из начальных своих применений, ведь еще Витрувий писал о наличии арабесок в декоре античного театра.

Композиции Ж. Берена сходны с арабесками Ренессанса наличием большого числа архитектурных деталей — портиков, решеток, лестниц, образующих прихотливую, но геометрически выверенную структуру, населенную множеством мелких персонажей, характер движений которых напоминает бурлеск. В этой сложносочиненной структуре Берен «выстраивает иерархию объектов, он увязывает сцены между собой, прикрепляет в центре павильон, чтобы лучше обозначить главный сюжет, концентрирует орнамент в двух или трех местах листа. Мало-помалу выявляется центральная фигура, более значительная, чем другие, но все еще связанная с плотной вязью арабесок» [L'art decoratif en Europe 1992. V. II: 168]. Эта связь, тем не менее, облегчается, и одноцветный фон начинает играть самостоятельную роль, ему придается все большее значение. Известно, что Берен спроектировал множество гобеленов и занавесов, обязательным элементом которых являлся декоративный бордюр. Вероятно именно этим объясняется наличие бордюра во всех его арабесках, а также введение в них «текстильных» мотивов, по-разному использующих декоративное назначение ткани: занавесов и драпировок с глубокими складками, сложно переплетенных лент и полос тканей, образующих пилястры.

В некоторых композициях Берена центральная сцена с одним или несколькими персонажами имеет наибольшую значимость, а ансамбль декора в виде арабесок организуется вокруг нее. Арабеска еще присутствует всюду, но путь к новациям XVIII в. уже открыт, и эти новации сделают центральную сцену главной, а арабески — второстепенными. И далее уже гравюра широко распространит орнаментальные модели Ж. Берена, и они впоследствии повлияют на весь ансамбль декоративных искусств в Европе [Zamperini 2007: 209—219].

АРАБЕСКИ СТИЛЯ РОКОКО

Интерпретация арабесок в стиле барокко постепенно перешла в стиль рококо под влиянием работ Клода Жилло (К. Gillot) (1673—1722), Клода Одрана (К. Audran) (1658—1734) и Антуана Ватто (А. Watteau) (1684—1721). Формы становились более легкими, главная сцена все более обособлялась, обезьяны, шинуазри и экзотические мотивы постепенно заменяли собой фантастические образы, вышедшие из средневекового и ренессансного мира. Введение орнамента «рокайль», изображавшего гроты, скалы и раковины, поставило под вопрос строгую симметрию. В связи с абсолютным влиянием Франции в европейском декоративно-прикладном искусстве в XVIII в. этот новый стиль арабесок быстро завоевал Европу.

В проектах арабесок К. Одрана фон играет еще большую роль, чем у Ж. Берена: структурные элементы композиции облегчаются, что позволяет выявить живые и цветные фигуры, оплетенные тонким кружевным узором.

В своих проектах К. Одран ограничивался исполнением орнамента, поручая рисунок персонажей другим художникам, в частности, животных рисовали

для него известные графики Франсуа Депорт (F. Desportes) и Жан-Батист Удри (J.-B. Oudry). В его ателье рано начал работать А. Ватто, рисовавший сюжетные сцены для его композиций с большим мастерством. Предварительную подготовку орнаменталиста он получил в мастерской известного гравера Клода Жилло, который участвовал в постановке опер, рисовал, изобретал арабески, населенные фантастическими животными и театральными персонажами.

Творчество А. Ватто стало решающей вехой в развитии сюжетной части французской арабески. Он снискал славу признанного автора живописных полотен на тему галантных праздников. Сохранившиеся в небольшом количестве арабески А. Ватто сильно отличаются от арабесок К. Одрана не столько в орнаментальной, сколько в фигуративной части, представляющей у Ватто настоящие жанровые сцены. Различие состоит не только в соотношении фигуративной и орнаментальной частей, но и в качестве фигуративной части. Рисунки арабесок А. Ватто стали пользоваться популярностью благодаря гравюре, особенно после смерти художника, когда был издан известный сборник произведений А. Ватто, выполненных в гравюре им самим или гравированных другими художниками по его рисункам, — так называемый «Сборник Жюльен» (Recueil Julienne).

Гравюры по сюжетным композициям А. Ватто продолжали тиражироваться и широко использовались впоследствии в качестве прототипов сюжетных композиций текстильного декора. Некоторые из арабесок были гравированы Ф. Буше, который коллекционировал их и позже внес также свой вклад в этот жанр. Благодаря Ватто арабеска превратилась в чисто живописную сцену, чаще всего пасторальную, в обрамлении гротесков и орнамента в стиле рококо.

НОВЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ АРАБЕСКИ

Остановимся подробнее на темах и применении новых французских арабесок, дающих ключ к пониманию некоторых особенностей образного языка французского декоративно-прикладного искусства XVIII в. «Словарь Искусств живописи и скульптуры» (Watelot и Lévesque, 1792) определял арабески как объекты, приятные и частично истинные, но сочетание которых фантастично. Словарь называет арабески «мечтой живописи»: «Разум и вкус требует, — утверждает в словаре, — чтобы они были не болезненными снами, но той мечтательностью, которую навеивает на Востоке курильщикам точно дозируемый опиум» [L'art decoratif en Europe 1992. V II: 174].

В «Первой книге проб гравюры» Пьера Бурдона (Bourdon) изображение курильщика обрамляется различными орнаментами, часто использовавшимися на табакерках. Кольца дыма представляют собой хороший пример изменяющихся форм, которые можно связать с приятным забытием.

Арабеска часто ассоциируется со сном (с чем связано ее использование для декора кровати), с опьянением, переходящим в вакханалию. Праздник также является любимой темой в арабесках в связи с его карнавальным характером и идущей из античности традицией украшать процессии ветвями и цветами. В арабеске используются изменяющиеся формы. Источником вдохновения для арабесок яв-

ляются «Метаморфозы» Овидия с описанными в них историями превращений людей в растения и животных. Знаки Зодиака, иллюстрирующие изменения индивидуума, также составляют часть образного языка арабесок. Различные объяснения могут быть даны связи арабесок с бурлеском. С одной стороны, смех может быть рассмотрен как резкое изменение состояния, характерное для арабески. С другой стороны, усиление интереса к бурлеску в конце XVII в. объясняется успехом итальянских комедий. В Париже, когда в опере давался классический спектакль, итальянские комедианты одновременно на своей сцене нередко представляли сатиру на ту же тему. Многочисленные персонажи итальянской комедии появляются в арабесках А. Ватто, К. Жилло и К. Одрана.

В гротесках этой эпохи также часто представлены «обезьянники». В произведениях К. Одрана и К. Гюэ они пародируют события человеческой жизни. В пантеоне арабески присутствует бог иронии Момус. А. Ватто часто вводит в свои композиции этого бога с изменяющимся лицом, иногда в образе старика со странными ушами, иногда в образе юноши в маске сатира. Поскольку арабески представляются связанными главным образом с изменением состояния, неудивительно, что они включают множество любовных аллюзий и сюжетов, романтических метаморфоз, любовных историй, почерпнутых из древнегреческой мифологии. Этой теме посвящены многие арабески А. Ватто, о чем говорят их названия: «Шутливый случай» (*La Cause badine*), «Довольный пастух» (*Le berger content*), «Галантный» (*Le Galant*), «Фавн» (*Le Faune*). Увлечение А. Ватто арабесками представляется неслучайным: идея изменения состояния, характерная для этого жанра, весьма соответствует творчеству этого художника, который в своей станковой живописи нередко изображал на одном полотне смену различных состояний развития чувства. Следует отметить, что период Регентства (1715—1723) с его тенденциями к насмешкам и стремлением к свободе совпал с расцветом арабески во Франции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во Франции XVII—XVIII вв. в оформлении интерьера ведущую роль играли арабески. Сюжетные композиции и орнаменты в этом стиле использовались для украшения буквально всего — от плафонов до дверных ручек. Даже проектирование садово-парковых ансамблей испытало влияние арабесок. Это повсеместное распространение арабески как универсального декоративного стиля объясняется ее способностью заполнять площади любых конфигураций и размеров. Ее мотивы могли гармонично взаимодействовать в разных масштабах и на нескольких регистрах, свободно включали в себя сюжетные композиции и элементы, заимствованные из других жанров искусства — живописи, графики, скульптуры, архитектуры, а порой и заменяли их в интерьере.

Впервые появившись в текстиле на тканых элементах декора в апартаментах знати, арабеска после отмены запрета на печатное орнаментирование ткани перешла в декор более дешевой в исполнении набойки, украсить которой свое жилище могла себе позволить французская буржуазия, стремящаяся подражать дворянской моде. В этом отношении мотивы и сюжетные композиции набивных «тканей

с персонажами» набивной мануфактуры Жуи можно считать своеобразным развитием жанра арабесок [Gril-Mariotte 2015: 77—184]. Французский вариант использования арабесок отличается обаянием и шармом стиля рококо, далеким от археологической строгости, характерной для английской продукции. При этом предпочитают скорее объемные изображения, чем плоские, а присутствие пышных цветов и роскошная элегантность должны стать источником удовольствия для зрителя.

Тем не менее некоторые теоретики классицизма и, в частности Ж.-Ж. Винкельман (J.-J. Winckelmann) (1717—1768), призывали по примеру Витрувия изгнать из искусства арабески, считая их не созданием греческого и римского гения, но творением ориентальным, возможно китайским, которое декадентствующие римляне, «уставшие от роскоши, использовали для развлечения своих глаз» [L'art decoratif en Europe 1992: 23]. По мнению Ж.-Ж. Винкельмана, Рафаэль был вынужден исправлять «очевидные странности этого вкуса с помощью своего морального чувства», и в результате зритель может обнаружить «крупницы мудрости под маской безумия».

Действительно, эти образцы «свободной красоты» отрицали возможность прочитывания в изображении смысла, изначально имевшегося в античном словаре, но затем практически исчезнувшего в связи с увлечением декоративной стороной изображения. Кто вспоминает сегодня, например, о том, что мотив драпировки в виде зонта или тента (который в словаре мотивов обоев называется просто «веер» или «крыло летучей мыши») должен был символизировать платоновский небесный шатер? Образованная публика могла оценить компоненты арабесок и даже прочесть их символический смысл, но не принимала его всерьез, а ценила прежде всего их изысканный вкус, веселость и легкость сочетаний. Формализм арабесок, использование в них благородных ценностей античности и Ренессанса хорошо соответствовали духу человека эпохи Просвещения и удовлетворяли его культурные запросы.

Успех арабесок был вызван двумя факторами: желанием покончить с образным строем каждодневной реальности путем возврата к античности и с поисками ответа на социальные проблемы своего времени. В этой связи историк Пьер Шоню (P. Chaunu) говорит о декоре, «который стремится достичь труднодоступного равновесия чувственной жизни и требований социальной этики» [L'art decoratif en Europe 1992. V. II: 200]. Будучи воплощением принципа изменчивости и непостоянства, мотивы арабески сами постоянно эволюционировали, «встраиваясь» во вновь возникавшие стили — направления французского декоративно-прикладного искусства. И хотя периоды ее широкого применения сменялись периодами частичного забвения, элементы арабески скрытно или явно присутствуют в орнаментальных мотивах вплоть до наших дней.

© Ткач Д.Е.

Дата поступления: 18.07.2016

Дата принятия к печати: 29.08.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Chastel A.* (1988). *La grotesque. Essai sur l'ornement sans nom.* Paris: «Le Promeneur».
2. *Gril-Mariotte A.* (2015). *Les toiles de Jouy.* Rennes: Presses universitaires de Rennes.
3. *L'art decoratif en Europe* (1992). *Classique et Baroque. T. II / sous la direction de Alain Gruber* Paris: ed. Citadelles et Mazenod.
4. *Les papiers peints en arabesque* (1995). Paris: Editions de la Martinière.
5. *Zamperini A.* (2007). *Les grotesques.* Paris: Citadelles & Mazenod.

GROTESQUES AND ARABESQUES FIGURATIVE LANGUAGE IN THE FRENCH DECORATIVE ART OF XVII—XVIII CENTURIES

D.G. Tkach

Moscow State University of Design and Technology
1, Malaya Kaluzhskaya st., Moscow, Russia, 119071
tkach.dmitry@mail.ru

The article analyzes the imagery of grotesque and arabesque, which were an important primary source of ornamental language of French decorative arts in the XVII—XVIII centuries. Grotesque reproduced murals (fresco) of ancient buildings (caves) discovered in course of XV century excavations in Rome. Renaissance artists found similarities between grotesque and Arabic ornaments. Presumably, in this regard, the term “arabesque” was used as often as the term “grotesque” since the end of the XVI century. During the XVII—XVIII centuries, French artists Jean Bérain and Antoine Watteau renovated and deeply transformed the style and content of the Arabesque decoration. Figurative language of arabesques, the use of antiquity and the Renaissance noble values corresponded to the spirit of the Enlightenment man, satisfied its cultural needs. Nowadays arabesques remain the relevant part of the ornamental vocabulary of European designers and decorators.

Key words: grotesque, arabesque decoration, ornament semantics, baroque, rococo, French art

СИНТЕЗ ИСКУССТВ В РАБОТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕКАДЕНТОВ И СИМВОЛИСТОВ

Ф. Бодорр

Университет Бордо Монтень
Domaine Universitaire, Esplanade des Antilles, 33607 Pessac
Philippe.baudorre@u-bordeaux-montaigne.fr

Д.В. Кунцевич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
d.kuntsevich@gmail.com

Одним из основных законов существования истории можно по праву считать взаимное обогащение искусств и культур. Противники или сторонники «декадизма», лишь за редким исключением, не связывают это направление с понятием упадка цивилизации. Декаденты утверждали, что современный язык скуден, его недостаточно для передачи тех чувств, которые они испытывают, поэтому поэтические средства сознательно обновлялись, чтобы выразить новое мировосприятие. Создавались такие оригинальные слова, как *stagnance* 'застойность' (от *stagnant* 'застойный'), *sombre* 'темность, мрачность' (*sombre* 'темный') и многие другие. Для того, чтобы сделать поэзию декадентов доступной широкому кругу читателей, в 1888 г. даже появился «Малый глоссарий для понимания декадентских и символистских авторов» под редакцией Ж. Пловера. В данной статье мы приходим к выводу, что эпоху конца XIX — начала XX вв. можно охарактеризовать как время духовного обновления, культурного подъема не только в поэзии, но и в музыке, театральном искусстве.

Ключевые слова: литература символизма, французская поэзия конца XIX в., неологизмы, синтез искусств

ВВЕДЕНИЕ

Декаденты и символисты «собирали» звуки со всех клавиш и краски со всех палитр. Значимым сходным элементом для декадентов и символистов была опора на интуитивное видение мира, разум отступал на второй план, но у символистов не было чрезмерной меланхолии, изошренности в демонстрации деталей. Для декадентов было важно отгородиться от действительности в своем «замке из слоновой кости», изолировать себя от других «я», тогда как символисты, напротив, стремились превозмочь мир, соединить свои «я» с миром, с вечным духом. Декаденты и символисты, дополняя друг друга, вели борьбу между собой. Декадентское умонастроение стало стилем и образом жизни.

Быть декадентом значило искать то, что может тронуть душу и поразить гаммой впечатлений. Таким образом художники слова вели поиск новых форм выразительности. В журнале «Декадент», № 28, 1886 г. было заявлено: «Notre but consiste à éveiller le plus grand nombre de sensations possible avec la moindre quantité de mots. Notre style doit être rare et tourmenté, parce que la banalité est l'épouvantail

de cette fin de siècle, et nous devons rajeunir des vocables tombés en désuétude ou en créer de nouveaux pour noter l'idée dans la complexité de ses nuances les plus fugaces¹ [Baju 1886: 1]. Появились «революционеры» допустимого написания, литературные «анархисты», которые избегают обычных слов и принятых терминов французского языка и используют необычные идиомы, полные греческих и латинских слов.

ГЛОССАРИЙ ДЕКАДАНСА И СОЗДАНИЕ НОВЫХ СЛОВ

Для того, чтобы сделать поэзию декадентов доступной широкому кругу читателей, в 1888 г. даже появился «Малый глоссарий для понимания декадентских и символистских авторов» («Petit glossaire pour servir à l'intelligence des auteurs décadents et symbolistes») под редакцией Ж. Пловера, где автор на примере современных ему поэтов объясняет происхождение некоторых слов. Например, слово *abscons* ('непонятный, темный'), которое вошло в современную общеупотребительную лексику, ранее, видимо, было неизвестно. Как объясняет Пlover, оно произошло от латинского слова *absconsus*, а, um ('спрятанный').

Новые оригинальные слова создавались в большинстве случаев суффиксальным способом: суффиксы *-ance* (s), *-eur*, *-osité* (s) или *-ité* (s) добавлялись к прилагательным, *-ation*, *-isme* или *-ure* к существительным и т.д. Появились такие слова, как *stagnance* 'застойность' (от слова *stagnant* 'застойный'), *sombreur* 'темность, мрачность' (*sombre* 'темный'), *suprémateur* (*-trice*) 'верховенствующий' (*suprême* 'высший, крайний'), *voluptuosité* 'чувственность' (*voluptueux* 'полный неги, чувственный') и многие другие.

Стиль декадентов вызвал резонанс в общественном сознании. Один корреспондент из Санкт-Петербурга, подражая, написал письмо, которое было опубликовано А. Бажу, основателем журнала «Декадент». Автор письма не был указан, но Н. Ришар утверждает [Stéphane Mallarmé à Debussy 1984: 28], что слова принадлежат Л. Дюмюру, который тогда работал секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге, а позднее, в 1889 г., стал соавтором журнала «Меркюр де Франс» («Mercure de France») и вел обзор русской прессы. Мы считаем более уместным представить французский вариант письма и вариант нашего перевода в корпусе данной работы, не прибегая к сноскам:

Monsieur le Directeur,

Vespéralement naguère je pédambulais en rienant, Perspective Newski. Mon intellect s'entourbillonnait en des nihilités d'une amorphie impensable. Je me spleenais, inscient d'où me venait cette morbidité languide. Tout à coup j'aspectai emmi les néopublications de l'étalage d'un kiosque votre estimabilissime journal le Décadent. Impulsé par la curiosité, je le pris et passai à le déshiéroglypher des heures dont la laboriosité m'était bien payée par les savourités gaudissantes que j'y trouvais. Le comble de la béatité pour moi serait de collaborer avec vous selon la norme décadente. Dans l'espoir... etc... [Correspondance 1886].

¹ Наша цель состоит в том, чтобы пробуждать наибольшее число ощущений с наименьшим количеством слов. Наш стиль должен быть редким и вычурным, потому что банальность — это пугало "fin de siècle", и мы должны оживить вышедшие из употребления слова или создать новые, чтобы передать их в наиболее мимолетных оттенках (Здесь и далее все переводы, кроме особо оговоренных, принадлежат автору статьи. — Д.К.).

В русском переводе:

Господин Директор,

*Недавно **вечером, ничегонеделавши, прогуливался на велосипеде** по Невскому проспекту. Мой рассудок **вскружился в нигилистичностях** немислимой бесформенности. Я бессознательно **хандрился** по поводу того, откуда пришла моя томная болезненность. Внезапно я **облек** в витрине киоска **среди неопубликаций** вашу **сверхдостоянную** газету «Декадент». Любопытство подтолкнуло меня к тому, чтобы взять ее и провести часы, чтобы **дизиероглифировать, тяжесть** этой работы была вознаграждена теми **чувственными пикантностями**, которые я нашел внутри. Вершиной **блаженности** для меня была бы возможность сотрудничать с вами согласно декадентской норме. В надежде на и т.д. ...*

Подобрать правильный перевод для многих из указанных слов, сохраняя функции и смысл, было довольно проблематично. В некоторых вариантах нам пришлось изменить принадлежность к части речи либо подобрать существующую в русском языке дефиницию.

Слово *вечером* выбрано нами в данном переводе в связи со смыслом французского прилагательного *vespérale* ‘(вечерний)’, к которому добавлен суффикс наречия *-ment*. *En rienant* ‘ничегонеделавши’) образовано суффиксальным способом: к слову *rien* ‘ничего’) добавлен суффикс *-ant*, который в сочетании с *en* формирует деепричастие. *Pédambulais* ‘прогуливаясь на велосипеде’) образовано автором письма благодаря соединению двух слов: *déambuler* ‘бродить’) и *pédaler* ‘ехать на велосипеде’).

S’entourbillonnait ‘вскружился’) образовано добавлением к слову *tourbillonnait* ‘кружиться’) префикса *en-*, который может выражать либо ‘положить во что-то’, либо ‘отдаление от чего-то’, и возвратной частицы *se-*, которая, может быть представлена в русском языке как *-ся/сь*. К слову *nhiliste* ‘нигилистический’) добавлен суффикс *-ité*, который служит для образования абстрактного существительного, выражающего качество. Таким образом, слово *нигилист* в данном случае не подходит, нами найден другой вариант — *нигилистичность*.

К известному слову *сплин* автор письма добавляет морфему греческого происхождения *-iser*, чтобы оформить глагол. В русском языке есть аналогичное слово *хандрить* к однокоренному существительному *хандра*, но форма усложнена возвратной местоименной частицей *me* (*se*), поэтому нами было образовано слово *хандриться*.

Слово *aspectai* ‘облекать’) состоит из: *aspect* ‘вид, внешность, облик’ и окончания *-ai* 1-го лица ед. числа простого прошедшего времени (*Passé simple*), а архаичное слово *emmi* ‘среди’) в этом же предложении означает ‘в середине, среди чего-то’. *Estimable* ‘достойный уважения’) после добавления суффикса *-issime* со значением превосходной степени, в нашем варианте становится *сверхдостойным*.

Префикс *dés-* во французском слове *déshiéroglypher* происходит от латинского *dis-*, со значением ‘прекращение какого-либо состояния или действия, противоположное действие’. В русском варианте существуют приставки *дис-/диз-* такого

же происхождения. Глагол *иероглифировать* (*hiéroglypher*) образован от существительного *иероглиф* (*hiéroglyphe*), таким образом мы объясняем выбор нашего перевода — *дизиероглифировать*. Постфикс *-ité*, который уже был употреблен автором ранее, формирует существительное *тяжелость* от прилагательного *laborieux* ‘трудолюбивый, тяжелый, трудоемкий’. Прилагательное *savoureux* (от лат. *saporosus*) в переводе на русский язык означает ‘вкусный, пикантный’, после добавления постфикса *-ité* и *-s* мн. числа мы получили существительное *пикантности*. Чтобы образовать прилагательное *gaudissantes* (‘чувственные’), необходимо поставить архаичный глагол *gaudir* со значением ‘показать свою радость, чувственное наслаждение’ в форму 1-го лица мн. числа *gaudissions* и добавить суффикс *-antes*.

Слово *béatitude* образовано, как мы полагаем, от слова *béat* ‘блаженный, безмятежный’ с добавлением суффикса *-ité*. Нами выбрано для перевода слово *блаженность*, т.к. слово *блаженство* во французском языке — это *béatitude*.

Текст данного письма, хорошо проработанный и усложненный большим количеством морфем, был пародией на тексты декадентов. Употребление новообразованных слов, даже если мы способны дифференцировать части речи и смысл, затрудняет чтение. Декаденты были готовы на все, кроме банальности. Для них это было знаком прогресса и развития языка, таким образом они делали текст более музыкальным. Поэтическое слово по природе своей стремится к воспроизведению, реализации в музыке, т.е. поэзия зависит от «духа музыки». Музыка — это выражение мира на всеобщем языке, она передает настроения и душевные переживания, как и в стихотворениях, слушатель (читатель) слышит то, что он желает услышать. Она выражена множеством возможных мелодий, объединенных в одну форму. Стихотворения перелаживаются на музыку (песни, опера и т.д.), чтобы найти новое выражение своей формы. Музыка, разделяя с текстом символистскую эстетику, стремится упоминать о волнениях и впечатлениях, а не описывать события.

СИНТЕЗ ИСКУССТВ: ПОЭЗИЯ, МУЗЫКА, ТАНЕЦ, ТЕАТР, ЖИВОПИСЬ

Ш. Морис в «Литературе сегодняшнего дня» очень точно пишет о синтезе искусств: «Искусство восходит к своим первоисточкам: изначально единое, оно обретает это единство вновь, и Музыка, Живопись и Поэзия, три преломления единого луча, все больше стремятся сойтись друг с другом, дабы слиться в общей конечной точке, как когда-то из общей точки разошлись» [цит. по: Косиков 1993: 435].

Примером такого единения может быть известное стихотворение Малларме «Послеполуденный отдых Фавна» («L'Après-midi d'un faune», 1865), которое послужило основой одноактного балета В. Нижинского на музыку Дебюсси. Поэтов-символистов влекли к себе двойственные фигуры: фавны, химеры, сфинксы, андрогины. Мифические образы, наполненные несколькими возможными значениями, тайнами и мистикой, притягивают к неведомому, но никогда не позволяют достичь его, т.е. символичны. Поэма «Послеполуденный отдых Фавна» по боль-

шей части состоит из изображения последовательных пейзажей, которые приводят в движение желания и мечты Фавна в этот знойный день, например:

*Non, mais l'âme
De paroles vacante et ce corps alourdi
Tard succombent au fier silence de midi:
Sans plus il faut dormir en l'oubli du blasphème,
Sur le sable altéré gisant et comme j'aime
Ouvrir ma bouche à l'astre efficace des vins!
Couple, adieu; je vais voir l'ombre que tu devins.*

*Возвратись,
Безмолвная душа, к полуденному зною,
Где плоть усталая смирится с тишиною, —
Там опьяняющих лучей я выпью сок
И, голову склонив на страждущий песок,
Забуду дерзкие кощунственные речи.
О нимфы! И во сне я с вами жажду встречи (Перевод А. Солина)*

С. Малларме пытался упразднить синтаксис, сократить слова, заменяя их мелодичностью фраз, выразить ощущения сочетанием звуков. Именно в наличии подтекста, второго плана, в сознательных «намёках» на известный (но не ограниченный) контекст и состоит особая символичность. Поэт говорил об «игре литературы», утверждая первенство слова, текста, языка. Как заявлено в его стихотворении «Душа вкратце» («*Toute l'âme résumée*»), язык развивается по собственным законам: «Слишком точный смысл убивает // Твою свободную литературу» («*Le sens trop précis rature // Ta vague littérature*»).

К. Дебюсси, в отличие от романтиков, которые передавали собственные чувства с помощью музыки, предложил другой способ выражения: он нарисовал впечатление, возникшее при воспоминании образа. Композитор полностью отказывается от стандартной схемы — экспозиция, развитие действия, экспозиция, чтобы форма его выражения была свободной. Кроме того, можно заметить тенденцию повторения некоторых музыкальных отрывков друг за другом. В этой музыке мы словно слышим, как ветер играет в листьях, легкость получается благодаря звукам флейты, которые преобладают в данном произведении: соло флейты; затем флейта совместно со струнными; флейта и арфа; флейта, арфа и струнные. Оркестр раскрывается постепенно, параллельно действию текста.

С. Малларме остался доволен совместной работой. В письме от 23 декабря 1894 г. он пишет: *Je sors du concert, très ému: la merveille! Votre illustration de l' "Après-midi d'un faune", qui ne présenterait de dissonance avec mon texte, sinon qu'aller plus loin, vraiment, dans la nostalgie et dans la lumière, avec finesse, avec malaise, avec richesse. Je vous presse les mains admirablement, Debussy¹ [Mallarmé 1894].* Для Малларме музыка является основой поэзии, тем ориентиром, в направлении которого следует совершенствовать поэтическое слово. Она выступает и как практиче-

---

¹ «Я вышел с концерта очень взволнованным: чудо! Ваша иллюстрация „Послеобеденного отдыха Фавна“ несколько не диссонирует с моим текстом, а лишь наоборот — идет дальше, к ностальгии, свету с тонкостью, тревогой, великолепием. С восхищением жму Вашу руку, Дебюсси».

ский прием (способ гармонической организации поэтических образов), и как всеобщий принцип («свод всепроникающих отношений»).

Пика известности «Фавн» К. Дебюсси достиг лишь в 1912 г. после постановки балета В. Нижинским. Его хореография положила начало современным танцевальным направлениям. Наряду с музыкой возникает следующий смыслообразующий пласт — танец. Движение мысли перерастает в танцевальные движения. Закладывается характер поэтического произведения, воплощается несказанное, это своего рода оформленная поэзия. То, что уже выражено словами, перерождается в немом ритме движений. Танцовщик становится одновременным воплощением двух миров: реального и символического. Мы наблюдаем возвращение к размеренным жестам и шагам, подсказанным греческой непринужденной и анакреонтической мифологией. Образ чувственных танцовщиц преобразуется в движениях, раскрывается человеческая амбивалентность. Музыка и миф нераздельно связаны. Миф пробуждает иллюзию, а музыка придает жизнь миру мифа. В дионисийской музыке проявляются ранее неиспытанные чувства, самые глубокие переживания находят свое символическое выражение.

Истинный дар художника раскрывается в завуалированных образах как поэзии, так и балета. Понять общую идею возможно, лишь созерцая всю картину в целом. Малларме в своей заметке про балет пишет следующее: «Toujours le théâtre altère à un point de vue spécial ou littéraire, les arts qu'il prend: musique n'y concourant pas sans perdre en profondeur et de l'ombre, ni le chant, de la foudre solitaire et, à proprement parler, pourrait-on ne reconnaître au Ballet le nom de Danse; lequel est, si l'on veut, hiéroglyphe»¹ [Mallarmé 1897:184—185]. Это верное замечание, ведь балет, танец, — очертание идеи, спрятанной за символом, которую еще следует дешифровать. Танцовщица, как говорит Малларме чуть выше в своем тексте, «...elle ne danse pas, suggérant, par le prodige de raccourcis ou d'élan, avec une écriture corporelle ce qu'il faudrait des paragraphes en prose dialoguée autant que descriptive, pour exprimer, dans la rédaction: poème dégagé de tout appareil du scribe»² [Mallarmé 1897: 173].

Образ танцовщицы появляется у многих символистов, так, например, у Ш. Мориса есть целый цикл стихотворений «Ангел и Танцовщица» («L'Ange et la Danseuse») в сборнике «Пурпурный занавес» («Le rideau de pourpre»). Танцовщица и ангел становятся легкими и невесомыми. Крылья ангела подобно газовому платью балерины переносят в новый скрытый мир, сравните:

*La danseuse avec art multipliant l'espace
Tandis que l'Ange au ciel chante d'éternité,
Je me sacre le roi d'un monde illimité
De par une, aile et gaze, unique et double grâce.*

¹ «Театр всегда искажает, с профессиональной или литературной точек зрения, искусства, которые он воплощает: музыка не складывается, не потеряв своей глубины и теней, песнь не воспроизводится из грозного одиночества и, собственно говоря, можем признать, что лишь в Балете мы узнаем имя Танца, который, если хотите, иероглиф».

² «...не танцует, поражая необыкновенными ракурсами или прыжками, своим корпусом она пишет то, что в описательной прозе делят на параграфы, чтобы объяснить в редакции. Она — поэма, свободная от любых приспособлений писаря».

*Танцовщица искусная кружится по пространству,
На небе Ангел поет о вечности,
Я короную себя правителем бесконечности,
Единой и двойною грации, крыла и флера.* (Перевод И. Тхорджевского)

С таким основным планом грации и грезы декорации не должны были мешать мечтать о потустороннем, додумывать образы. Л. Бакст создал неповторимые декорации к балету «Послеполуденный отдых Фавна», где передал магическую красоту окружающего мира. Более ранним примером устранения театральных нагромождений на сцене можно считать воплощение в жизнь в 1890 г. идеи «внутреннего театра» Малларме — «Театр д'Ар» Поля Фора. Декорации были обозначены схематично, чтобы освободить пространство для мысли, театр переопределяется в источник грезы: «Это были художественные чтения поэзии, превращавшиеся в моноспектакли с условным декоративным оформлением, иногда сопровождающиеся пантомимой или чтением по ролям» [Тишунина 1998: 54]. На сцене звучали известные произведения Бодлера («Падаль»), Рембо («Пьяный корабль»), Лафорга («Феерический сбор»), Малларме («Неудача») и др. Как мы убеждаемся, вслед за Верленом предпочитали намек описанию и оттенок цвету не только поэты, но и композиторы, и живописцы.

Модерн покорила Европу, касаясь всего вещного. Никогда культура так не расширялась, ни одна культура столько в себя не вмещала. Искусство — проявление авторского мнения, реакции на окружающий мир и способ общения с ним. Смыслом жизни символистов становится обновление реальности через раскрытие глубин подсознания. Символизм не сводился лишь к поэтическому творчеству, но становился основанием стиля жизни и формой мышления. Преодоление банальности становилось знаком прогресса и развития языка.

О важности и возможности прогресса писал А. Бажу (под псевдонимом *Pierre Vareilles*) в первом номере «Декадента»: «Grâce à toi, ô progrès! on ne verra plus dans le XX siècle se promener sur nos boulevards des hommes hirsutes. Les grandes barbes auront disparu. Les visages affinés des nouvelles générations seront glabres et immaculés. Déjà les Décadents, précurseurs de la société future, se rapprochent beaucoup du type idéal de la perfection. Les quelques poil fins et soyeux de leur figure ne rappellent que de loin la grossièreté de la brute. L'homme s'affine, se féminise, se divinise»¹ [Vareilles 1886]. Искусство — катарсис, очищение человека, а очищение — систематическая работа над своей душой. Оно возводит человека к высшему, далекому от страстей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синтез искусств, или синестезия, по нашему мнению, отображает стремление авторов передать «невыразимое», «тайное». Символисты впервые объединили музыку, суггестию, символ и снова вернули поэзии значение истинного искусства

---

¹ «Благодаря тебе, о, прогресс! В XX в. по нашим бульварам не будут больше прогуливаться мохнатые люди. Длинные бороды исчезнут. Облагороженные лица новых поколений будут безбородыми и незапятнанными. Уже декаденты, предшественники будущего общества, приближены к идеальному типу совершенства. Лишь некоторые тонкие и шелковистые волоски на их лицах издали напоминают грубость зверя. Человек утончается, феминизируется, обожествляется».

ва. Они смогли «увидеть» звуки, облечь музыку в форму, передать ее цветовую палитру, а цвет — это тот же тембр произведения. Они подчеркнули существующие соответствия между различными смыслами, запахами, цветами и звуками. Проведенный анализ подводит нас к выводу, что взаимное обогащение различных видов искусств — поэзии, музыки, танца, живописи — захлестывает весь культурный пласт конца XIX — начала XX вв. Доказательством этого служит постановка В. Нижинским балета «Послеполуденный отдых Фавна» на слова С. Малларме, музыку К. Дебюсси с декорациями Л. Бакста.

© Ph. Baudorre, Кунцевич Д.В.
Дата поступления: 15.05.2016
Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Bajou A.M.* (1886). Champsaur et les décadents // *Le Décadent littéraire*, 16 octobre 1886, no. 28.
2. Correspondance (1886) // *Le Décadent*, 12 juin 1886, no. 3.
3. *Mallarmé S.* (1897). Divagations. Paris: Bibliothèque-Charpentier.
4. *Vareilles P.* (1886). Le Progrès // *Le Décadent*, 10 avril 1886, no. 1.
5. *Richard N.* (1968). Le mouvement décadent. Paris: A.-G. Nizet.
6. Stéphane Mallarmé à Debussy, lettre du 23 décembre 1894.
7. *Косиков Г.К.* (1993). Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора [*Kosikov G.K. French poetry of symbolism. Lotreamon. Songs of Maldoror*]. М.: Изд-во МГУ.
8. *Тишунина Н.В.* (1998). Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: Опыт интермедиального анализа [*Tishunina N.V. West-European symbolism and the issue of arts interaction: Study in inter-medial analysis*]: Монография. Спб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.

ARTS SYNTHESIS IN TEXTS OF FRENCH DECADENTS AND SYMBOLISTS

Ph. Baudorre

Université Bordeaux Montaigne
Domaine Universitaire, Esplanade des Antilles, 33607 Pessac
Philippe.baudorre@u-bordeaux-montaigne.fr

D.V. Kuntsevich

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
d.kuntsevich@gmail.com

Mutual enrichment of arts and cultures should be considered as a fundamental rule of existence of history. Opponents or supporters of “*décadisme*”, with some minor exceptions, do not connect this movement with a concept of the civilization decline. Decadents considered modern language to be poor and insufficient for expressing the feelings they were experiencing. Therefore, poetic resources were consciously updated to express the new attitude. They created such original words as *stagnance* (from *stagnant*), *sombreur* (from *sombre*), etc. J. Plowert even composed “Small glossary to understand decadent and symbolist authors” (1888) to make decadent poetry comprehensible to readers. Decadents’ style has caused a resonance in public consciousness at all levels of art. In this article we will try to prove that the era of the late 19th century can be characterized as the time of spiritual renewal and cultural rise not only in poetry, but also in music and theater.

Key words: literature of symbolism, French poetry of the end of the XIX century, neologisms, synthesis of arts

ОТ ПОСТРОМАНТИЗМА К СИМВОЛИСТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ: «ЦВЕТЫ ЗЛА» Ш. БОДЛЕРА

В.В. Шервашидзе

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
shervash@yandex.ru

Ш. Бодлер создал новую поэзию — поэзию настроения, тайных предчувствий, ассоциаций, импрессионистических красок. «Символист вне символизма», он в теории соответствий раскрыл через «тайный» язык символов «дыхание вечности», эзотерическую сущность мира, которая посредством языка искусства приобретает телесность — становится зримой, слышимой, доступной.

Ключевые слова: символ, суггестия, поэтика, ассоциация, красота, теория соответствий, телесность

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX—XX вв. происходит разрушение позитивистской картины мира, рационалистических форм познания, в рамках которого европейское художественное сознание держалось на протяжении четырех столетий, начиная с Возрождения. Индивидуальная рефлексия как основной объект искусства отходит на второй план. Единственным выходом из рефлексии становится синтез, уничтожение всяческих границ — творчества и Бытия, Науки и искусства, всех художественных форм. Различные явления культуры, достигшие своего предела, продолжают разложение собственной формы и приближаются к некоей противоположности: «Литераторы, художники, символисты, рассматривали вопросы формы в ней самой (в ее глубинном смысле). Этим объясняется их поиск суггестивной формы, обращение к истории, мифологии, к легендам, фольклору, их стремление к пониманию символа как связи между аллегорией и эмблемой» [Бодлер 1997: 51].

НОВЫЕ ФОРМЫ ИСКУССТВА

Кризис натурализма, реализма, постромантизма привел к возникновению новых форм искусства; импрессионизма и символизма. В символизме намечается ощущение тайных взаимосвязей вещей, их взаимного противодействия. Символисты увлекают в свой особый мир, в «высокие сферы духа». В их произведениях создается замкнутая система символов, которая отражает сущность явлений, заставляет почувствовать идеальный, предельный мир, лишенный формы. Символ рождает смутные ассоциации чувственных переживаний, создает ощущение соприкосновения с «тайной», с «неизвестным», а именно: «Символ не только образ или знак идеи, но действительно живая жизнь идей, в нем все чувственно и действительно» [Берковский 2001: 15]. Символ, являясь «средоточием тайны», никогда не позволяет ее достичь. Этим объясняется изобилие двойственных мифологических фигур — фавнов, химер, андрогинов — в поэтике символизма. Двойственная

природа символа обуславливает аналогии и соответствия, создавая «бесконечные цепочки вещей, непрестанно окликающих друг друга» [Жирмунский 1996: 45]. Многозначность символа снимает оппозицию добра и зла, жизни и искусства, красоты и уродства, предвосхищая теорию деконструкции Ж. Деррида.

Воспринимая искусство и жизнь как единое целое, символисты приходят к пониманию необходимости расширить роль художественной формы в культуре. Поэзия воспринимается как синтетическое искусство, использующее все выразительные средства: музыку, слово, символику цвета. Непосредственным предшественником символизма был романтизм, в природе которого коренится символическое мироощущение. Для Колриджа поэзия — это «способность открыть тайну вещей». Для Новалиса «поэзия имеет много точек соприкосновения с мистическим». В отличие от романтиков у символистов иное понимание мира: подлинное бытие — абсолютное объективное начало, к которому принадлежит и Красота, и Мировой Дух.

Цель символизма — суггестивное выражение недостижимых мистических идей через язык символов. Внутренняя логика романтизма развивалась в трагическом противоречии идеала и действительности. Но если в йенском романтизме это противоречие снималось игровым характером романтической иронии, то в позднем романтизме осознание непреодолимой действительности бытия превращало буффонный, игровой характер романтической иронии в трагическую гримасу, карикатуру. В сказках Гофмана это приводило к обесцениванию действительной жизни и превращению идеала в бессильную иллюзию. Он пишет: «Жизнь — шутовской наряд, украшенный погремушками, который надело пустое. Ничто, чтобы им звенеть и потом со злобой разорвать и бросить прочь» [Немецкая романтическая повесть 1935: 172]. Действительная жизнь у Гофмана изображается как карикатура: «Ансельм влюблен в зеленую змейку. Чудаковатый, физически немощный архивариус Линдхорст — всемогущий повелитель Саламандр» («Золотой горшок»). Н. Берковский выделил основные черты, свойственные романтической культуре: «На ранней стадии, в йенском романтизме доминировала идея синтеза противоположностей, в дальнейшем все больше влияние стал приобретать романтический натурализм, связанный с представлением о страшном и непостижимом мире» [Фуко 1977: 152].

ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ И ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ Ш. БОДЛЕРА

Исповедальный лиризм французской романтической поэзии, в своей предельной самоуглубленности, обнаруживает «ничто», «которое есть ноль», по выражению Шеллинга. Для творческого мышления Ш. Бодлера, как и для всей романтической и постромантической культуры, свойственно трагическое осознание «ничто», обусловленное идеей непреодолимой двойственности. Внутренняя логика переживаний поэта обуславливает трагическую раздвоенность Души, испытывающей одновременно «ужас перед жизнью и восторг жизни». Бодлеровская иро-

ния, не просветленная идеалом, в каждом явлении видит «неизбежную двойственность, хотя производимое впечатление едино» [Шеллинг 1966: 430]:

*О светлое смешение с мрачным!
Сама в себя глядит душа.
(«Неотвратимое»)*

Ш. Бодлера терзают две бездны; он читает две «молитвы»: одну — Богу, другую — Сатане: «В каждом человеке всегда живы два стремления: одно к Богу, другое к Сатане. Обращение к Богу, или одухотворенность — это желание как бы подняться ступенью выше; призывание Сатаны, или животное состояние — это радость падения» [Шеллинг 1966: 445].

В его творческом сознании происходит обесценивание действительности, где «все обман и ложь, а жизнь безжалостна и нет совсем любви» («Исповедь»). Поэт стремится уничтожить, примирить этот дуализм, обрести единство и цельность в искусстве. Эта бодлеровская жажда гармонии является оборотной стороной его «тоски по бесконечному», по «идеальному, предельному» миру, лишенному формы. Поэта влечет тайна того, что «стоит за пределами материального мира» (в его терминологии «сверхнатурализм»). Он пытается проникнуть в мир откровений, тайна которого раскрывается в «блеске капельки росы», «в стоне ветра», «в цветке былинки» («Мое обнаженное сердце»). «Сверхприрода» в поэзии Ш. Бодлера дана непосредственно «в природе»; «эйдосы» связаны друг с другом узлами потаенного родства. Вещи являются символами, а природа — «одушевленный храм» — состоит из таких вещей-символов по плану вселенской аналогии. Бодлеровские «таинственные соответствия», в отличие от статичности платоновских эйдосов, проявляются в «многоцветности, в многообразии мира, бушующего в неисчислимых спиральных жизни». Убогость реальности в его поэзии преобразует воображение и талант художника — «зодчего сказочного мира» («Парижский сон»).

Вся вселенная предстает перед Ш. Бодлером «как кладовая образов и знаков, связанных тайным родством аналогий и соответствий». «Соответствия передают сумеречное и глубинное единство древа, которое растет повсюду, в любом климате, под любым солнцем, не из семечка, а самозарождаясь» [Шеллинг 1966: 456]. Поэзия Бодлера менее сентиментальна и более «телесна», чем поэзия романтиков. Закон соответствий и аналогий в его поэзии представляет романтическую модификацию философии тождеств на новом мировоззренческом уровне.

В отличие от романтиков, превращающих мир в порождение собственного «Я», Бодлер стремится быть не «устаами Бога», «медиумом между Богом и людьми» (Новалис), а уловить голос Мировой Души. Поэзия Бодлера взрывает романтизм и создает новую поэтическую реальность, за которой «угадывалось бесконечное, невыразимое обыденным языком» [Вајоу 1887: 203]. Меняется функция слова — вместо исповедальной лиричности романтиков — слово, обогащенное синестезией, суггестией становится бесконечным по содержанию, рождая смутные ассоциации и переливы чувственных переживаний. Бодлер совершает «прыжок» в миры иные, прорываясь через барьеры сознания под воздействием наркотической эйфории, чтобы адекватно ощутить многокрасочность и многоцветность мира

в его телесности. Возникает новая поэтическая образность, построенная на таинственных соответствиях, которые делают возможным неожиданные смысловые переключки разнородных явлений, порождая неожиданные метафоры и аналогии: «голубые волосы», «звучащие драгоценности», «зеленые запахи» и т.д.:

*Я — зодчий сказочного мира
Тот океан поработал
И море в арки из сапфира
Упорством воли воздвигал.
(«Парижский сон»)*

Поэзия Ш. Бодлера приобретает визионерский характер, превращаясь в «чародейство и колдовство»: «слова оживают, облекаются плотью и кровью: существительное во всем своем субстанциональном величии, прилагательное — цветное, прозрачное обличение его... и глагол — это ангел движения, сообщающий фразе язык» [Шеллинг 1966: 142]. Бодлер ощущает себя одновременно «магнетизером и ясновидящим».

*Весь мир ему открыт, и вмятен тот язык
Которым говорит цвет и вещь немая.
(«Парение»)*

«Цветы зла» — это «странствие в поисках Красоты» [там же: 165]. Бодлеровская Красота, лишенная романтической вселенской гармонии (в йенском романтизме), порожденная непреодолимой двойственностью: «дитя небес и порожденье ада»:

*Прислал ли ад тебя иль звездные края?
Ты Бог иль Сатана?
Ты Ангел иль Сирена?
Не все ль равно
Лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь мир от тягостного плена,
Шлешь благовония, и звуки, и цвета.
(«Гимн Красоте»)*

Красота в поэзии Бодлера — «ни моральна, ни аморальна». Цель ее, так же как и искусства, в наслаждении совершенством, вне этических соображений. Красота, как и Мировой Дух, считает Бодлер, принадлежат миру первоначал. Ее многоликость, многовекторность, создаваемая при помощи замкнутой системы символов, является отражением сущности явлений, заставляя ощутить идеальный, предельный мир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эстетизм Бодлера — в аналогии Красоты и Искусства. В «„Цветях зла“, — писал современник поэта — мы находим зачатки тех красот, которым мы поклоняемся» [Raymond 1989: 10]. «Символист вне символизма» Ш. Бодлер при помощи символов раскрывал в образах вечные соответствия и взаимосвязи мира, ведущие

к постижению Вечности и Красоты. Его поэзия, пронизанная суггестией, музыкальностью, игрой красок и ассоциаций обретает телесность, становится зримой, слышимой, доступной. Бодлер создал новые формы поэтической выразительности — поэзию настроения, намеков, тайных предчувствий, в которых ощущалось «дыхание вечного».

© Шервашидзе В.В.

Дата поступления: 07.04.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодлер Ш. (1997). Стихотворная проза [*Baudelaire Ch. Prose in verse*]. М.: Рипол Классик.
2. Берковский Н. (2001). Романтизм в Германии [*Berkovskiy N. Romanticism in Germany*]. СПб.: Издательство «Азбука-Кассика».
3. Жирмунский В.М. (1996). Немецкий романтизм и современность [*Zhirmunskiy V.M. German romanticism and modernity*]. СПб: Аxioma.
4. Немецкая романтическая повесть Т. 1. (1935). [*German romantic novellas*]. Москва—Ленинград.
5. Фуко М. (1977). Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [*Foucault M. Les mots et les choses*]. М.: Прогресс.
6. Шеллинг Ф.-В. (1966). Философия искусства [*Schelling Fr.-W. Philosophie der Kunst*]. М.: Издательство «Искусство».
7. Bajou A. (1887). L'école décadente. Paris: Leon Vanier.
8. Raymond R. (1989). De Baudelaire au surrealism. Paris: Ararpentier.

FROM POSTROMANTICISM TO SYMBOLIST AESTHETICS: CH. BAUDELAIRE'S « LES FLEURS DU MAL »

V.V. Shervashidze

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
shervash@yandex.ru

Ch. Baudelaire created new poetry — the poetry of sentiment, secret premonitions, impressionistic colors and associations. «Symbolist out of symbolism» in the theory of correspondences as is revealed through the secret language of symbols the esoteric essence of the world through the language of art becomes the body — then becomes visible, audible, intelligible.

Key words: symbol, suggestion, poetic, association, beauty, theory of correspondences

КОНЦЕПЦИЯ «ДРУГОГО» В ТРИЛОГИИ Ж. РУО («Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе»)

Ю.А. Косова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
uakossova@mail.ru

В статье рассматривается тема поиска собственной идентичности в трилогии Ж. Руо («Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе»). Эта проблематика анализируется сквозь призму этической философии Э. Левинаса, согласно которой для построения субъективности необходимо присутствие «Другого». В трилогии актуализируются такие важные левинасовские концепты, как бескорыстное отношение к Другому, ответственность за Другое лицо. Две «инаковости» Э. Левинаса — тайна Смерти и тайна Другого (Женского) — определяют построение каждого романа и всей трилогии в целом. Поиск собственной идентичности раскрывается сквозь серию метафор и концептов: «темнота», «туман», «свет», «близорукость», «хромота», «вознесение». В статье подчеркивается роль интертекстуального диалога с произведениями живописи, мировой литературы, Библии. Определяются основы танатологического подхода к истории жизни человека — от смерти к жизни, которая подрывает траурную динамику начала каждого романа и последовательно вписывает их в движение «восходящей спирали», которая утверждается на всех уровнях текста: структурном, образном, лексическом и ритмическом.

Ключевые слова: субъект, субъективация, поиск собственной идентичности, Другой, философия Левинаса, интертекстуальный диалог

ВВЕДЕНИЕ

Французская литература трех последних десятилетий отходит от принципа «стирания» субъекта, который формулировался в критических статьях и воплощался в произведениях М. Бланшо, С. Беккета и новороманистов. Однако в начале XXI в. после Р. Барта, А. Роб-Грийе, Н. Саррот представляется невозможным возврат литературы к однозначности, полноте и психологизму в изображении человеческой личности. По определению критика Б. Бланкеманна, современные французские писатели ставят «неизвестное в себе как уравнение, приручение своего „иного“ как цель». Пишущий субъект не является больше ни источником письма, ни готовой субстанцией. Он рождается и утверждается в процессе работы над текстом, который рассматривается как „усилие по созданию самого себя через письменную речь“, как „этап генезиса субъекта“: „Я“ не предполагается заранее, но оно возникает из жестов и действий; слова составляют ментальную сеть, которая позволяет осознать жизненный опыт и одновременно воздействует на него по принципу обратной связи...» [Blanceman 2000: 13].

Автобиографическая доминанта характерна для творчества многих современных французских писателей: А. Эрно, Ф. Бона, Р. Бергунью, Р. Милле, Ж. Руо и др. В выборе тем обнаруживается близость их творческих исканий с философско-этическими размышлениями выдающегося мыслителя XX в. Э. Левинаса. Сартров-

ское понимание межличностных отношений как конфликта («Конфликт — таков изначальный смысл бытия для другого»), как разобщенности «я» и «ты», находящихся в состоянии безысходной борьбы, постепенно уступает место фундаментальной связи с «Другим», «бытию-с-другим».

По мысли Э. Левинаса, существующий страдает от переполненности своим бытием. Он ищет избавления от акта-существования в Другом, который, благодаря абсолютной инаковости, не подвержен какому бы то ни было поглощению чужим сознанием. Свобода человека заключается не в его способности противостоять Другому, как у Ж.-П. Сартра, а в восприятии его самого и его инаковости как основы своей собственной свободы. Именно с появлением Другого, согласно философу, рождается будущее. «Захват настоящим будущего — не акт жизни одинокого субъекта, а межсубъектная связь. Ситуация бытия во времени заключается в отношениях между людьми, то есть в истории» [Lévinas 1982: 81]. Для Э. Левинаса встреча с «Другим» — это нахождение «лицом к лицу», сохранение близости, которая, однако, не допускает слияния «Я» и «Другого» и превращения его в alter ego. Из значимости концепта «лица» вытекает категория ответственности за Другого, составляющая основу субъективности. Ответственность является более важной категорией, чем сама свобода. Таким образом, субъективность возникает благодаря ответу на зов Другого, она свидетельствует о незаменимости человека в мире через его бесконечную ответственность за Другого. «Я» и «Другой» оказываются, согласно философу, неразрывно связаны в построении идентичности.

Исходя из новой мировоззренческой парадигмы, согласно которой постижение себя происходит опосредованно, через «Другого», необходимость писать о себе нередко связывается с постановкой вопросов о своем происхождении и предметности.

ГИБРИДНАЯ ФОРМА ПИСЬМА О СЕБЕ В ТРИЛОГИИ Ж. РУО

Новый подход к субъекту находит отражение в творчестве классика современной французской литературы Ж. Руо. Первые три романа писателя «Поля чести» (1990), «Знаменитые люди» (1993) и «Мир не в фокусе» (1996) образуют сложное тематическое, композиционное и смысловое целое. Гибридная форма романов на стыке вымысла, правдивых воспоминаний и металитературной рефлексии необходима для воплощения многогранного художественного замысла писателя. Через реконструкцию образов представителей двух поколений своей семьи по материнской и отцовской линии и воссоздание истории их жизни на фоне трагических событий XX в. раскрывается важная для литературы рубежа веков тема поиска своего происхождения и построения идентичности меланхоличным наследником, которому не дает покоя завещанная семейная история, отмеченная трауром и лакунами памяти. Исчезновение родителей и дефицит в передаче отцовского наследия лишает человека жизненных ориентиров.

Однако в своих выступлениях писатель ставит под сомнение исключительно автобиографическую референциальность первых трех произведений. Он настаивает

вает на том, что абсолютно не интересуется самим собой и не стремится сделать свою жизнь объектом повествования (в первых двух частях автобиографической трилогии нет рассказа о «приключениях» самого рассказчика, который занимает позицию свидетеля, а его голос растворяется в семейном и коллективном «мы»). Фигуры предков и их скромная провинциальная жизнь, которую Ж. Руо называет «бедным автобиографическим материалом по сравнению с историей Германтов», являются для него «поэтическим месторождением» образов и языка для того, чтобы доказать, что в наше время роман все еще способен в поэтической форме говорить о мире и о человеческом опыте. Его интересует прежде всего то, как «человеческая судьба меняется под влиянием событий», как эпоха, время и место формируют людей [Baty-Delalande 2019: 227]. Кроме того, для Ж. Руо роман — это место эстетического и этического размышления о роли художника в современном мире. Писатель выступает за объединение всех способов художественного выражения в борьбе «против всего, что разрушает человеческое достоинство» [Freymuth 2011: 302].

Ж. Руо рассматривает свои первые романы как единое целое, как самореференциальные произведения, из которых не может быть исключена ни одна часть, так как в них раскрываются этапы становления личности через поиск сопричастности с миром и людьми. В них актуализируются основные концепты этической философии Э. Левинаса: свобода, ответственность, близость, чувствительность, «лицо». Художественное пространство трилогии представляет собой место встречи рассказчика с его предшественниками и ожидания будущих встреч. Отказ от использования местоимения «я» является знаком важности «Другого» для осознания самого себя.

МЕТАФОРА ДВИЖЕНИЯ ОТ «ТЕМНОТЫ» И «СВЕТУ»

Трудный процесс самоидентификации описывается как «долгое странствие сквозь туман» («*longue traversée brumeuse*») [Rouaud 1999: 223]. В начале каждого романа воспроизводится по-разному одна и та же ситуация: рассказчик пребывает в мире, который сразу же поражает читателя своим безразличием и враждебностью.

Роман «*Поля чести*» начинается с известия о смерти любимого дедушки. На первых страницах романа «*Знаменитые люди*» описывается буря, которая погружает городок в кромешную тьму и метафорически предвещает уход из жизни отца. Роман «*Мир не в фокусе*» открывается рассказом о монотонности и унылости провинциальных выходных, которые беззащитный и крайне ранимый сирота-рассказчик проводит на футбольном поле среди насмехающихся над ним товарищей.

Изначальная ситуация бытия в мире в поэтике Ж. Руо определяется опытом смерти отца, которая ускорила уход из жизни других близких людей — маленькой тети Мари и деда Альфонса Бюрго. Этот «черный источник» порождает другие составляющие невыносимости бытия: одиночество, скуку, ощущение физической неполноценности и моральное страдание. Рассказчик приобретает статус «отверженного» — нищего или шута. Это выражается в его сближении с обездоленным сиротой Ивоном и местным сумасшедшим Проньрой. Все персонажи Ж. Руо ис-

пытывают на себе давящий груз бессмысленного бытия, в котором еще нет или из которого уже исчез «Другой». «*Одиночество не имеет себе равных в способности делать все напрасным*», — пишет автор [Rouaud 1996a: 138].

Безразличие бытия к человеку передается у Ж. Руо с помощью повторяющихся из романа в роман метафор «тумана» и «темноты». Через важные для писателя концепты «близорукости» и «хромоты» выражаются изначальная экзистенциальная травма и неполнота в результате смерти отца. Очки являются главным атрибутом молодых героев трилогии: рассказчика, Жифа, Тео. От использования этого оптического предмета зависит их представление о мире и о себе. В хромоте дяди Реми, оставшегося сиротой после Первой мировой войны, воплощается не только историческое поражение Франции в начале века, когда была нарушена преемственность между поколениями в результате гибели отцов, но и повторение этой ситуации пятьдесят лет спустя в судьбе рассказчика, стремление которого надеть на себя маску А. Рембо и Гамлета отражает неустойчивость и раздвоенность личности, у которой нет опоры в действительности.

В буквальной или символической «хромоте» и «близорукости» персонажей Ж. Руо можно видеть аллюзию на миф об инициации, который предполагает символическое прохождение пути между миром живых и миром мертвых, преобразование и возвращение назад. От выбора героя, от его отношения к собственному дефекту зависит то, останется ли он в туманной стороне мертвых или же выйдет к свету. Стать собой означает найти, испытав страдание и осознав хрупкость человеческого существования, «*несколько гектометров асфальта, которые необходимы для моей новой поступи*» и, сбросив пелену слез, по-новому взглянуть на действительность.

Этот мрачный этап жизни является необходимым условием преобразования униженного и пугливого подростка в признанного писателя. Только личный опыт боли и страдания может позволить услышать голоса страдающего мира и создать произведения, являющиеся выражением «красоты и доброты».

Становление личности и ее спасение заключается в поиске источника света, обретение которого знаменует у Ж. Руо выход из «*длинного туннеля печали*» и первый шаг навстречу будущему. Концепты «темнота» и «свет» являются «альфой и омегой» творческого поиска писателя, воображение которого во многом определяется влиянием Св. Иоанна Богослова. Их соприсутствие в мире определяет процесс самоидентификации личности, который выражается через метафору устремленности от тьмы к свету.

Свет керосиновой лампы, зажженной во время бури, вызывает ассоциации со свечой, которую держит в руках маленький Иисус на картине де Латура «Св. Иосиф-плотник» (1593 г.). Красно-оранжевый свет лампы в поэтике Ж. Руо, передающий тепло домашнего очага и человеческую отзывчивость, является знаком надежды на спасение. Интертекстуальная переключка с картинами де Латура выражается через умножение источников излучения теплого света, которые объединяют все части трилогии, подобные путеводной нити. В романе «*Знаменитые люди*» это не только керосиновая лампа, но и огонь печи в доме Альфонса Бюрго. Вариантом свечи маленького Иисуса в романе «*Поля чести*» является свет фар

санитарной машины, которая везет раненого Жозефа в госпиталь Тура. Луч света превращает капли дождя в маленьких светлячков, давая надежду на спасение умирающему солдату. В «*Мире не в фокусе*» комната, в которой происходит инициация рассказчика в когарту мужчин, «*залита золотистым светом фонаря*». Пронзающий ночную тьму свет катафотов на мопеде рассказчика ставит финальную точку в трилогии и символизирует надежду на выход из бесконечного траура и возвращение к жизни.

УЛЫБКА ТЕО И НОВЫЙ ПОДХОД К «ДРУГОМУ»

Становление субъекта у Ж. Руо лишено ореола величия человека-творца, который провозглашался в западной культуре уже со времен эпохи Возрождения. Этическая трансформация личности невозможна без «Другого». Встреча со светом, излучаемым его «лицом», описывается в библейских терминах «чуда» и «откровения», которые возвещают о том, что спасение есть. «...*Маленькое чудо, откровение ее лица, видимого с близкого расстояния, равного едва ширине стола, то есть единственная дистанция, примерно пятьдесят сантиметров, которая позволяла мне ясно видеть*» [Rouaud 1996a: 195]. В романе «*Мир не в фокусе*» слезы Тео заставляют рассказчика забыть о собственных страданиях и слезах через принятие ответственности за «Другого», что становится решающим шагом на пути к его самоопределению.

Бескорыстная улыбка возлюбленной Тео противопоставляется «снисходительной» и «мимолетной» улыбке Жифа, превращающей рассказчика в объект оценки. Она вызывает экзистенциальное «прозрение» героя, который начинает видеть «вещи в новом свете». Благодаря «обезоруживающей» улыбке девушки «Другой» перестает мыслиться как враг. Таким образом в трилогии отражается переход от сартрианской философии межсубъектных отношений как конфликта враждебных феноменов к левинасовскому пониманию взаимоотношений между людьми: «*Но я лишь прикоснулся к твоей жизни, Тео, ведь асимптоты никогда не пересекаются*» [Rouaud 1996a: 182].

С помощью научного термина «асимптота» (греч. *asymptōtos* ‘несовпадающий’, ‘кривой’) писатель определяет новую модель межсубъектных отношений как бесконечное устремление навстречу друг к другу и невозможность слияния, взаимного поглощения и подчинения. Тео воплощает абсолютную «тайну», предчувствие встречи с которой помогало герою романа выжить в самых сложных обстоятельствах: «*В сердцевине вашего одиночества, среди мерного шума прибор, вечер за вечером, преисполненный печали и надежды, вынашивали нежный образ, так похожий на нее*» [Rouaud 1996a: 168]. Нежное движение ее руки по волосам рассказчика возвращает ему уверенность в себя, порождая аллюзию с концептом «ласки» Э. Левинаса.

Тео, имя которой в переводе с греческого обозначает «Бог», в глазах рассказчика наделяется жизнеспорождающей силой. Неразделенная любовь к девушке вносит в его жизнь категорию будущего, что отражается в употреблении ассоциирующегося с ней прилагательного «новый». Именно Тео стимулирует его творческие

поиски и способствует его преобразению в свободную и независимую творческую личность, осознающую свою уникальность и одновременно принимающую уникальность «Другого». Герою Ж. Руо удастся *«вырваться из внутренней ссылки и выйти за пределы себя»*. Новый подход к «Другому» выражается в оксюморо-не — *«парадоксальное счастье быть особенным, как все»* [там же: 139].

МЕТАФОРА «ПЕРЕХОДА К ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ» КАК СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ТРИЛОГИИ

Настойчивая необходимость встречи с «Другим» для спасения личности от невыносимости бытия определяет не только содержание, но композицию каждого романа и всей трилогии в целом. Две «другости» Э. Левинаса — тайна смерти и тайна Другого (Женского) — являются основополагающими понятиями в поэтике писателя, который для обозначения человеческой жизни использует перифразу «соединение смерти и любви» [Rouaud 1996b: 187].

Если тема смерти представлена в повествовании эксплицитно через нагромождение траура и слез, то вторая тема рождается между строк в виде риторического вопроса. Она выражается словами из арии Керубино в опере Моцарта *«Женитьба Фигаро»*: *«Voi che sapete che cosa è amor»* [там же: 30]. В трилогии Ж. Руо раздумье о том, что такое любовь, определяет духовные искания не только Альфонса Бюрго, но других героев. Все они смутно ощущают, что в мире есть что-то, что сильнее самой смерти. Тема любви проходит через все части трилогии. Однако Ж. Руо не описывает взаимоотношения между людьми, его не интересуют переливы чувств. Любовь является синонимом спасения в абсурдном мире. Эта тема возникает постепенно изнутри повествования, она рождается между строк в виде нечетких образов, видений, мечтаний и обретает четкие контуры в конце каждого романа, напоминая коду музыкального произведения.

Пересказывая в третьей главе романа *«Поля чести»* путевой дневник Пьера, который дед рассказчика ведет во время поездки в Коммерси за останками погибшего в Первую мировую войну брата, Ж. Руо предлагает ключ к пониманию движения смыслов в произведении — от смерти к жизни. На металитературном уровне форма записей Пьера отражает структуру романов трилогии. Банальные детали поездки (гостиницы, еда, невзрачный зимний пейзаж) и мрачные фантомы войны сменяются все более настойчивым обращением Пьера к жене, любовным призывом: *«Но в первую очередь его мысли направлены к жене, эти нежные слова, рождающиеся между строк и звучащие, подобно повторяющейся музыкальной фразе, по мере его отдаления от дома их становилось все больше и больше, пока их поток не вырвался на бумагу где-то недалеко от Бар-ле-Дюка в грустной гостиничной комнате, в которой он выписывает внизу страницы эту коду, уязвимую, как желание ребенка, что ему ее бесконечно не хватает, „бесконечно“ подчеркнуто несколько раз, это слово кажется вдруг таким точным, как если бы бесконечность измерялась по мерке этой крупной женицины, присутствия которой достаточно для того, чтобы заполнить пустоту наших жизней»* [Rouaud 1996b: 172]. Наречие «бесконечно» рождает ассоциации с философией Э. Левинаса. Как

и для философа, для Ж. Руо появление «Другого» позволяет его героям вырваться из-под власти тотальности бытия и обрести смысл собственного существования.

Танатологический подход к представлению времени жизни персонажей (естественная хронология нарушена, в композиционном отношении смерть героев предшествует их рождению) подчиняется характерной для творчества писателя логике рождения или возрождения, побеждающей смерть. В изучении следов прошлого автора интересует «переход жизни через смерть», который возможен лишь при участии «Другого». Все персонажи Ж. Руо вырисовываются во взаимоотношениях с другими людьми, в том, что они делают для них. Ответственность за «Другого» не позволяет им оставаться на месте. В противоположность непрекращающемуся движению неожиданная остановка является предвестником смерти героев.

Все части трилогии связываются между собой благодаря жизнеутверждающим финалам. Роман «Поля чести» заканчивается уходом с кладбища молодого Жозефа. Его увлекает за собой навстречу к жизни тетя Мари. Возвращение в мир живых воплощается в восходящем движении вверх по аллеям кладбища. Это событие делает возможной встречу отца рассказчика с матерью и его появление на свет. Второй роман «Знаменитые люди» завершается рассказом о чудесном спасении матери во время бомбардировки Нанта в 1943 г., что также является необходимым условием ее соединения с Жозефом. Как и в случае с отцом, рядом с матерью оказывается «Другой», который в границе между жизнью и смертью протягивает руку помощи. Роман «Знаменитые люди» заканчивается словами: «Ух, мы спасены».

Завершающим событием трилогии становится надежда на появление человека, который может, наконец, сказать «я»: «...Я вообразил, что перед началом подъема отталкиваюсь ногой от морского дна, о чем рассказывают все ныряльщики, думал, что что-то перевернулось или, может быть, Земля пошатнулась, но это было движение, которым я, конечно, собирался воспользоваться, так как, всплыв на поверхность, кто помешал бы вышедшему из вод продолжить свой подъем и, избавляясь от силы притяжения, более легкому, чем воздух, продолжить подниматься, достигнуть тропосферы, стратосферы, экзосферы? И когда маленькая кругленькая фара, установленная между двумя цилиндрическими щеками резервуара и коробкой передач, продырявливала земную ночь, я уже улыбался в ожидании минуты, когда в конце моего триумфального вознесения новая ошеломленная небесная звезда бросится в мои распахнутые объятия» [Rouaud 1996a: 253—254].

В этом отрывке благодаря игре слов и образов переkreщиваются важные для поэтики Ж. Руо темы: рождение человека и библейское Воскресение. В результате гиперболической трансформации из шуточного рассказа о том, как герой выбирается на ночную дорогу из канавы после неожиданного падения с мопеда фирмы «Велосолекс», рождается несколько ассоциаций. В этом описании можно видеть момент рождения ребенка, который вырывается из лона матери. Его появление на свет, телесный разрыв с матерью, являясь маленькой смертью, озна-

чает возникновение будущего. Воспоминание о событии Вознесения Христа на третий день после смерти переплетается с темой рождения будущего писателя, который устремляется навстречу звездному небу — традиционной для литературы метафоры славы. Иронический контекст и указание на случайный характер произошедшей перемены не позволяют, однако, рассматривать фигуру рождающегося на глазах читателя писателя как всезнающего автора-демиурга, подобного Богу.

Новая загорающаяся звезда, устремляющаяся вывесь прочь от способной поглотить ее земли, вызывает, скорее, ассоциации с образами молодых солдат, погибших от удущья в траншеях во время Первой мировой войны, а также с образом сироты Ивона, местного козла отпущения из романа *«Поля чести»*.

Параллель между рассказчиком и его земляком устанавливается благодаря сходству обстоятельств его падения в канаву с ледяной водой и смерти сбитого машиной Ивона, тело которого обнаружили долгое время спустя после трагедии рядом с раздавленным велосипедом. В образе несчастного паренька выражается крайняя степень одиночества и ненужности, а также людского равнодушия и жестокости. Литературное творчество, в основании которого лежит признание незаменимости и уникальности любого человека, является, согласно Ж. Руо, выходом из невыносимости бытия и помогает рассказчику избежать трагического конца его униженного и одинокого двойника.

Сближение библейского события Воскресения Христа с темой творчества вскрывает отношение писателя к искусству как единственному пути спасения личности в современном мире. Его первые романы являются воплощением «крестного пути» человека, живущего в конце XX в., представляют собой сублимацию боли через искусство. Творчество Ж. Руо рождается из преодоления в процессе письма двойного опыта потери: смерти отца и разрыва *a la tabula rasa* с литературной традицией, начатого модернистами и продолженного писателями «эры подозрения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В творчестве Ж. Руо отражается одна из тенденций письма о себе во французской литературе рубежа веков, согласно которой понимание себя невозможно без «Другого».

Исходя из новой мировоззренческой позиции, художественный замысел трилогии определяется, с одной стороны, необходимостью воздать сыновний долг памяти предков, французских провинциалов, спасти этих безмолвных участников истории от *«долгой ночи забвения»*, а, с другой стороны, возвращаясь к своим истокам, автор-рассказчик приближается к пониманию себя. Тема становления и спасения личности через предстоящую встречу с «Другим» выделяется как цементирующая доминанта трилогии. Произведение строится по модели, которая подрывает траурную динамику начала каждого романа и последовательно вписывает их в движение «восходящей спирали», которая утверждается на всех уровнях текста: структурном, лексическом, образном и ритмическом. Ж. Руо по-новому раскрывает старую истину: в современном мире, отмеченном угасанием великих гумани-

стических идеалов (Бог, Родина, прогрессивный смысл истории), единственной непреходящей ценностью является сам человек. «Другой» и поиск следов его присутствия, его «тайна» превращаются в источник постоянного экзистенциального сомнения, стимулирующего творческие искания писателя.

© Косова Ю.А.

Дата поступления: 16.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Baty-Delalande H.* (2010). «L'homme nouveau»: entretien avec Jean Rouaud // Lire Rouaud. Lyon: Presses universitaires de Lyon. P. 219—233.
2. *Blanckeman B.* (2000). Les récits indécidables: Jean Echenoz, Hervé Guibert, Pascal Quignard. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion.
3. *Freyermuth S.* (2011). Jean Rouaud et l'écriture «les yeux clos» De la mémoire engagée à la mémoire incarnée. Paris: L'Harmattan.
4. *Lévinas E.* (1982). Éthique et infini. Dialogues avec Philippe Nemo. Paris: Le Livre de Poche.
5. *Lévinas E.* (2014). Le temps et l'autre. Paris: PUF.
6. *Lévinas E.* (1990). Totalité et infini. Essai sur l'extériorité. Paris: Le Livre de Poche.
7. *Rouaud J.* (1999). Des hommes illustres. Paris: Les Éditions de Minuit.
8. *Rouaud J.* (1996a). Le monde à peu près. Paris: Les Éditions de Minuit.
9. *Rouaud J.* (1996b). Les champs d'honneur. Paris: Les Éditions de Minuit.

THE CONCEPT OF THE *OTHER* IN J. ROUAUD'S TRILOGY ("Les champs d'honneur", "Des hommes illustres", "Le monde à peu près")

Yu.A. Kosova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
uakossova@mail.ru

This paper analyses the search for identity in J. Rouaud's trilogy "Les champs d'honneur", "Des hommes illustres", "Le monde à peu près". The issue of the subject's structure is scrutinized on the basis of E. Levinas's ethics, interpreting subjectification as a result of encountering between the subject and the Other. Indeed, such key concepts of E. Levinas as the Other, the epiphany of the face, the non-indifference towards each other, the responsibility of the responsibility of the Other, are to be found in J. Rouaud's trilogy. Two other concepts of E. Levinas — Death and the absolutely Other — determine each novel's shaping and the whole trilogy. The quest for identity can be read through a series of metaphors and concepts: *darkness* and *fog*, *clarity* and *light*, *myopia*, *lameness*, *smile*, *climbing*. The intertextual dialogue with the Bible, as well as with the pictorial and literary works, plays an important role. The analysis also deals with J. Rouaud's thanatological approach to a lifeworld, starting from a character's death which launches a dynamic of mourning at the beginning of each novel, and growing as an upward spiral expressed at all levels: structural, conceptual, lexical, rhythmic.

Key words: subject, subjectification, the Other, the search for identity, E. Levinas's ethics, the intertextual dialogue

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

УДК 811.161.1'374

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА В ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.Н. Тихонова¹

Институт издательского дела и журналистики
Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова, 2А, Москва, Россия, 127550
tihonen@rambler.ru

Статья посвящена репрезентации грамматической информации о слове в словаре Е.Н. Тихоновой «Русский язык. Уникальный словарь. Все грамматические формы» (М.: АСТ, 2014). Особое внимание уделено глагольным словоизменительным парадигмам, представляющим особую сложность при изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: словоизменение, грамматический словарь, глагол, вид, видовые пары, дефектная парадигма, обучение русскому языку как иностранному

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее трудных разделов при изучении русского языка иностранными учащимися является грамматика. Причина этого заключается в том, что русский язык имеет сложные и нередко нестандартные парадигмы склонения и спряжения, вызывающие затруднения в образовании тех или иных грамматических форм слова. Много таких словоформ у имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, местоимений, однако самой сложной системой грамматических форм обладает глагол. Кроме того, в системе словоизменения всех частей речи, в том числе глагола, встречаются неполные парадигмы, в которых не реализуются некоторые грамматические формы, например: *гаснуть* — *только 3 л. ед. гаснет и мн. гаснут, повел. не употр.*; *глохнуть* — *повел. не употр., деепр. не употр.*; *гнуть* — *деепр. не употр.* и др. В то же время нередки случаи, когда ши-

---

¹ Автор статьи — участник научной стажировки «Объяснительные возможности системного метода в филологической науке». Москва, РУДН, кафедра общего и русского языкознания, 4—9 апреля 2016 г.

роко образуются варианты грамматических форм слова, например, *достигнуть и достичь, достигнул и достиг, достигнувший и достигший; выброси и (разг.) выбрось, увидев и увидя* и т.п. Для разрешения этих многочисленных трудностей следует обращаться к словарям и справочникам.

Краткая грамматическая информация представлена во всех толковых словарях, однако часто ее оказывается недостаточно для того, чтобы получить представление обо всей системе словоформ. Нужны специальные грамматические словари, которые ставят перед собой задачу репрезентации системы русского словоизменения. К таким словарям относятся «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка [Зализняк 2010], «Толково-грамматический словарь русских причастий» И.К. Сазоновой [Сазонова 2008], «Русский глагол. Формообразовательный словарь-справочник» С.А. Кузнецова [Кузнецов 2001], «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т.Ф. Ефремовой и В.Г. Костомарова [Ефремова, Костомаров 2009], «Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы» Н.А. Еськовой [Еськова 2014] и др.

Основным среди словарей данного типа, несомненно, является «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка [4], который отражает современное словоизменение существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов. Он содержит около 100 тысяч слов, которые расположены в обратном (инверсионном) порядке — по алфавиту конечных букв. Каждое слово имеет при себе грамматическую помету и индекс, отсылающий к нужному образцу склонения и спряжения, по которому можно определить, как оно изменяется (склоняется или спрягается) [Зализняк 2010: 3—19]. Словарь А.А. Зализняка имеет большую научную ценность, однако использование его в практике преподавания затруднено из-за обратного порядка слов и достаточно сложной системы буквенных символов и индексов. Другие вышеперечисленные грамматические словари также имеют ряд недостатков, например, охватывают только одну часть речи, как словари И.К. Сазоновой [Сазонова 2008] и С.А. Кузнецова [Кузнецов 2001], имеют небольшой словник, как словарь Т.Ф. Ефремовой и В.Г. Костомарова [Ефремова, Костомаров 2009], или являются научными, а не учебными, как словарь Н.А. Еськовой [Еськова 2014].

КОНЦЕПЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

При разработке концепции словаря «Русский язык. Уникальный словарь. Все грамматические формы» [Тихонова 2014] мы ставили перед собой задачу создания такого словаря, который соединяет в себе высокий научный уровень с доступностью подачи грамматической информации о каждом слове, что позволяет использовать его в учебном процессе, в том числе в преподавании русского языка как иностранного. В словаре дается максимальное количество грамматических сведений о словах всех частей речи. Особое внимание уделяется таким грамматическим формам, образование которых представляет определенную сложность даже для носителей русского языка, а тем более для иностранцев, изучающих

русский язык. Для словника отобраны наиболее сложные в грамматическом аспекте слова — более 10 тысяч единиц. В словаре представлены слова всех частей речи, однако рассмотрим более подробно глагол и его систему словоизменения как наиболее сложную и разветвленную.

Отмечая сложность и емкость глагола в русском языке, акад. В.В. Виноградов писал: «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм» [Виноградов 2001: 354]. Многие вопросы, касающиеся грамматических особенностей глагола, до настоящего времени остаются дискуссионными, например, отнесение видовых пар к словообразованию или формообразованию, место причастий, деепричастий, залогов в системе глагольного слово- и формообразования и др.

Состав глагольных форм определяется двумя важнейшими категориями глагола — видом и переходностью/непереходностью. Парные по виду переходные глаголы обычно имеют полный набор грамматических форм, то есть полную словоизменительную парадигму. Вопрос о статусе парных по виду глаголов все еще остается нерешенным. Так, академическая Русская грамматика-80 [Русская грамматика 1980. Т. I] образование видов относит к словообразованию: «Видовую пару формируют два разных глагола, которые находятся между собой в отношениях словообразовательной мотивации: в паре *делать* — *сделать* гл. *сделать* при помощи префикса *с-* образован от гл. *делать*; в паре *переписать* — *переписывать* гл. *переписывать* при помощи суффиксального морфа *-ива-* образован от гл. *переписать*. Каждый член видовой пары является самостоятельным глаголом со своей исходной формой — инфинитивом» [Русская грамматика 1980. Т. I: 584]. При этом выше указано следующее: «Видовая пара — это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида: *делать* — *сделать*, *переписать* — *переписывать*» [там же]. Эти два положения противоречат друг другу: если члены видовой пары лексически тождественны, то они не могут находиться в отношениях словообразовательной мотивации. Лексически тождественными в процессе словообразования могут быть только синтаксические дериваты, например: *переписывать* — *переписывание*, *добрый* — *доброта*, *лес* — *лесной* и др., однако они принадлежат к разным частям речи. Мы разделяем мнение А.Н. Тихонова, который относил парные по виду глаголы к формообразованию: «Видовая пара — понятие чисто грамматическое» [Тихонов 1998:15]. Члены видовых пар тесно связаны между собой, их функционирование взаимообусловлено.

ИЗУЧЕНИЕ ВИДОВЫХ ПАР РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Изучение видов русского глагола связано для обучающихся-иностранцев с большими трудностями, так как во многих языках эта категория отсутствует. Сложность заключается также в том, что видовые пары в русском языке не имеют единого оформления и для их образования используются многочисленные суффиксы и префиксы, например: *создать* — *создавать*, *переписать* — *переписывать*,

ослабеть — ослабевать, разгрызть — разгрызать, направить — направлять, делать — сделать, рисовать — нарисовать и др. Кроме суффиксов и префиксов, в выражении видовых различий участвуют ударение: *разрѣзать — разрѣзѣть*; чередования звуков; *осветить — освещать*, супплетивизм: *брать — взять, говорить — сказать* и др. Поэтому виды глагола являются одной из самых сложных тем русской грамматики.

Основное требование к преподаванию видов нерусским обучающимся заключается в том, чтобы изучение всех глагольных форм строилось на видовых парах. Конечно, следует изучать и одновидовые, и двувидовые глаголы, однако в центре внимания всегда должны быть парные по виду глаголы как основа глагольного формообразования.

В нашем словаре [Тихонова 2014] члены видовых пар даются в одной словарной статье. В качестве заглавного выступает производящий член видовой пары. Производный от него видовой коррелирует разрабатывается вместе с ним в той же словарной статье, а на своем алфавитном месте он снабжен отсылкой к производящему. Например: **ДИКТОВАТЬ**, *перех., нсв ...; св продиктовать. ПРОДИКТОВАТЬ* см. Диктовать. В словарных статьях парных глаголов приводятся также варианты формы видов. Например: **ГРЕТЬ**, *перех., нсв ...; св* см. **нагрѣть**; *св* также см. **согрѣть**...

После формы несовершенного вида в словарной статье следуют формы настоящего и прошедшего времени, повелительного наклонения, причастия и деепричастия. После формы совершенного вида — формы будущего простого и прошедшего времени, повелительного наклонения, причастия и деепричастия. Словоформа, возглавляющая ряд форм той или иной грамматической категории, дается полностью, а остальные формы этого ряда представлены только их окончаниями. Например:

ИЗВИНИТЬ, *перех., св: буд. извиню́, -ишь, мн -ят; прош. извини́/л, -а, -о, мн -и; повел. извини́/и, мн -те; прич. действ. прош. извини́/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. страд. прош. извини́/ённ/ый, -ая, -ое, мн -ые, кратк. ф. извинён, извинен/а, -о́, мн -ы; деепр. извини́/в; нсв извиня́ть: наст. извиня́ю, -ешь, -ют; прош. извиня́/л, -а, -о, мн -и; повел. извиня́й, мн -те; прич. действ. наст. извиня́ющ/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. действ. прош. извиня́/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. страд. наст. извиня́/ем/ый, -ая, -ое, мн -ые; деепр. извиня́/я.*

Одновидовые глаголы снабжены пометами «только *нсв*» или «только *св*». Например: **ГРУСТИТЬ**, только *нсв*...; **ЗАКРИЧАТЬ**, только *св*...

Грамматические формы двувидовых глаголов систематизированы по их видовым значениям, среди которых выделяются три типа: *нсв* и *св*; только *нсв*; только *св*. Если в одном из видовых значений двувидовой глагол имеет коррелятивную форму противоположного вида, то она разрабатывается после собственных грамматических форм двувидовых глаголов. Например:

ДЕМОНСТРИРОВАТЬ, *перех., нсв и св: наст. демонстри́ру/ю, -ешь, мн -ют; прош. демонстри́рова/л, -а, -о, мн -и; повел. демонстри́руй, мн -те; прич. действ. прош. демонстри́рова/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; только нсв: прич. действ. наст. демонстри́ру/ющ/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. страд. наст. демонстри́ру/ем/ый, -ая, -ое, мн -ые;*

деепр. демонстри́ру/я; только **св:** прич. страд. проиш. демонстри́рова/нн/ый, -ая, -ое, мн -ые, кратк. ф. демонстри́рован, -а, -о, мн -ы (*малоупотр.*); *деепр.* демонстри́рова/в; **св** также продемонст́рировать: буд. продемонст́рирую, -ешь, мн -ют; проиш. продемонст́рирова/л, -а, -о, мн -и; повел. продемонст́рируй, мн -те; прич. действ. проиш. продемонст́рирова/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. страд. проиш. продемонст́рирова/нн/ый, -ая, -ое, мн -ые, кратк. ф. продемонст́рирован, -а, -о, мн -ы; *деепр.* продемонст́рирова/в.

В тех случаях, когда в основе словоформы происходят морфонологические преобразования (чередование и вставка звуков, наращение основы, перемещение ударения и т.п.), вместо окончаний полностью приводятся грамматические формы. Например:

ЗАЕ́ХАТЬ, *св:* буд. зае́д/у, зае́д/ешь, мн зае́д/ут ... повел. заезжа́й, мн -те ...

ПРИЧЕСА́ТЬ, *перех., св:* буд. причешу́, приче́ш/ешь, мн приче́ш/ут ... повел. причешу́, мн -те ...

ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СЛОВАРЕ

В словоизменительных парадигмах многих глаголов широко распространены варианты формы. Правильный их выбор нередко вызывает затруднения у изучающих русский язык как иностранный. Такие варианты форм могут отличаться стилистической окраской или являться равноправными. Иногда один вариант является более предпочтительным, чем другой. Равноправные варианты соединяются союзом *и*. Менее предпочтительный (хотя тоже правильный) вариант снабжается пометой *и допуст.* (и допустимо). Например:

ОБЖИ́ТЬ, *перех., св:* ... проиш. обжи/л и обжи́/л, обжи/л/а́, обжи/л/о и обжи́/л/о, мн обжи/л/и и обжи́/л/и ...

МАХА́ТЬ, *нсв:* наст. машу́, ма́ш/ешь, мн ма́ш/ут и допуст. маха́ю, -ешь, мн -ют; проиш. маха́/л, -а, -о, мн -и; повел. машу́, мн -те и допуст. махай, мн -те; прич. действ. наст. машу́щ/ий и допуст. маха́ющ/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. действ. проиш. маха́/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; *деепр.* маша́ и допуст. маха́я ...

В словарных статьях безличных глаголов грамматические формы представлены в полном объеме. Например:

ВЕЗТИ́² (*мне везёт*), *безл., нсв:* только наст. вез/ёт, проиш. вез/л/о́, буд. сложное бу́дет везти́; *сослаг.* везло́ бы; **св повезти́**²: только буд. повез/ёт, проиш. повез/л/о́; *сослаг.* повезло́ бы.

Помету *безл.* имеют также личные глаголы в своих безличных значениях. Например:

КАЗА́ТЬСЯ ... *безл., нсв:* только наст. ка́ж/ет/ся, проиш. каза́/л/о/сь, буд. сложное бу́дет казаться; *сослаг.* казало́сь бы; **св:** только буд. покаж/ет/ся, проиш. показа́/л/о/сь; *сослаг.* показало́сь бы.

Страдательные глаголы снабжены пометой *страд.* Они не имеют собственных форм совершенного вида и видовую пару образуют с краткими страдательными

ми причастиями противоположного вида, которые приводятся в конце словарной статьи в квадратных скобках. Например:

ВОВЛЕКАТЬСЯ, *страд.*, только **нсв**: *наст.* только 3 л. ед. *вовлека́/ет/ся* и *мн* *вовлека́/ют/ся*; *прош.* *вовлека́/л/ся*, *вовлека́/л/а/сь*, *-о/сь*, *мн -и/сь*; *повел.* не употр.; *прич. действ. наст.* *вовлека́/ющ/ий/ся*, *-ая/ся*, *-ее/ся*, *мн -ие/ся*; *прич. действ. прош.* *вовлека́/вш/ий/ся*, *-ая/ся*, *-ее/ся*, *мн -ие/ся*; *деепр.* не употр. [**св**: *вовлечён*, *вовлечен/á*, *-ó*, *мн -ы*].

НЕПОЛНЫЕ ПАРАДИГМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

У ряда русских глаголов наблюдается неполнота парадигмы. Отсутствие тех или иных форм объясняется семантическими либо формальными ограничениями. Обычно не образуются или не употребляются формы 1 и 2 лица, повелительного наклонения, некоторые причастия и деепричастия [Русская грамматика 1980. Т. I: 621, 637, 668, 671, 673]. Например, не имеют форм 1 лица ед. числа глаголы *дерзить*, *очутиться* и др., 1 и 2 лица ед. числа — глаголы *толпиться*, *сбежаться* и др., 1 и 2 лица ед. и мн. числа — глаголы *ветвиться*, *разрастаться* и др., повелительного наклонения — глаголы *видеть*, *слышать* и др.; не образуются страдательные причастия настоящего времени от глаголов *беречь*, *кормить* и др., страдательные причастия прошедшего времени от глаголов *терпеть*, *читать* и др., деепричастия от глаголов *жечь*, *резать* и др.

Можно выделить два типа неполных глагольных словоизменительных парадигм: 1) парадигмы, в которых образование отдельных форм затруднено или невозможно, так как противоречит фонетико-орфоэпическим нормам; 2) парадигмы, в которых потенциально возможно образование всех форм.

Отсутствующие формы в парадигмах первого типа востребованы в коммуникации, поэтому невозможность их образования вызывает затруднения у говорящего/пишущего. Например: *Я никогда перед ним не лебезю ... то есть не лебезю (...), то есть (...). У, какое идиотское слово!* (Розов). Приходится использовать описательные обороты, например: *Я не пытаюсь расположить его к себе*; или заменять «неудобную» форму синонимами: *Я никогда перед ним не заискиваю, не угодничаю, не раболепствую* и др.

Парадигмы второго типа характеризуются тем, что при наличии особого контекста, обычно в художественных текстах, подобные формы могут образовываться и употребляться, если в этом возникает коммуникативная потребность. Например:

Я томлюсь, я умираю, гасну пламенной душой (Пушкин); *И вот берём кто нож, кто камень, дыша, крича, бежа* (Маяковский); (...) *долгой тоской гнетомое сердце моё разорвётся* (Маяковский); (...) *потому что люблю всё меньше и меньше, весь оставшийся жар бережа* для тех, кого он уже не может согреть (Цветаева); *И так как каждую вещь хочется написать лучше прежних, и, пища* одно, уже думаешь о начале чего-то другого (Трифонов); *Она, приехав наутро и увидев его, заговорила, застанная* врасплох... (Найман).

Все случаи неполноты словоизменительных парадигм обязательно должны отмечаться в словарях, особенно учебных. В нашем словаре [Тихонова 2014] отсутствие тех или иных грамматических форм указывается в словарных статьях с помощью сокращения «не употр.» или «только + названия имеющихся форм». Например:

ЗВУЧАТЬ, только *нсв*: наст. только 3 л. ед звуч/ит и мн звуч/ат ...

НУЖДАТЬСЯ, только *нсв*: ... в знач. «вызывать необходимость чего-л.» (квартира нуждается в ремонте) 1 и 2 л., повел. не употр.

СВЕТИТЬ, только *нсв*: ... в знач. «излучать свет» (звёзды светят) 1 и 2 л. не употр.

Отсутствие грамматических форм, обусловленное системой языка, в словарных статьях не отмечается. Так, в статьях непереходных глаголов нет указания, что страдательные причастия у них не употребляются, так как у этих глаголов они отсутствуют закономерно. Например:

ГОСПОДСТВОВАТЬ, только *нсв*: наст. господствую, -ешь, мн -ют; прош. господствова/л, -а, -о, мн -и; повел. господствуй, мн -те; прич. действ. наст. господствующ/ий, -ая, -ее, мн -ие; прич. действ. прош. господствова/вш/ий, -ая, -ее, мн -ие; деесп. господствуй; в знач. «преобладать над всем остальным», «возвышаться над окружающими предметами» 1 и 2 л., повел. не употр.

ВЫВОД

Таким образом, «Русский язык. Уникальный словарь. Все грамматические формы» является ценным справочным пособием, которое может использоваться в процессе преподавания русского языка как иностранного, а также представляет большой интерес для всех тех, кто хочет грамотно писать и говорить по-русски.

© Тихонова Е.Н.

Дата поступления: 20.05.2016

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В.В. (2001). Русский язык. Грамматическое учение о слове [Vinogradov V.V. Russian language. Grammatical theory of words] / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Русский язык.
2. Еськова Н.А. (2014). Словарь трудностей русского языка: Ударение. Грамматические формы [Yeskova N.A. Dictionary of Russian language peculiarities: Acentuation. Grammatical forms]. М.: Языки славянской культуры.
3. Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. (2009). Словарь грамматических трудностей русского языка [Yefremova T.F., Kostomarov V.G. Dictionary of Russian language grammar peculiarities]. М.: АСТ.
4. Зализняк А.А. (2010). Грамматический словарь русского языка [Zaliznyak A.A. Grammar dictionary of Russian language]. М.: АСТ-Пресс Книга.
5. Кузнецов С.А. (2001). Русский глагол. Формообразовательный словарь-справочник [Kuznetsov S.A. Russian verb. Word-formation manual]. СПб.: Норинт.
6. Русская грамматика. Т. 1 (1980) [Russian grammar. V. I] / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука.
7. Тихонова А.Н. (1998). Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования [Tikhonov A.N. Russian verb: teoretucal and lexicographic topics]. М.: Academia.

8. Тихонова Е.Н. (2014). Русский язык. Уникальный словарь. Все грамматические формы [Tikhonova E.N. Russian language. A Unique dictionary. All grammar forms]. М.: АСТ.
9. Сазонова И.К. (2008). Толково-грамматический словарь русских причастий [Sazonova I.K. Explanatory-grammatical dictionary of Russian participles]. М.: АСТ-Пресс Книга.

INFLEXION VERBAL PARADIGM IN THE RUSSIAN LANGUAGE GRAMMAR DICTIONARY

E.N. Tikhonova

Institute of Publishing Business and Journalism
Moscow State University of Printing Arts n.a. I. Fedorov
2A Pryanishnikova st., Moscow, Russia, 127550
tihonen@rambler.ru

The paper is dedicated to the representation of grammatical information about the headword in the dictionary E.N. Tikhonova. "Russian language. Unique vocabulary. All grammatical forms" (M.: AST, 2014). Particular attention is paid to verbal inflexion paradigms, which is particularly difficult to study Russian as a foreign (second) language.

Key words: inflexion, grammar dictionary, verb, aspect, aspectual pair, defective paradigm, teaching Russian as a foreign (second) language

МОРФНЫЙ СОСТАВ СЛОГА В РАЗНЫХ КЛАССАХ СЛОВ И РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ

Е.Н. Попова, С.Б. Томашевич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kafedra_fl_rudn@mail.ru

В статье анализируется морфный состав слога в русском языке в разных классах слов в разговорном, научном и художественном тексте. С точки зрения морфного состава слога научный текст отличается от разговорного и художественного, а имена противопоставляются глаголам. Морфный состав слога как проявление слога-морфемной корреляции демонстрирует основные грамматические тенденции, действующие в русском языке.

Ключевые слова: слог, морф, сегмент, морфный стык, текстовые различия, классы слов

ВВЕДЕНИЕ

Соотношение звуковых и значащих единиц существенно характеризует тип языка. Соответственно, языки разделяются на слоговые и неслоговые. В слоговых языках морфема не может быть меньше слога, в неслоговых может быть экспонирована и неслоговым элементом. «К настоящему времени становится все более очевидным, что цельносистемное типологическое описание языка не может ограничиваться ни „языком вообще“ без обращения к его функциональным разновидностям, ни „словом вообще“, ни одним только соотношением служебных и неслужебных слов безотносительно к системе семиологических классов в целом» [Зубкова 2010: 100].

МОРФНЫЙ СОСТАВ СЛОГА В РАЗНЫХ КЛАССАХ СЛОВ

Анализ морфного состава слога на материале научного, разговорного и художественного текстов показал, что в русском языке ввиду сложности морфологической структуры слова в слоге может проходить от одного до трех морфных стыков. Слог может содержать один, два, три и, крайне редко, четыре морфа. Слог может включать в себя сегмент морфа, комбинации сегментов, принадлежащих разным морфемам, или комбинации самостоятельных морфов.

Более половины исследуемой выборки — 61,2% от общего количества слогов — составляют слоги, в которых отсутствует морфный стык. В основном это слоги, совпадающие с сегментом морфа, а не целым морфом. Их частота 43,4%. Сравните: *о/б-о/зна/ч-е/ни/ж-е, све/т-л-а/жа, по/д-о/-жд-и/те, мо/ро/з-н-о, че/рез, и/ли*. Частота слогов, совпадающих с целым морфом, намного ниже и равна 17,8%, ср.: *путь, о/-цен/-к-а, звон/-к-ий, вы/-ше-л, на/-счет, на, и, ни, ну*.

Значительную часть составляют слоги, в которых проходит один морфный стык. Подобные слоги покрывают почти треть выборки — 34,0%. Наиболее частотны среди них слоги, включающие морф и сегмент морфа. Например: *си-а/ми*, *вз-гля/д-ам*, *ря/д-а*, *о/т-тен/-к-ов*, *тем/-н-о/је*, *жсм-у/т-ся*, *зл-о/б-н-о*. Частота подобных слогов 19,1%. Реже встречаются слоги, состоящие из 2-х сегментов морфов, ср.: *зна/ч-е/ни/ј-е*, *но/в-а/ј-а*, *го/д-и/т-ся*, *и/з-ре/д-к-а*. Частота таких слогов снижается до 10,3%. На долю слогов, экспонирующих два морфа, приходится 5,0%: *на/-зв-а/-ни/ј-е*, *с-двиг*, *зл-о*, *жи-л*, *бы/-ва-л*, *в-доль*, *за/-т-ем*.

Слоги с двумя морфными стыками встречаются довольно редко. Частота таких слогов 4,3%. Основную их часть в 2,0% составляют слоги, содержащие сегмент морфа и два целых морфа: *тру/д-н-ость*, *ма/хо/р-о/ч-н-ый*, *е/х-а-ть*, *зв/ч-н-о*. Еще ниже — 0,8% частота слогов, представленных комбинацией из двух сегментов и целого морфа: *су/щ-н-о/ст-и*, *кро/х-о/т-н-а/ја*, *нер/в-н-и/ч-а-ть*. Слоги, включающие три морфа, крайне редки: *мн-и-ть*, *ш-л-а*, *с-пе-л*. Частота слогов с тремя морфными швами падает до 0,1%. Это слоги, включающие либо сегмент морфа и три целых морфа, либо четыре морфа: *не/с-л-и-сь*, *при/-ш-л-о-сь*. Их частота равна соответственно 0,01% и 0,09%.

По количеству слогов, в которых отсутствует морфный стык, имена существительные и прилагательные имеют близкие показатели, равные соответственно 60,5% и 56,1%. Частота таких слогов в глаголах ниже, чем в именах, и составляет 47,2%. Наречия имеют максимальную частоту подобных слогов до 71,6%. При этом слоги, совпадающие с морфом, более чем в два раза чаще встречаются в глаголах и наречиях, нежели в существительных и прилагательных.

Количество слогов с одним морфным стыком приблизительно одинаково у существительных и прилагательных и превышает количество подобных слогов в наречиях. Частота их равна соответственно 37,3%, 35,8% и 23,5%. Максимальная частота слогов с одним морфным стыком отмечена у глаголов — 43,9%. При этом в глаголе больше слогов, содержащих два морфа. В глаголе подобные слоги составляют 10,2%, что превышает в три раза и более соответствующие показатели в других анализируемых частях речи. Слоги, включающие сегменты двух морфов, чаще отмечены у прилагательных и глаголов, нежели у существительных и наречий. Частота таких слогов падает от 19,4% и 14,2% у прилагательных и глаголов до 9,5% и 5,1% у существительных и наречий. Максимальная частота слогов, включающих сегмент морфа и целый морф, отмечена у существительных — 27,0%. В других частях речи она ниже — 19,5% у глаголов, 15,6% у прилагательных.

Слоги, в которых проходят два морфных стыка, чаще всего встречаются в глаголах и прилагательных. В этих частях речи частота слогов с двумя морфными стыками равна соответственно 8,8% и 8,1%. У наречий она снижается до 4,3%, у существительных — до 1,8%. При этом слоги, включающие три морфа, встречаются в глаголах в три раза чаще, чем в других знаменательных частях речи. Частота слогов, экспонирующих два сегмента морфа и морф, у прилагательных равна 4,1% и превышает количество подобных слогов в других частях речи в два

раза. Количество слогов, содержащих сегмент морфа и два целых морфа, приблизительно одинаково у «признаковых» частей речи и превышает количество таких слогов у существительных. Слоги с тремя морфными стыками отмечены исключительно в глагольных словоформах.

Большое количество слогов с двумя и тремя морфными стыками в глагольных словоформах по сравнению с другими частями речи связано с меньшей длиной глагольных морфов, а именно с тем, что экспонентом глагольных морфов может выступать одна фонема — слоговая или неслоговая. Вследствие большей синтетичности глагольных словоформ 78,8% глагольных морфов имеет однофонемные экспоненты. Доля таких морфов снижается у существительных до 28,0%, у прилагательных — до 16,0%.

Фузионный характер русского языка отражается на морфном составе слога: совпадение слога и морфемы отмечено довольно редко, в основном в глагольных и наречных словоформах. Сюда относятся глагольные префиксы (*во/-ше-л, до/-жи-ть*) и наречные корни (*там, здесь, вдруг*). Частота слогов, выступающих экспонентами морфов, равна соответственно 8,8% у глаголов и 13,6% у наречий. Реже наблюдается совпадение слога с корнем у глаголов: *бы/-л-а, да/-ва-ть, се/-л-и*. Частота таких слогов 4,3%. В именных словоформах совпадение слога и морфемы происходит реже, чем в глаголах и наречиях, при этом совпадение слога с корнем или префиксом практически равновероятно: *дом, стон, дверь, звон/-к-ий, бар/-ск-ий*. Со слогом совпадают все односложные префиксы, имеющие структуру согласный — гласный. Совпадение со слогом суффикса и постфикса наблюдается довольно редко и характерно преимущественно или исключительно для глаголов: *бы/-ва/-л-а, с-ги/-ну/-л-а, да/-вай/-те*.

Среди слогов, включающих сегмент морфа, особенно частотны слоги, представленные сегментами корней. Их частота особенно высока у существительных (46,5%) и наречий (50,9%): *ле/-с-а, бу/тыл/-к-а, пло/х-о*. Слоги, в состав которых входят сегмент префикса, напротив, чаще отмечены в глагольных словоформах, а не именных и наречных: *по/д-ре/з-а-ть, ра/с-ну/т-а-ть*. Реже всего подобные слоги встречаются у глаголов, их частота 27,9%. Сегменты суффиксов в слоге чаще встречаются у существительных, чем у «признаковых» частей речи. Это обусловлено большей длиной суффикса у существительных по сравнению с длиной суффикса у прилагательных, наречий и глаголов: *с-бе/ре/ж-е/ни/ж-е, о/т-но/ш-е/ни/ж-е*. Слоги, экспонирующие сегмент флексии, частотны только у прилагательных. Это сопряжено с большей длиной адъективных флексий. У прилагательных более половины флексий состоит из двух слогов: *сре/д-н-и/же, вре/д-н-о/же*.

В слогах, содержащих сегмент морфа и целый морф, представлены сочетаниями сегмента корня и целого суффикса, сегмента корня и целой флексии, сегмента суффикса и целого суффикса. Именно с этими типами слогов связаны частеречные различия. Слоги, включающие сегмент корня и суффикс, в наречиях встречаются чаще, чем в прилагательных и глаголах. У существительных подобные слоги крайне редки. Это вызвано большей частотой однофонемных суффик-

сов у «признаковых» частей речи, например: *бы/стр-о*, *за/-ме/ч-а/-те/ль-н-ый*, *вы/-пря/м-и/-л-а-сь*.

Группы слогов, содержащих сегмент корня и флексию, особенно частотны у существительных и глаголов. Их частота равна соответственно 15,3% и 8,1%. У прилагательных она снижается до 2,3%: *по/л-я*, *и/д-ешь*, *бе/л-ый*. Два сегмента морфа в составе слога чаще являются сегментами корня и суффикса. Слоги такого типа одинаково частотны у изменяемых частей речи и несколько реже отмечены у наречий: *о/т-но/ш-е/ни/ж-е*, *тре/б-у/ж-ем*, *де/ре/в-я/нн-ый*, *по/-хо/ро/ш-е/му*. Сегменты префикса и корня в составе слога встречаются редко. Они более характерны для глаголов, ср.: *ра/з-бе/ж-а/-ть-ся*, *о/т-де/л-и-ть*. Слоги, содержащие сегменты суффиксов или сегменты корня и флексии, более частотны у прилагательных и глаголов, а не у существительных: *сте/кл-я/нн-а/я*, *зо/ло/т-а/я*, *и/д-е/те*.

Два морфа в составе слога представлены, как правило, суффиксом и флексией, корнем и суффиксом, корнем и флексией. Все перечисленные типы слогов чаще встречаются у глаголов: *бр-а/-л-а*, *ше-л*, *при/-д-у*.

Два сегмента морфа и целый морф в слоге являются чаще сегментом корня, суффиксом и сегментом флексии. Подобные слоготипы отмечены в основном у прилагательных, так как именно для них характерны двусложные флексии: *хо/ло/д-н-а/я*. Слоги, представленные сегментом морфа и двумя морфами, более частотны у «признаковых» частей речи. Подобные слоготипы могут сочетать в себе сегмент корня, суффикс и флексию (*при/-ве/т-н-ый*, *чи/т-а-ть*) или сегмент корня и два суффикса (*слы/ш-н-о*).

Три морфа в составе слога зафиксированы в основном у глаголов. Это комбинации суффикса, флексии и постфикса (*ви/-л-а-сь*) и корня, суффикса и флексии (*ш-л-а*). Четыре морфа в слоге встречаются крайне редко и только у глаголов. Это сочетания сегмента корня, суффикса, флексии и постфикса (*не/с-л-и-сь*) и корня, суффикса, флексии и постфикса (*о/бо/-ш-л-о-сь*). Большая степень синтеза глагольных словоформ, высокая нагрузка аффиксов, семантико-синтаксическая несамостоятельность корня, разнообразие морфного строения отражает высокую синтагматическую ценность глагола как носителя предикативной функции.

Для местоимений характерны слоготипы без морфных стыков. Их частота равна 60,5%. Частота слогов с одним морфным стыком ниже и составляет 39,5%. Сегмент морфа в составе слога и является чаще сегментом корня (*те/б-е*, *се/б-я*), реже сегментом флексии (*э/т-о/го*, *ж-е/му*). Частота таких слогов равна соответственно 25,5% и 12,7%. Слоги, совпадающие с морфом, представлены в основном корневым морфом. Частота подобных слогов высока — 19,8%: *я*, *он*. Частота префиксов в составе слога намного ниже и составляет 2,6%: *ни/-ч-е/го*, *не/-кт-о*. Слоги, включающие сегменты морфов, редки и представлены сочетанием сегментов корня и флексии: *э/т-и/ми*, *со/б-о/жу*. Их частота 5,5%. Сегмент морфа и морф в составе слога являются сегментом корня и флексии: *э/т-а*, *о/н-а*. Подобные слоготипы довольно частотны, они составляют 22,6%. Слоги, включающие два морфа, представлены сочетанием корня и суффикса: *т-а*, *т-ой*. Частота таких слогов снижается до 11,4%.

Слоги, в которых отсутствует морфный стык, в служебных словах составляют 90,0%. Из них на долю слогов, совпадающих с морфом, приходится 68,8% (*на, и, же*), а на долю слогов, совпадающих с сегментом морфа — 21,7%.

Частота слогов с одним морфным стыком невысока и составляет 9,4% (*в-ме/ст-о, в-ро/д-е*). Слоги с двумя морфными стыками встречаются очень редко, их частота падает до 0,6%: *в те/ч-е/ни/ж-е, ко/то/р-а/жа*.

Анализ морфного состава слога с учетом типа морфа показал, что сегмент морфа в слоге является в основном сегментом корня: *е/сли, ка/к-ой*. Слоги, равные морфу, экспонируют служебный корень (*под, над, а, ли*), реже — префикс (*во/-след, на/-счет*) или суффикс (*бы/-ва/-л-о*). Слоги с одним морфным стыком, как правило, включают сочетание сегмента корня или целого корня с суффиксом (*кро/м-е, ра/д-и, при/-ч-ем, за/-т-ем*), либо два суффикса (*по/-сколь/-к-у, по/-столь/-к-у*).

МОРФНЫЙ СОСТАВ СЛОГА В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ

Текстовые различия затрагивают все выявленные группы слогов. Частота слогов, включающих сегмент морфа, и слогов, содержащих два сегмента морфа, выше в научном тексте, ниже в разговорном и художественном. Частота слогов, в которые входят сегмент морфа и целый морф, в научном и разговорном текстах выше, нежели в художественном. Напротив, слог, экспонирующие целые морфы (от одного до трех), более частотны в разговорном и художественном текстах по сравнению с научным. По количеству слогов, в составе которых находится сегмент морфа и два целых морфа, художественный текст заметно отличается от разговорного и научного. Подобные слог встречаются в художественном тексте в полтора—два раза чаще, чем в других анализируемых текстах. Слоги, заключающие в себе четыре морфа, а также слог с комбинацией сегмента морфа и трех целых морфов, отмечены только в разговорном и художественном текстах.

Отмеченные текстовые различия в морфном строении слога связаны с меньшей длиной морфов в разговорном и художественном текстах сравнительно с научным. Средняя длина морфов составляет 1,1 слога в научном тексте, 0,9 слога в разговорном и 0,8 слога в художественном текстах.

Если учесть конкретный тип того или иного морфа, то среди слогов, равных сегменту морфа, преобладают слог, в состав которых входит сегмент корня, ср.: *цве/т-ы, пло/х-ой, бе/з-у, пло/х-о, о/дин, е/сли*. Они имеют самую высокую частоту — 36,0%. Слоги, включающие сегмент префикса, суффикса или флексии, встречаются намного реже. Их частота равна соответственно 2,1%, 2,2% и 3,0%.

Текстовые различия связаны со слогами, представленными сегментами суффикса. Они более чем в пять раз чаще встречаются в научном тексте по сравнению с разговорным и художественным. Это неслучайно, так как именно в научном тексте чаще встречаются двусложные суффиксы, например: *я/вл-е/ни/ж-е, на/-ли/ч-е/ство/в-а-ть* и т.д.

Слоги, равные морфу, представлены, как правило, корневым морфом: *сын, нар/-н-ой, бы/-ва-ть*. Частота подобных слогов 13,0%. Префиксы, суффиксы и постфиксы, совпадающие со слогом, встречаются крайне редко: *у/-ход, за/-и-л-а, у/ч-и/-тель, о/-де-л/-ся*. Их частота составляет соответственно 4,0%, 0,4%, 0,3%.

Слоги, совпадающие с корнем, особенно частотны в разговорной речи. Реже встречаются они в художественном тексте, еще реже в научном.

Слоги, экспонирующие морф и сегмент морфа, в основном представлены сочетанием флексии и сегмента корня: *до/м-а, су/н-ий, и/д-ешь*. Частота таких слогов 0,9%. Реже отмечены слог, представленные комбинацией флексии и сегмента суффикса: *о/бщ-е/ни/ж-е, ду/м-а/ж-у* и т.д. Их частота 3,8%. И еще реже встречаются слог, являющиеся экспонентами суффикса и сегмента корня: *о/-не/ч-ек, ри/с-уй/-те*. Их частота падает до 3,0%. Возможны, но очень редки слог, включающие сегмент префикса и корень: *о/т-тен/-к-и, бе/с-шум/-н-ый*; сегмент суффикса и целый суффикс: *о/со/б-е/нн-ость, га/з-о/в-а/-л-а*; сегмент флексии и постфикс: *кор/м-и/т-ся, ка/ж-у/т-ся*; сегмент корня и интерфикс: *пси/х-о/-лог, кру/т-о/-ло/б-ый*.

Текстовые различия затрагивают лишь один тип слогов, а именно слог, содержащие сегмент суффикса и флексию: данные слог в научном тексте встречаются более чем в два раза чаще, чем в разговорном и художественном.

Слоги, совпадающие с двумя сегментами морфов, обычно представлены сочетанием сегментов корня и суффикса: *фор/м-а/ци/ж-а, ка/др-о/в-ый, ми/н-у/ж-у*. Частота их равна 5,5%. Реже возможны комбинации сегментов префикса и корня: *о/б-ло/м-ок, по/д-сте/-л-и, и/з-ред/-к-а*; корня и флексии: *до/м-а/ми, ки/сл-а/жа, го/д-и/т-ся*; двух суффиксов: *во/д-я/н-и/ст-ый*; суффикса и флексии: *по/-ми/н-а/ж-е/те*.

Текстовые различия касаются следующих комбинаций сегментов, входящих в слог: сегментов корня и суффикса, префикса и корня, двух суффиксов и флексии. Перечисленные типы слогов чаще встречаются в научном тексте, реже в разговорном и художественном. Если в составе слога представлены два морфа, то это, как правило, суффикс и флексия или корень и флексия: *не/р-ин/-к-а, яр/-к-ий, зл-о, ни-ть, да-ть*. Их частота соответственно равна 1,9%, 1,7%. Более редки сочетания корня и суффикса, префикса и корня, двух суффиксов, флексии и постфикса внутри слога: *сп-а/-л-а, се-л, с-лет, в-доль, да/-ва-л*.

Выявленные комбинации двух морфов, составляющие слог, чаще отмечены в разговорном и художественном текстах, а не научном. Исключение составляют лишь слог, включающие два суффикса. Они более частотны в научном тексте.

Частота слогов, которые включают сегмент корня, суффикс и сегмент флексии (*жу/т-к-а/жа*), сегмент корня, суффикс и сегмент суффикса (*за/-тру/д-н-е/ни/ж-е*), сегмент суффикса, суффикс и сегмент флексии (*це/н-о/ч-к-а/ми*), постепенно снижается от 0,6% до 0,03%. Перечисленные типы слогов чаще встречаются в художественном тексте, реже в разговорном и научном.

Слоги, вмещающие сегмент морфа и два целых морфа, характеризуются большой вариативностью комбинаций. Это сегмент корня, суффикс и флексия

(*не/ч-к-а*, *пры/з-а-ть*, *дре/в-н-ий*), сегмент корня и два суффикса (*кни/ж-н-ость*, *ска/к-а-л*, *звуч-н-о*), сегмент суффикса и два суффикса (*ча/ст-о/т-н-ость*, *жа/л-о/б-н-о*), сегмент префикса корень и суффикс (*о/т-да-л*, *по/д-ня-л*), сегмент корня, суффикс и интерфикс (*мо/ло/ч-н-о/-бел-ый*), сегмент префикса, корень и флексия (*по/д-да-ть*, *по/д-не-ть*), сегмент корня, суффикс и постфикс (*ло/ж-а-сь*), сегмент суффикса, суффикс и флексия (*но/ч-е/в-а-ть*, *вы/-бо/р-о/ч-н-ый*), сегмент корня, флексия и постфикс (*бе/ре/з-и-сь*). Подобные слоги отмечены очень редко. Исключение составляют слоги, включающие сегмент корня, суффикс и флексию и сегмент корня и двух суффиксов. Частота их равна соответственно 1,7% и 0,8%. И те и другие более частотны в художественном и разговорном тексте, а не научном.

Слоги, экспонирующие три морфа, представлены комбинациями корня, суффикса и флексии (*ш-л-а*, *сп-а-ть*), суффикса, флексии и постфикса (*о/-ста/-л-о-сь*), корня, суффикса и суффикса (*мн-и-л*), префикса, корня и суффикса (*в-би-л*), двух суффиксов и флексии (*за/-ви/-в-к-а*). Частота перечисленных слогов крайне низка. Однако в художественном и разговорном тексте подобные слоги более употребительны, чем в научном.

Слоги, представленные сочетанием четырех элементов, имеют низкую частоту. Это сочетание корня, суффикса, флексии и постфикса (*на/-ш-л-а-сь*), или сегмента корня и трех суффиксов (*по/-кра/с-н-е-л*). Такие слоги встречаются только в художественном и разговорном текстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ морфного строения слога показал, что в слоге может проходить от одного до трех морфных стыков. Слог может содержать один, два, три и даже четыре морфа, а также различные комбинации сегментов и самостоятельных морфов. Все это свидетельствует о высокой степени проявления фузионно-синтетических тенденций в русском языке. Однако эти тенденции реализуются по-разному в зависимости от класса слов и их частеречной принадлежности. Выполнение той или иной функции разными классами слов требует и определенного набора формальных средств. С точки зрения морфного строения слога различаются собственно-знаменательные, служебные и местоименные слова, а среди собственно-знаменательных частей речи глаголы противопоставляются именам. Более высокий показатель средней глубины глаголов по сравнению с другими собственно-знаменательными частями речи говорит о том, что глаголы более синтетичны.

Отличия между научным, художественным и «разговорным» текстами проявляются в частоте слогов, служащих самостоятельными экспонентами морфов: подобные слоги более частотны в разговорном и художественном текстах.

© Попова Е.Н., Томашевич С.Б.
Дата поступления: 18.05.2016
Дата принятия к печати: 07.05.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зубкова Л.Г.* (2010) Принцип знака в системе языка [*Zubkova L.G. The Principle of Sign in Language System*]. Москва: Языки славянской культуры.

MORPHEMIC STRUCTURE OF SYLLABLES IN DIFFERENT WORD CLASSES AND DIFFERENT TYPES OF TEXTS

E.N. Popova, S.B. Tomashevich

Peoples' Friendship University of Russia
6, *Miklukho-Maklaya str.*, Moscow, Russia, 117198
kafedra_fl_rudn@mail.ru

The article demonstrates the analysis of morphemic structure of syllable in different word classes in conversational, scientific and literary texts. Considering morphemic structure of syllable scientific text differs from conversational and literary ones, nouns and adjectives oppose verbs. The morphemic structure of syllable shows the main grammar tendencies which determine the type of the language.

Key words: syllable, morph, morph segment, morph juncture, text difference, word classes

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ МАРИ

И.Г. Иванова, Р.А. Егошина

Марийский государственный университет
ул. Кремлевская, 44, Йошкар-Ола, Марий Эл, 424002
iraida44@yandex.ru; affaires@mail.ru

В данной статье проводится сопоставление систем гласных фонем французского и марийского языков как интерферирующих и анализируются отклонения от нормативных характеристик. Сопоставительный и сравнительный анализ звуковых систем, находящихся в контакте, позволяет предсказать возможные нарушения вторичной звуковой системы. Данные сопоставительного анализа помогают вскрыть и объяснить причину искажения конкретных фонем французского языка при интерферирующем влиянии марийского языка.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, французский язык, марийский язык, сопоставительный анализ, система гласных, дифференциальные признаки

ВВЕДЕНИЕ

Языковые контакты неизбежно приводят к двуязычию. Основным критерием определения двуязычия служит степень владения языками.

Сопоставительный метод изучения интерференции представляет объективные данные о различиях в системах контактирующих языков и объясняет лингвистические причины многих типичных черт акцента [Мечковская 2001: 23].

При естественном билингвизме сущность процесса интерференции определяется взаимным приспособлением языка говорящего и языка слушающего и соответствующим изменением норм обоих контактирующих языков. При искусственном билингвизме наблюдается односторонняя интерференция, которая возникает в речи говорящего вследствие наложения системы неродного языка на родной язык. Применительно к звуковой системе можно говорить о фонетической обусловленности фонологических процессов. Фонетическая обусловленность может быть двух видов.

В процессе обучения иностранному языку отечественная теория билингвизма признает родной язык базовым. Это имеет важное методическое значение и предполагает необходимость сопоставления систем фонем родного и изучаемого иностранного языка. Подобное сопоставление может осуществляться в двух основных направлениях: сопоставление фонетических систем и анализ акцента, которые тесно связаны между собой, так как акцент отражает особенности фонологической системы родного языка, побуждает к внутриязыковому анализу с точки зрения другого языка и позволяет выявить в нем закономерности.

Сопоставительный метод изучения интерференции представляет объективные данные о различиях в системах контактирующих языков и объясняет лингвистические причины многих типичных черт акцента [Мечковская 2001: 23].

Поэтому для студентов мари, изучающих французский язык, крайне важен сравнительный фонетический анализ, в частности, систем вокализма с целью выяснения степени влияния артикуляторной базы марийского языка как родного на изучаемый французский язык [Иванова, Егошина 2015: 80—82; Егошина 2016: 49—50].

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ФРАНЦУЗСКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Системы гласных фонем французского и марийских языков значительно различаются.

Французский вокализм включает 15 фонем, которые характеризуются четырьмя дифференциальными признаками: по ряду, по подъему, по степени огубленности и по участию носовой полости. По коррелятивно-конститутивным признакам французские гласные фонемы вступают в оппозициях: «передний — задний»; «открытый — закрытый»; «носовой — чистый» [Гордина 1997: 23—37].

В марийском литературном языке имеется 8 гласных фонем: **и, ү, ө, е, а, о, у, ы**. Качество гласного обуславливается формой и объемом резонатора, прежде всего ротовой полости. Активными органами, влияющими на форму и объем резонатора, являются язык, мягкое небо и губы. Поэтому гласные характеризуются положением этих органов. Язык может двигаться по горизонтали — от передних резцов к стенке зева, соответственно по его укладу гласные подразделяются на передний, задний, смешанный [Куклин 2013: 27—28].

Язык может двигаться также по вертикали, и в зависимости от степени подъема спинки языка по отношению к твердому или мягкому нёбу гласные подразделяются на звуки верхнего, среднего и нижнего подъема. По участию губ гласные подразделяются на огубленные (лабиализованные) и неогубленные (нелабиализованные). Артикуляционные движения мягкого неба при образовании марийских гласных фонематической роли не играют. Однако его участие отмечается в образовании так называемых назализованных оттенков соответствующих фонем.

Таким образом, в марийском языке качество любой гласной фонемы определяется по следующим трем признакам: ряду, подъему и огубленности [Иванов 2000: 45—48].

ГЛАСНЫЕ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

Главным отличительным признаком артикуляторной базы марийского языка является передний характер его вокализма: гласных переднего ряда значительно больше гласных заднего ряда.

Гласные переднего ряда характеризуются тем, что при артикуляции вся масса языка продвигается вперед, кончик его находится у нижних зубов, средняя часть спинки языка приподнимается к твердому нёбу, корень его отодвигается от задней стенки зева. В соответствии с данными характеристиками марийские гласные переднего ряда подразделяются на следующие группы: **по подъему** — высокий [и, ү], средний [э, ө], низкий [а]; **по огубленности** — неогубленные [и, э, а], огубленные [ө, ү].

НЕОГУБЛЕННЫЕ ГЛАСНЫЕ

Фонема [и] является самым высоким по степени подъема. Губы при ее произношении остаются пассивными, образуя широкую щель.

Фонема [э] — по своей артикуляции фонема переднего ряда. По подъему она занимает положение примерно среднее между [и] и [а]. В результате понижения подъема языка корень его несколько отходит назад, а кончик продвигается вперед и касается верхней части десен нижних зубов.

Фонема [а] — максимально открытый гласный переднего ряда. При его произношении язык имеет плоскую поверхность, кончик языка касается десен нижних зубов.

ОГУБЛЕННЫЕ ГЛАСНЫЕ

Фонема [ү] встречается только в сильной позиции и в предударном слоге. При ее произношении язык напряжен незначительно и занимает положение по подъему несколько ниже, чем при *и*. Кончик же языка продвинут вперед и касается нижних резцов.

Фонема [ö] встречается во всех положениях, кроме заударного слога перед согласным. По артикуляции фонема представляет собой огубленную параллель гласного [э]. При ее реализации язык опущен и продвинут вперед, кончик его касается внутренней поверхности резцов.

ГЛАСНЫЕ ЗАДНЕГО РЯДА

К гласным заднего ряда в марийском языке относятся: *о, у*. При произношении гласных заднего ряда масса языка отодвигается назад и поднимается к мягкому нёбу. Задний резонатор при этом значительно уменьшается, а передний — увеличивается, в результате отхода языка назад и огубленности. При произношении фонемы [о] масса языка отодвигается назад, расстояние между корнем языка и задней стенкой зева максимально сокращается. Кончик языка значительно оттягивается назад, спинка его поднимается к мягкому нёбу. Губы при этом сближены и образуют круглую щель, но они менее выдвинуты вперед, чем при произношении других огубленных гласных. Фонема [у] встречается в основном в ударном и предударном положениях. По своей артикуляции она может быть охарактеризована как огубленный гласный заднего ряда, верхнего подъема. Язык при произношении этого гласного максимально приближается к мягкому нёбу и по сравнению с гласным *о* несколько продвигается вперед.

СМЕШАННЫЙ РЯД

К гласным смешанного ряда в марийском языке относится фонема [ы]. Она появляется во всех положениях, кроме абсолютного конца. При ее произношении кончик языка занимает более переднее положение, чем при реализации гласных заднего ряда. Спинка языка занимает среднее положение между [о] и [у]. Кончик языка находится в несколько приподнятом положении.

Итак, гласные фонемы марийского языка можно представить в следующей сводной таблице 1 [Иванова, Сагдуллина 2012: 12].

Таблица 1

Гласные фонемы марийского языка

Передний ряд Губные — негубные	Смешанный ряд	Задний ряд
и ÿ öэ а	ы	у о

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕМАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ФРАНЦУЗСКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Для системы гласных фонем марийского и французского языков характерна прежде всего количественная разница. В марийском языке имеется 8 гласных, в то время как фонетическая система французского языка включает 15 гласных звуков.

Проведенный сопоставительный анализ систем фонем марийского и французского языков позволяет выделить их сходные и дифференциальные черты. Объединяющими, сходными чертами гласных сопоставляемых языков являются:

1) Передний характер произношения. Например: мар. *имне* [имн'ы] 'лошадь', *ÿдыр* [ÿдыр] 'девочка'; фр. *image* [ima: g] 'картина'.

Таблица 2

Классификация гласных звуков по горизонтальному положению языка

	Французский язык	Марийский язык
Передний ряд	i e a ø œ y ɛ	и э ÿ ö
Средний ряд	—	ы а
Задний ряд	ɔ ɔ̃ o u α ã	у о

2) Дифференциация гласных по степени подъема (верхний, средний, нижний). Например: мар. *кÿмыж* 'тарелка' ~ *комыж* 'обложка'; *чан* 'котёл' ~ *чын* 'правда'; фр. *fait* ~ *fée*, *sothe* ~ *sauté*.

Таблица 3

Классификация гласных звуков по вертикальному положению языка

	Французский язык	Марийский язык
Верхний подъем	i u y	и у ÿ
Средний подъем	e ø œ ã ɛ ɛ̃ ɔ ɔ̃ o	э о ы ц
Нижний подъем	α a ã	а

3) Дифференциация гласных по огубленности/неогубленности: лабиализованные/нелабиализованные гласные. Например: мар. *шöр* 'молоко' — *шер* 'бусы', *кава* 'небо' — *кова* 'бабушка'; фр. *pir* — *pur*, *sel* — *seul*. Однако французские гласные [y- у] отличаются от соответствующих марийских большей продвинутостью вперед, напряженностью и более сильной огубленностью [Зорина, Сагдуллина 2013: 32—40].

Классификация гласных по положению губ

	Французский язык	Марийский язык
Лабializedанные	œ ø у ou œ ɔ ɔ̃	ÿ ö о у
Нелабializedанные	i e ε ê ɛ a	и э а ы

Наряду с выявленными сходными чертами системы гласных фонем французского и марийского языков значительно различаются. Как видно из таблиц, гласные французского языка образуют 4 группы по подъему, а марийского языка — три подгруппы.

Несмотря на то, что и во французском, и в марийском языках гласные дифференцируются по подъему и ряду, имеются специфические различия между вокалическими системами сравниваемых языков. Французский язык располагает фонемами [e — ε], отличающимися по степени открытости. В марийском языке представлена только одна нейтральная фонема [э], которая характеризуется меньшей открытостью и большей продвинутой вперед, чем французский звук [ε], и соответственно, большей открытостью и меньшей продвинутой вперед, чем французский [e]. Французской оппозиции фонем по степени открытости [ɔ — о] в марийском языке соответствует нейтральный [о], который является более открытым, чем французский [о], и менее открытым, менее продвинутым вперед, чем французское [ɔ].

По ряду сравниваемые языки образуют поляризацию фонем переднего и заднего ряда. Например: фр. *jeune ~ jaune, mal ~ male*. В марийском языке французской оппозиции [a — α], которая, впрочем, является нестабильной, соответствует нейтральный звук [а], более задний, чем французский [a] и более передний, чем французский [α]. Основным отличием французской системы гласных от марийского вокализма является наличие в нем носовых звуков, отсутствующих в марийском языке, фр. *penser ~ passer*.

Несмотря на отсутствие носовых гласных в полном смысле слова, явление назализации свойственно и марийскому языку. Под влиянием носовых согласных м, н, н', њ марийские гласные подвергаются назализации. Степень назализации зависит от положения гласного по отношению к носовому согласному [Оразаева, Иванова 2016: 42—45]. Если гласная находится между носовыми согласными, назализация охватывает всю длительность звука, например, *мом* [mõm] 'что', *муйым* [mũm] 'мёд' (Вин. пад.), *муно* [muno] 'яйцо'. Перед носовыми согласными назализация незначительна. Она охватывает конец гласного, примерно, на 30% его длительности. После носовых согласных носовой оттенок приобретает начало гласного, где назализация достигает 70% длительности звука, а иногда и больше, например: *тамак* [tamak] 'табак', *шеме* [šeme] 'черный'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, фонетическая интерференция, если ее рассматривать в психолингвистическом плане, представляет собой прежде всего искажение произносительных норм системы изучаемого иностранного языка в результате взаимодействия в со-

знании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух языков: родного, например, марийского, и иностранного, в нашем случае французского, через перенос слуховых и произносительных навыков. При этом характер проявления интерференции во многом определяется наличием или отсутствием типологического сходства и генетического родства контактирующих языков.

Сопоставительный анализ, оставаясь наилучшей исходной ступенью описания поведения билингва, позволяет представить реальную картину фонетических нарушений в речи студентов мари, изучающих французский язык.

Марийский язык, имея отличную от французского языка артикуляционную базу, но в то же время фонологическую систему со сходными фонетическими характеристиками гласных, оказывает сильное отрицательное интерферирующее влияние на французское произношение студентов мари. При этом наиболее типичными отклонениями от нормативных характеристик являются:

- замена французских огубленных гласных похожими на них по своим фонетическим характеристикам звуками родного марийского языка;
- ненормативная реализация неогубленных гласных переднего ряда с недостаточно энергичным растяжением губ;
- неполная назализация носовых французских гласных, формируемая преимущественно за счет произнесения родного смычного согласного [ŋ];
- замена более открытых французских гласных [а, е, œ] на похожие по своим характеристикам, но более закрытые звуки родного языка.

© Иванова И.Г., Егошина Р.А.

Дата поступления: 24.04.2015

Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гордина М.В. (1997). Фонетика французского языка [*Gordina M.V. Phonetics of the French language*]. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
2. Егошина Р.А. (2016). О ритме диалогической речи (на материале французского языка) [*Egoshina R.A. On the rhythm of the dialogical speech (on the material of French language)*] // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
3. Зорина З.Г., Сагдуллина Е.В. (2013). Французская речь мари (произнесение губных гласных переднего ряда) [*Zorina Z.G., Sagidullina E.V. French Marie (pronouncing labial vowel front row)*] // Актуальные проблемы исследования и преподавания французского языка: материалы II заочной Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола.
4. Иванов И.Г. (2000). Кызытсе марий йылме. Фонетика [*Ivanov I.G. Kyzyitse mariy yilme. Phonetics*]. Йошкар-Ола.
5. Иванова И.Г., Егошина Р.А. (2015). О проблеме интонационной интерференции типологически неродственных языков (на примере французского и марийского языков) [*Ivanova I.G., Egoshina R.A. About the problem of intonational interference typologically unrelated languages (for example French and Mari languages)*] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54).
6. Иванова И.Г., Сагдуллина Е.В. (2012). Французский язык в качестве второго иностранного [*Ivanova I.G., Sagidullina E.V. French as a second language*]: учеб.-мет. пособие. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.

7. *Куклин А.Н.* (2013). Олык-эрвел мари́й фонетика [*Kuklin A.N. Olyk-ervel Mari phonetics*]. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
8. *Мечковская Н.Б.* (2001.) Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков [*Mechkovskaya N.B. General linguistics: Structural and social typology of languages*]. М.: «Флинта».
9. *Оразаева А.А., Иванова И.Г.* (2016). Сопоставительный анализ фонемного состава мари́йского и французского языков [*Orazayeva A.A., Ivanova I.G. Comparative analysis of the system of phonemes in Mari and French language*] // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.

PHONETIC INTERFERENCE IN MARI STUDENTS' FRENCH PRONUNCIATION

I.G. Ivanova, R.A. Egoshina

Mari state University

Kremlin Street, 44, Yoshkar-Ola, Mariy-El, 424002

iraida44@yandex.ru; affaires@mail.ru

This article presents results of a comparative analysis of interfering vowel phonemes systems in the Mari and French languages. The authors examine deviations from normative characteristics. Comparative and contrasting analysis of the two sound systems in contact allows to foresee possible distortions in the secondary sound system. The data help reveal and clarify the reasons of certain phonemic distortions in the French language when in contact with the Mari language.

Key words: interference, bilingualism, the French language, the Mari language, comparative analysis, vowel system, differential characteristics

СПЕЦИФИКА ПОРОЖДЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Е.М. Александрова¹

Центр лингвистики и межкультурной коммуникации
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119571
elena_751@mail.ru

В статье впервые предпринимается попытка определить характер влияния фонетических и просодических особенностей разноструктурных языков на специфику порождения языковой игры в русской, английской и французской традициях. Результаты исследования способствуют установлению закономерностей в отношениях между тремя языками и могут быть полезны как для сопоставительной, так и для типологической стилистики. Исследование проводится на материале текстов жанра анекдота, отобранных методом сплошной выборки из печатных и электронных сборников. На специфику порождения языковой игры в русской, английской и французской традициях оказывают влияние как особенности языкового строя, так и особенности языковой группы, определяющие такие характеристики языков, как средняя длина слова, особенности постановки ударения в слове и во фразе, отсутствие или наличие редукции безударных гласных, непронизносимых согласных, одинаково пронизносимых флексий.

Ключевые слова: языковая игра, анекдот, полисемия, паронимия, омонимия, аналитические языки, синтетические языки

ВВЕДЕНИЕ

При сопоставительном изучении различных языков и культур работы, посвященные исследованию юмористических традиций, появляются все чаще. Ничто так не характеризует людей, как своеобразие их юмора. То, как и над чем смеются представители той или иной культуры, говорит об особенностях национального менталитета иногда больше, чем многие статистические данные.

Так же, как в анекдоте, получают отражение самые актуальные, яркие, злободневные ситуации, заслуживающие иронического отношения и подлежащие высмеиванию, так и в языковой игре самые яркие, неоднозначные, подвижные и изменчивые места в системе языка креативно используются для создания новых речевых произведений. Анекдоты, таким образом, являются важным источником представлений народа о наиболее интересных и неоднозначных феноменах и культуры, и языка.

Языковая игра является универсалией в системе языков. Исследование особенностей влияния языковых систем разноструктурных языков — русского, английского и французского — является целесообразным и оправданным, так как по-

---

¹ Автор статьи — участник научной стажировки «Объяснительные возможности системного метода в филологической науке». Москва, РУДН, кафедра общего и русского языкознания, 4—9 апреля 2016 г.

звolyет выявить особенности использования различных механизмов создания языковой игры в рассматриваемых языках, а также определить основные черты языковых систем, оказывающие влияние на специфику порождения языковой игры.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ, ОСНОВАННОЙ НА ПОЛИСЕМИИ, ОМОНИМИИ И ПАРОНИМИИ, В РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АНЕКДОТАХ

В ходе исследования было выявлено, что именно *полисемия*, *паронимия*, *омонимия* — семасиологические микросистемы — наиболее часто используются при создании языковой игры в каждой из рассматриваемых традиций (всего 823 примера), составляя 58,4% от общего числа рассмотренных случаев использования языковой игры для создания комического эффекта в анекдотах. Наибольшее количество примеров представлено в английской традиции — 302, во французской найдено 278 примеров, а в русской — 243.

Полисемия обыгрывается в текстах жанра анекдота наиболее часто (331 пример; 40%). В большей степени анекдоты, основанные на многозначности, свойственны русской традиции (154 примера), тогда как во французской (95 примеров) и в английской (82 примера) традициях они встречаются значительно реже. *Паронимия* становится основой создания языковой игры в 262 случаях (32%), данное явление чаще всего используется для создания комического эффекта в анекдотах на английском языке — 145 примеров, 78 примеров найдено во французских сборниках и только 39 — в русских. *Омонимия* становится основой комического эффекта в 230 примерах (28%), наиболее часто данный механизм используется во французских анекдотах — 105 примеров, а также в английских — 75 примеров, в русской традиции она встречается значительно реже — 50 примеров.

Таким образом, наиболее частотными оказываются случаи обыгрывания полисемии в русской традиции (154), паронимии — в английской (145) и омонимии — во французской (105).

Различая *лексическую* и *синтаксическую* языковую игру, мы установили, что сходство и аналогия звучания отдельных слов обыгрывается в английских и французских анекдотах реже, чем сходство и аналогия звучания групп слов. Синтаксическая языковая игра, основанная на паронимии и омонимии, чаще представлена во французской традиции — 142 примера (41 лексема), 127 примеров найдено в английской (93 лексемы) и только 30 в русской (59 лексемы).

Синтаксическая паронимия используется в 163 случаях и наиболее часто обыгрывается в английских анекдотах (100 примеров).

Синтаксическая омонимия представлена 136 примерами и наиболее часто встречается во французской традиции (86 примеров). Таким образом, синтаксическая паронимия является наиболее распространенным механизмом создания языковой игры в английской традиции, а синтаксическая омонимия — во французской.

Следует отметить, что общеизвестное утверждение о большом количестве анекдотов, основанных на омонимии в английском языке, оправдывает себя в случае с использованием в языковой игре лексических омонимов (48), которые обыгрываются в английских анекдотах значительно чаще, чем в русских (27) и французских (19).

ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ПРОСОДИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НА СПЕЦИФИКУ ПОРОЖДЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Исследование показало, что специфика использования полисемии, паронимии и омонимии для создания языковой игры в анекдотах на русском, английском и французском языках обусловлена прежде всего системными особенностями данных языков.

Преобладание в русской традиции примеров языковой игры, основанной на полисемии, в отличие от английской, где преобладают паронимические механизмы, и французской, где чаще всего используется омонимия, связано с широким распространением данного явления в русском языке. В исследовании О.Е. Вороничева, проведенном на материале каламбуров на русском языке, также указывается, что «в анекдотах русских первое место, безусловно, остается за полисемантами» [Вороничев 2014: 636]. Н.С. Валгина отмечает, что в русском языке около 80% всех слов имеют не одно, а несколько значений, подсчитать которые нет никакой возможности, и не потому, что у некоторых слов этих значений слишком много (иногда до сорока), а потому, что язык постоянно пополняется новыми лексическими значениями, которые даже не успевают фиксировать словари [Валгина 2001: 24—27]. Преобладание примеров, основанных на многозначности, именно в русской традиции, возможно, обусловлено тем, что в ней не получает широкого развития, по сравнению с английской и французской традициями, языковая игра с омонимическим и паронимическим механизмами, что компенсируется использованием многозначности.

Явления омонимии и паронимии (492 примера) характеризуют главным образом английскую (220) и французскую традиции (183). В русских анекдотах данные явления обыгрываются значительно реже — 89 примеров.

Было выявлено, что в большей степени на специфику порождения языковой игры, основанной на паронимии и омонимии, оказывают влияние особенности языкового строя и особенности языковой группы, определяющие такие характеристики языков, как средняя длина слова, особенности словесного и фразового ударения, отсутствие или наличие редукции безударных гласных, непроносимых согласных, одинаково проносимых флексий и т.д.

1. СРЕДНЯЯ ДЛИНА СЛОВА

Известно, что аналитические характеристики языковой группы в большей степени проявляются в английском языке. В русском языке, имеющем множество флексий, широко проявляются синтетические характеристики, тогда как во французском, относящемся к аналитическим языкам, где все еще присутствует влияние синтетизма латинского языка, проявляются как аналитические, так и синтетические черты.

Степень синтетизма каждого из рассматриваемых языков напрямую связана со средней длиной слова. Так, А.Л. Зеленецкий отмечает, что средняя длина русского слова составляет 2,3 слога, в более аналитичном немецком — 1,6 слога,

в еще более аналитичном французском — 1,5 слога, в английском — 1,4 слога [Зеленецкий 2004: 65]. По подсчетам Л.В. Саркисян, средняя длина английского слова составляет 1,34 слога [Саркисян 2002: 15]. Русское слово оказывается наиболее длинным, тогда как английское — наиболее коротким.

Средняя длина слова оказывает влияние на специфику порождения языковой игры на паронимической основе. Если в английских и французских примерах представлена в большинстве случаев паронимия средних слов (5—7 букв), где изменения представлены как в начале, так и в середине, и в конце слов, то в русских примерах обыгрываются как средние, так и длинные слова (более 7 букв), а основные изменения, как правило, представлены в конце слов. Появление максимума информации в конце слова обусловлено морфологической структурой русского слова, где грамматическую информацию несут присоединяемые к концу слова аффиксы и окончания.

Было выявлено, что замещение фонемы в английских и французских анекдотах представлено чаще, чем ее добавление или потеря. При этом замещение согласного звука во французской традиции встречается в два раза чаще (*Tchèque/chèque, tchin/chin, broche/ brosse, évêché/et vesser, pèse/bèse, zébu/'ai bu, opticien/au petit chien, l'Abbé Ritiff/l'apéritif* и т.д.), чем замещение гласного (*Rapace/repasse, Monge/mange, l'Amazone/la maison* и т.д.).

В английских анекдотах, напротив, мена гласного звука (*fit/feet, beggar/bagger, mummy/mammy, men/mean, appellate/apple ate, attorney/a tourney, quark/quack, writ/write* и т.д.) происходит в два раза чаще, чем замена согласного (*tight/right, defense/the fence* и т. д.). Возможно, это обусловлено тем, что в английском языке гласные несут большую смысловую нагрузку, чем в других языках. К примеру, несоблюдение долготы звука изменяет значение слова: «*Sign in a shoe store: Come in and have a fit*», что приводит к созданию паронимичной пары *fit* [fit]/*feet* [fi:t]. Известно, что английский относится к языкам вокалического типа, тогда как французский (вокалический) и русский (консонантический) по консонантной насыщенности речи относятся к консонантическим языкам.

При анализе специфики замены звуков в паронимичных парах было выявлено, что, как правило, происходит замена более сложных для произнесения иностранцами звуков менее сложными.

В английской традиции обыгрываются:

— гласный звук [æ]: *Annie* ['æni]/*any* ['eni], *Anna* ['ænə]/*any* ['eni], *Ann* [æn]/*an* [ən]; [æɪn] — полная форма, *Alpaca* [æl'pækə]/*I'll* [ail] *pack* [pæk], *Alison* ['ælisən]/*I [ai] listen* ['lis(ə)n];

— дифтонги: *Toby* ['təubi]/*to* [tu:] *be* [bi:], *hold* [həuld] *on* [ɔn]/*Holden* ['holdən], *sure* [ʃuə] *would* [wud]/*Sherwood* [ʃə:wud'], *takes* [teiks]/*Tex* ['teks], *surely* ['ʃuəli]/*Shirley* ['ʃɔ:li];

— аффикаты: [dʒ] — [d] *Juliet/do you let, Juicy/did you see, Jenny/do you need, Juno/dunno do you know, Jewell/do you well*; [tʃ] — [t] *Stopwatch/stop what*; [dʒ] — [tʃ] *Joyce/choice*, [dʒ] — [ð] *Janet/ the net*;

— межзубные звуки: [ð] *you, Theodore/the door, Arthur/are there, Thermos/ here must, Thermos/there must* и др.

Во французской традиции обыгрываются:

— оппозиция открытый/закрытый гласный: [i] — [y] *Justine/juste une*; [ɛ] — [i] *Hélène/il est né*; [i] — [e] *Jimmy/j'ai mit*, [u] — [y] *Douce/du ski*, [a] — [e] *Manon/mais non*, [ã] — [ɛ̃] *Matan/ma main*;

— аффрикаты: [tʃ] *Tchèque/chèque, tchin/chin*, [ʃ] — [s] *broche/brosse, évêché/et vesser*, [dʒ] *zébu/j'ai bu, opticien/au petit chien, Seize/cesse*, [ʃ] — [c] *Sheila/c'est la, Sacha/ça c'en, Cheveux/je veux, Schtromph/je trompe* и т.д.

В русской традиции замена одного звука — редкое явление, например: *Ленин/Лёнин, точно/тошно*, для русских примеров более характерна мена аффиксов и корневых морфем и их сегментов, сравните: *пожует/поживем, подвески/подвязки, миллиум/эленум, боцман/кацман, миллионер/миллиардер, одеваться/раздеваться, нательного/постельного, Пальмира/полмира* и т.д.¹

Преобладание случаев синтаксической паронимии в английской и французской традициях и лексической паронимии в русских анекдотах связано со средней длиной слова в языке, которая в свою очередь обусловлена синтетическим или аналитическим характером языка. Более длинное русское слово имеет большую самостоятельность. В русской фразе, в отличие от английской и французской, ударение падает почти на каждое слово.

2. УДАРЕНИЕ

Особенности расстановки ударений в языке во многом определяют характер основы создания языковой игры: паронимическую в английской традиции или омонимическую — во французской; отнесенность языка к консонантическому или вокалическому типу обуславливает специфику паронимических пар.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что обыгрывание явлений полисемии, паронимии и омонимии является наиболее популярным способом создания языковой игры. Полисемия становится основой языковой игры в 40% случаев, паронимия — в 32% случаев, использование омонимии составляет 28%. Исследование показало, что полисемия как основа языковой игры в большей степени свойственна русским анекдотам, паронимия — английским, а омонимия — французским.

© Александрова Е.М.

Дата поступления: 18.04.2016

Дата принятия к публикации: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Артемова О.А.* (1999). К вопросу о ритмике русского слова в связи с обучением произношению нерусских [*Artemova O.A. On the topic of rhythm of Russian words in connection with teaching pronunciation of non-native speakers*] // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 10. М.: Диалог-МГУ. С. 145—149.*

¹ В рамках данной статьи паронимия рассматривается в широком смысле слова, включая в том числе и случаи однокорневой паронимии.

2. Валгина Н.С. (2001). Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов [Valgina N.S. Active processes in modern Russian/ manual to university students]. М.: Логос.
3. Вороничев О.Е. (2014). Каламбур как феномен русской экспрессивной речи [Voronichev O.E. Pun, or play of words as a phenomenon of Russian expressive speech]: Дис. докт. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. Москва.
4. Гак В.Г. (1989). Сравнительная типология французского и русского языков [Gak V.G. Comparative typology of French and Russian]: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» 3-е изд., дораб. М.: Просвещение.
5. Гальперин И.Р. (1958). Очерки по стилистике английского языка [Galperin I.R. Essays on the English stylistics]. М.: Издательство литературы на иностранных языках.
6. Зеленецкий А.Л. (2004). Сравнительная типология основных европейских языков [Zelenetskiy A.L. Comparative typology of the main European languages]. М.: Academia.
7. Златоустова Л.В. (1981). Фонетические единицы речи [Zlatoustova L.V. Phoneticalo speech units]. Москва.
8. Норман Б.Ю. (2006). Игра на гранях языка [Norman B.Yu. Playing puns on language margins]. М.: Флинта: Наука.
9. Саркисян Л.В. (2002). Морфемное строение и звуковая форма английского и армянского слова в категориальном аспекте [Sarkisyan L.V. Morphemic structure and sound form of Armenian and English words in the categorical aspect]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Москва.

THE SPECIFICS OF CREATING PUNS IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE

E.M. Aleksandrova

Center of Linguistics and Multicultural Communication
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
82, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119571
elena_751@mail.ru

In the article an attempt is made to identify the influence of phonetic and prosodic features of structurally different languages on the specifics of creating puns in Russian, English and French traditions. The results of the research contribute to establish the regularities in relationships of three languages; also they might be useful for comparative and typological stylistics. The research is made on the basis of Russian, English, and French jokes, selected from printed and electronic joke collections. In course of research of pun creating specifics, it was identified that polysemy, paronymy and homonymy were the most popular mechanisms of creating puns. The specifics of creating puns in Russian, English and French joke traditions is influenced by the features of the language system as well as the language group, which identify such characteristics of languages as the average length of words, the specifics of word stress and phrase stress, presence or absence of unstressed vowels reduction, unpronounceable consonants, similarly pronounced inflections.

Key words: pun, joke, polysemy, paronymy, homonymy, analytical languages, synthetic languages

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «АББРЕВИАЦИЯ»

Е.Ю. Аламайрех

Донецкий Национальный университет
ул. Университетская, 24, Донецк, Украина, 83001
amayreh@mail.ru

В работе рассматривается главный признак аббревиации — наличие эквивалента-словосочетания на актуальном срезе языка. Автор указывает на то, что именно возможность развертывания аббревицированного конструкта аббревиатуры отличает его от аффиксоида. Отмечается также то, что в языке возможно не только свертывание слова в аббревицированный конструкт сложносокращенного слова, но и развертывание на его базе вторичных наименований. Это приводит к тому, что вокруг аббревиатуры возникает гнездо эквивалентности.

Ключевые слова: аббревиатура, аббревицированный конструкт, абброморфема, абброэквивалент, аффиксоид, гнездо эквивалентности

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «аббревиация» достаточно давно широко обсуждается в научных исследованиях. Однако целый ряд параметров этого явления все еще находится в дискуссионной зоне. Более того, само определение аббревиации часто становится поводом для споров. Цель предлагаемой статьи состоит в уточнении понятия эквивалентности как основы для определения понятия аббревиации. К задачам, определяемым данной целью, относятся: установление соотношения факторов синхронии и диахронии при определении аббревиации, разграничение аббревиации и аффиксоидного словообразования, описание возможных направлений деривационных отношений между сложносокращенным словом и его синтаксическими эквивалентами, определение сущности гнезда эквивалентности, формируемого вокруг сложносокращенного слова.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «АББРЕВИАЦИЯ»

Классическая дефиниция предполагает, что аббревиация — это «произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта» [Сергеева 2013: 176]. Иначе говоря, под аббревиацией следует понимать ситуацию, когда у исходной единицы *X* сокращается какой-то компонент *A*, что приводит к образованию сокращенной единицы *X'*. Например, к аббревиации приводит сокращение компонента *автомобильная* словосочетания *автомобильная выставка* до *авто* при образовании слова *автовывставка*.

Однако, как справедливо считает В.В. Борисов, «несмотря на логическую строгость, данное определение мало о чем говорит: неизвестно, что следует понимать под исходной единицей, не определен характер самого процесса, неясен

его результат («сокращенная единица») и, наконец, неясно, какие элементы могут быть опущены? Чрезвычайно важен и такой вопрос: каковы отношения между „сокращенной“ и „несокращенной“ единицей? Является ли „сокращенная“ единица новой, или же она, утратив элемент(ы) А, продолжает выступать в качестве варианта „несокращенной“ единицы? Выяснить сущность аббревиации можно, лишь устранив эти неясности» [Борисов 1972: 61]. При этом самым важным, на наш взгляд, элементом определения является установление возможных типов отношений эквивалентности между аббревиатурой и производящей единицей.

Д.И. Алексеев указывает на то, что аббревиация — это «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, **с помощью атрибутивных словосочетаний** (выделено нами. — Е.А.)» [Алексеев 1979: 107].

Мы оставим в стороне то, что аббревиация связана не только с трансформацией в слово атрибутивных словосочетаний: нами отмечаются случаи сокращения и субстантивных конструкций, например, *гаситель вибрации* — *виброгаситель*, *начальник хозяйственной части* — *начхоз* и под. Нас сейчас интересует другой вопрос: всегда ли сокращение какого-либо элемента исходного словосочетания или слова приводит к возникновению аббревиатуры. Наблюдение над языковым материалом показывает, что это не так.

Например, одна из этимологий слова *скатерть* предполагает, что оно возникло в результате сокращения элемента *ДЪ* сложного слова *ДЪСКАТЬРТЬ* «вытертая доска», возникшего в результате композиции на базе слов *ДЪСКА* и *ТЬРТИ*. Можно ли считать, что перед нами такая же аббревиатура, как и в случае образования слова *автоавария* на базе словосочетания *автомобильная авария*? Мы уверены, что это различные по своей природе явления, поскольку в отличие от первого случая, в котором исходная и возникшая на ее базе единицы существуют только на последовательных стадиях процесса развития языка и не могут сосуществовать в пределах одного его синхронного среза, во втором компоненты словообразовательной пары могут употребляться параллельно в одном и том же значении на одном и том же синхронном срезе языка, сравните: *Если с просроченной «автогражданкой» случилось попасть в руки инспектора ДПС или в автоаварию, то в первом случае штраф водителю не грозит* (Сегодняшняя газета. 23.11.2006) и: *И кое-кто из генералов успокаивает: пятнадцать тысяч, да для нашей страны — капля в море, за год больше людей в автомобильных авариях погибает* (Евстафьев 2002).

В работах современных лингвистов только сокращения типа *автоавария* относятся к аббревиации. Так, М.М. Сегаль утверждает, что об аббревиатуре можно говорить только тогда, когда в языке существует соотнесенный с ней синтаксический эквивалент. При этом аббревиатура и прототип соотносятся как структурные варианты, как лексические разновидности одного и того же слова, так как при внешнем различии тождество их вещественного значения не нарушается [Сегаль 1964: 4]. В.В. Борисов абсолютно справедливо в этой связи отмечает, что «об аббревиации мы говорим только тогда, когда в системе языка, в данный пери-

од его развития, сосуществуют полные и сокращенные формы. А из этого следует, что аббревиация является объектом синхронного изучения языка. Явления, выявляемые только в диахроническом плане (...), к аббревиации не относятся» [Борисов 1972: 62].

АББРОКОНСТРУКТЫ И АФФИКСОИДЫ

Описанный выше подход позволяет отграничить сокращенные компоненты сложносокращенных слов (далее — ССС), которые мы здесь и далее будем называть **аббревицированными конструктами**, или **абброконструктами** (далее — АК), от аффиксоидов. Данное разграничение очень важно, поскольку АК часто трактуются именно как аффиксоиды в работах специалистов по аффиксоидному словообразованию. Например, такое обозначение получают АК *авиа*, *авто*, *агит* и др. в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка» [Козулина 2009].

Данный подход обусловлен предложенной в словаре широкой трактовкой самого понятия «аффиксоид». Авторы считают, что аффиксоиды отличаются от чистых аффиксов тем, «что в содержательном плане они несут не аффиксальную, а корневую нагрузку, то есть имеют не категориальное временное, пространственное, причинное, относительное и т.д. значение, а значение материально-предметное, конкретное, вещественное (ср. префиксы и суффиксы *в-*, *на-*, *-н*, *-ск* и др. и префиксоиды и суффиксоиды *авто...*, *онко...*, *...руб*, *...фил* и др.)» [Козулина 2009: 4]. Однако в самом словаре представлены как единицы, которые имеют «материально-предметное, конкретное, вещественное» значение и выступают в качестве эквивалентов компонентов исходных словосочетаний, так и единицы, в какой-то мере утратившие «материально-предметное, конкретное, вещественное» значение и в силу этого приблизившиеся к аффиксам — носителям категориальных значений. Сравните, с одной стороны, конструкт *авто* в приведенных в словаре словах *автодело*, *автозапчасти*, *автоэмаль*, имеющих легко обнаруживаемые эквиваленты *автомобильное дело*, *автомобильные запчасти*, *автомобильная эмаль*, а с другой, — *анемо*, отмечаемый в словах *анемограф*, *анеометрический*, *анеометрия*, *анеморазведка*, *анемотахометр*, *анемофобия*, для которых синтаксические эквиваленты обнаружить невозможно, или *вед-* в словах *высоцковед*, *краевед*, *почвовед*, *пушкиновед*, *человековед*, *языковед*, которые не могут быть развернуты в словосочетания, и в которых уже не ощущается семантики глагола *ведать*, а обнаруживается явно категоризированное значение агенса («специалиста в области»).

Именно поэтому мы сомневаемся в возможности отнесения АК к аффиксоидам, они существуют в иной системе отношений между производным и производящим: это отношения не мутационного (модификационного) словопроизводства, а текстовой эквивалентности. В отличие от слов с аффиксоидами, отличающихся семантически и функционально от производящих единиц, слова с АК находятся со своими синтаксически развернутыми эквивалентами в отношениях свободной дистрибуции, что позволяет считать их дублетными наименованиями.

СООТНОШЕНИЕ «СЛОЖНОСОКРАЩЕННОЕ СЛОВО — СЛОВСОЧЕТАНИЕ»

Приведем ряд важных, на наш взгляд, аргументов, несколько уточняющих тезис об обязательной эквивалентности аббревиатуры и соответствующего ей словосочетания.

1. В ряде случаев не аббревиатура возникает на базе словосочетания, а наоборот, словосочетание разворачивается на базе ССС. Это происходит тогда, когда при образовании ССС используется АК, имеющий статус **абброморфемы** (далее — АМ).

Традиционно считается, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания» [Ярмашевич 2004: 8], однако с таким мнением трудно согласиться полностью.

Как отмечает Г.П. Уханов, «кроме сложносокращенных слов, копирующих своим строением словосочетания с той же предметной отнесенностью, существуют и такие образования, которые обнаруживают известную структурную самостоятельность» [Уханов 1961: 188]. В этом случае ССС возникает «под сильным воздействием сложившихся моделей сложносокращенных слов» [там же]. О том же пишет В.И. Теркулов: «Несомненно только то, что ССС **обычно соответствует** одно или несколько **эквивалентных** словосочетаний, то есть словосочетаний, имеющих тождественное с ССС значение и находящихся с ним в отношениях свободной дистрибуции. Однако факт существования таких словосочетаний не может сам по себе являться показателем **направления** деривационной связи. Он свидетельствует только о том, что ССС и эквивалентное словосочетание деривационно взаимосвязаны и могут свободно взаимозаменяться в тексте как абсолютные синонимы / номинативные дублеты. Но ССС может и не быть произведено от структурно и семантически эквивалентного словосочетания, может и не „выступать сначала как вариант“ этого словосочетания. Наоборот, в ряде случаев такое словосочетание возникает в результате разворачивания ССС, является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему» (выделено нами. — Е.А.) [Теркулов 2015: 274].

Последнее возможно в тех случаях, когда один и тот же абброконструкт используется при образовании многих ССС» (например, в рассматриваемой нами аббревиационной группе **авто** отмечается 159 ССС, имеющих в своей структуре АК **авто**), что формирует стереотип его активного использования и позволяет в ряде случаев уже не на базе словосочетания, а минуя этап существования последнего сразу же присоединять его к производящему слову в качестве, на первый взгляд, «аффиксоидального» элемента.

Отличить явление возникновения ССС на базе словосочетания от возникновения ССС на базе слова крайне сложно. Однозначно мы можем говорить об «абброморфемной» аббревиации только в тех случаях, когда образование ССС противоречит некоторым стереотипным моделям трансформации словосочетания в слово. Например, как отмечает С.Н. Климович, «абброморфема **сан-** является усечением от прилагательного **санитарный** и употребляется в слоگو-словесных

аббревиатурах *санінструктор, санлікар, саносвіта, санстанція, сантехніка*. Но слово *санвузол* нельзя объяснять словосочетанием *санітарний вузол*, потому что оно обозначает объединенные ванну и туалет, а *сантехнік* — это не *санітарний технік*, а «слесарь по санитарному оборудованию». Это свидетельствует о том, что образование двух последних слов произошло по модели, а не в результате сокращения развернутого наименования» [Климович 2008: 16]. Точно так же *автомастерская* — это не *мастерская автомобилей*, что можно было бы предположить, трансформировав отмечаемое в текстах словосочетание *автомобильная мастерская*, а *мастерская*, в которой осуществляется ремонт автомобилей, *автомеханик* — это не *механик автомобилей (автомобильный механик)*, а механик, производящий ремонт автомобилей. Отсутствие полного трансформационного соответствия слова и словосочетания позволяет предположить в данном случае искусственность ССС.

Однако и в этом случае мы не можем трактовать АК как аффиксоид, поскольку во всех описанных ситуациях у ССС все-таки с течением времени появляется стереотипно развернутое на его базе эквивалентное словосочетание, которое хоть и образовано в нарушение некоторых семантических и ономаσιологических закономерностей трансформации словосочетаний с именным атрибутом в словосочетание с адъективным атрибутом, все же употребляется более или менее активно в речи носителей языка. См.: Например, **санитарный техник (сантехник)**, какое он имеет отношение к учреждениям СЭС? (Новый Севастополь. 08.09.11). *Осталось рвануть электростанцию и автомастерские... Помогите мне! (Пикуль) и: Автомобильная мастерская ремонтировала в спешном порядке грузовые машины «уайты», закупленные за границей, и устанавливала на них зенитные орудия (Васильев), Самому старому автомеханику исполнилось 100 лет — В начале сентября самый старый автомобильный механик Великобритании Бастер Мартин отметил свое столетие!* (<http://auto.mail.ru/news?id=19762>). Такие словосочетания, как утверждает В.И. Теркулов, возникают «только для заполнения деривационной лакуны, предопределяемого действующим в русском языке корреляционным стереотипом „каждому ССС должно соответствовать эквивалентное словосочетание“» [Теркулов 2015: 103].

Иначе говоря, в языке для аббревиатуры всегда обнаруживается эквивалентное словосочетание. Даже в тех случаях, когда образование ССС происходит по аналогии, аброморфемным способом, мы констатируем заполнение эквивалентной лакуны путем развертывания словосочетания на базе ССС.

Очевидно, что вторичное развертывание словосочетания на базе аббревиатуры возможно и в тех случаях, когда эта аббревиатура возникла не аброморфемным способом, а на базе словосочетания. Например, источником для ССС *автовладелец* было словосочетание с именным атрибутом *владелец автомобиля*, а не словосочетание с атрибутивным атрибутом *автомобильный владелец*, что подтверждается высоким индексом употребления *владелец автомобиля* по отношению к ССС (1,94) и низким индексом употребления словосочетания *автомобильный владелец* (22,76).

Словосочетание **автомобильный владелец**, следовательно, стереотипно развернуто на базе ССС. Причина этому — стереотип трактовки аббреконтрукта **авто** как эквивалента именно прилагательного: мы привыкли, что чаще всего **авиа** в ССС соответствует **авиационный** в прилагательном, и поэтому автоматически образуем на базе ССС словосочетание с адъективным атрибутом даже в том случае, когда реальным источником для ССС было словосочетание с именным атрибутом.

Таким образом, необходимо различать два типа эквивалентности:

- а) исходную, когда факту возникновения ССС предшествует факт возникновения словосочетания, например, **страхование автомобиля** → **автострахование**;
- б) вторичную, когда на основе ССС разворачивается вторичное словосочетание, например, **городок** → **автогородок** → **автомобильный городок**.

2. В реальности одному ССС может соответствовать не одно, а несколько эквивалентных словосочетаний. Например, для ССС **автоаксессуары** мы отмечаем такие эквиваленты:

— **аксессуары для автомобилей**: *Не оставляйте без внимания разнообразные аксессуары для автомобилей. Это может быть набор инструментов, интересные подушки, системы handsfree или метеостанции* (Аргументы и факты. 26.1014);

— **аксессуары для автомобиля**: *За верные ответы на вопросы ведущий щедро раздавал полезные подарки: складные кружки, кошельки, аксессуары для автомобиля* (Псковская правда. 19.08.15);

— **аксессуары к автомобилю**: *За свои бонусные баллы я могу покупать не только бензин, но и кофе, какие-то аксессуары к автомобилю* (<http://www.finmarket.ru/life/article/3543283>);

— **аксессуары к авто**: *На втором месте в иерархии подарков у мужчин появился автомобиль и аксессуары к авто* (<http://rian.com.ua/society/20151223/1002539607.html>);

— **автомобильные аксессуары**: *Салон автомобильных аксессуаров «Авто-девайс» открыт по франчайзинговой модели в рамках проекта «Бизнес-старт» в Чите* (Восточно-Сибирская правда. — 28.08.14);

— **аксессуары для авто**: *Предприниматели, которые торгуют онлайн, в этом году больше всего продали в сети интернет шин и аксессуаров для авто* (http://gazeta.ua/ru/articles/avto/_v-ukrainskih-predprinimatelej-cherez-internet-chashevsego-zakazyvali-shiny/668236);

— **аксессуары автомобиля**: *Ксеноновые наборы сегодня — это современные, модные аксессуары автомобиля, поднимающие престиж транспортного средства в глазах других автолюбителей* (<http://www.autoindex.ru/reviews/d31>).

Иными словами, вокруг аббревиатуры создается «гнездо эквивалентности», компоненты которого имеют разную степень употребительности. При этом часть этих компонентов гнезда являются производящими для ССС (в нашем случае — **автомобильные аксессуары**), в то время как остальные либо являются источником для производящего (**аксессуары для автомобиля** / **аксессуары для авто** /

аксессуары для автомобилей → *автомобильные аксессуары*), либо возникли в результате вторичного развертывания аббревиатуры в словосочетание (*авто-аксессуары* → *аксессуары автомобиля* / *аксессуары к автомобилю* / *аксессуары к авто*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основными признаками эквивалентности для ССС являются: наличие его синтаксического эквивалента на актуальном срезе языка; возможность искусственного создания эквивалентов ССС в результате развертывания на базе квазиаббревиатур вторичных словосочетаний; наличие созданного вокруг ССС гнезда эквивалентов — группы словосочетаний, часть которых может быть источником для ССС, а часть — результатом развертывания на базе ССС. Далее встает задача описать модели интерпретации словосочетания на базе ССС, как и модели трансформации ССС в словосочетания.

© Аламайрех Е.Ю.

Дата поступления: 21.05.2016

Дата принятия в печать: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеев Д.И.* (1979). Сокращенные слова в русском языке [*Alekseyev D.I. Contracted words in the Russian language*]. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та.
2. *Борисов В.В.* (1972). Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках [Монография] [*Borisov V.V. Abbreviation process and acronyms. Military, scientific and technical acronyms in foreign languages (Monograph)*]. М.: Воениздат.
3. *Климович С.М.* (2008). Структурно-семантичні типи абрoutворень в українській мові [*Klimovich S.M. Structurally-semantic types of abrutvoren' in the Ukrainian language*]: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — русский язык. С. Запоріжжя.
4. *Козулина Н.А.* (2009). Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника [*Kozulina N.A. Affixoids in the Russian language. Experience of glossary*]. СПб.: Нестор-История.
5. *Сегаль М.М.* (1964). Аббревиации и аббревиатуры в современном английском языке [*Segal M.M. Abbreviation processes and abbreviations in contemporary English*]: дисс.... канд. филол. Наук. Ленинград.
6. *Сергеева Т.С.* (2013). Аббревиатура в системе лексических сокращений [*Sergeeva T.S. Abbreviation in system of lexical shortenings*] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II.
7. *Теркулов В.И.* (2015). Два типа трактовки эквивалентности «слово — словосочетание» в «толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка» [*Terkulov V.I. Two types of interpretation of the equivalence "word — word-combination" in the explanatory-word-formation dictionary of abridged words of the Russian language*] // Ревюем філологічний. Донецк.
8. *Теркулов В.И.* (2015). Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с аббревиационным БИО [*Terkulov V.I. Families of equivalence of abridged words in the abbreviation group with the abbreviation construction BIO*] / В.И. Теркулов, А.А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. № 3 (19). Владикавказ.

9. *Уханов Г.П.* (1961). Об отношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью [*Uhanov G.P.* About relation of abridged words to the word-combinations with the same denotation] // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1961. № 1. С. 187—196.
10. *Ярмашевич М.А.* (2004). Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты [*Jarmashevich M.A.* Abbreviation process in contemporary European languages: structural, semantic and functional aspects]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 — теория языка. Саратов.

SOME CLARIFICATIONS OF DEFINITION OF THE CONCEPT OF “ABBREVIATION PROCESS”

E.Yu. Alamaireh

Donetsk National University
24, Universitetskaya st., Donetsk, Ukraine, 83001
amayreh@mail.ru

This paper presents the main feature of abbreviation — the presence of the equivalent-word-combination at the current stage of development of the language. The author notes that it is the possibility of expending of the abbreviation construction of abbreviation that distinguishes it from an affixoid. It is also noted that not just shortening of a word to the abbreviation construction of the abridged word, but also expending of the secondary naming unit on its basis is possible in the language. As a result, family of equivalence appears round the abbreviation.

Key words: abbreviation, abbreviation construction, abbrormorpheme, abbroequivalent, affixoid, family of equivalence

НАШИ АВТОРЫ

Александрова Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Baudorre Philippe (France) — HDR (PhD in France, accreditation to supervise research), professeur, Université Bordeaux Montaigne, France

Безкорвайная Галина Тиграновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Московский государственный университет печати им. Ивана Фёдорова

Беляков Михаил Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России

Бочкарев Андрей Евгеньевич — доктор Парижского университета «Сорбонна» (IV) доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Бубнова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского

Букина Лилия Михайловна — аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

Васильева Анна Александровна — преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России

Волкова Наталья Алексеевна — магистр градостроительства, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Гриценко Александр Николаевич — аспирант кафедры иностранных языков, Международный славянский институт

Джусупов Нурсултан Маханбет улы (Узбекистан) — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Узбекский государственный университет мировых языков

Егошина Рита Александровна — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Марийский государственный университет

Иванова Ираида Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, Марийский государственный университет

Ильина Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Катаев Алексей Олегович — адъюнкт очной адъюнктуры, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры германских языков, Военный университет Министерства обороны РФ (ВУМО РФ)

Коновалова Диана Геннадьевна — магистр филологии, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Косова Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Кунцевич Дарья Викторовна — магистр филологии, аспирант, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия); Университет Бордо Монтень (Бордо, Франция)

Куприянова Милана Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Макарова Александра Стефановна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Маркелова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, Московский государственный университет печати им. Ивана Фёдорова

Monforte Dupret, Roberto (Spain) — PhD, Associate Professor, University of Basque Country (UPV/EHU), Spain

Морослин Пётр Васильевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Международный гуманитарно-лингвистический институт

Омашева Жанар Магауяевна (Казахстан) — аспирант кафедры русского языка, Карагандинский государственный медицинский университет, Республика Казахстан

Попова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Преображенский Сергей Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Радович Мария (Сербия) — магистр филологических наук, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Тихонова Мария Александровна — аспирант кафедры русского языка и стилистики, Московский государственный университет печати им. Ивана Фёдорова

Тихонова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики, Московский государственный университет печати им. Ивана Фёдорова

Ткач Дмитрий Геннадиевич — кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры рисунка и живописи, Московский государственный университет дизайна и технологии, Институт искусств

Томашевич Стелла Бернардовна — доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Фатеева Инна Михайловна — кандидат филологических наук, РКИ, Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт)

Чеснокова Ольга Станиславовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Чигашева Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой немецкого языка, МГИМО МИД России

Шервашидзе Вера Вахтанговна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Шулежкова Светлана Григорьевна — Заслуженный работник высшей школы, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Информация о журнале:

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 4

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Теория языка. Семиотика. Семантика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 03.11.2016. Выход в свет 14.11.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27,44. Тираж 500 экз. Заказ № 1480

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS

2016, N 4

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «Theory of Language.
Semiotics. Semantics»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41